

Таррин Фишер

«Рыжая»

Люби меня во лжи - 2

Дорогая Авантюристка,

Ты думала, что сможешь отнять
его у меня, но ты проиграла. Теперь,
он – мой, и я пойду на всё, чтобы
удержать его.

Ты сомневаешься во мне?

Сейчас у меня есть всё, что
предположительно, должно было быть
твоим. Если тебе интересно, он
никогда больше не думал о тебе.

Я не позволю ему уйти... никогда.

Рыжая

Рыжая

Таррин Фишер

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ САЙТА WWW.FAILENARCHANGEL.RU

Автор: Таррин Фишер

Рейтинг: 16+

Серия: Люби меня во лжи #2 (про одних героев)

Номер в серии: 2

Главы: 36 глав + Эпилог

Переводчик: Galia_Br, AleksCareva, [unreal]

Редакторы: Galia_Br, AleksCareva, [unreal]

**Вычитка и оформление: AleksCareva, при участии
Lucifer**

**ВНИМАНИЕ! Копирование без разрешения
переводчиков запрещено!**

АННОТАЦИЯ:

Дорогая Авантюристка,

Ты думала, что сможешь отнять его у меня, но ты проиграла. Теперь, он — мой, и я пойду на всё, чтобы удержать его.

Ты сомневаешься во мне?

Сейчас у меня есть всё, что предположительно, должно было быть твоим. Если тебе интересно, он никогда больше не думает о тебе.

Я не позволю ему уйти... никогда.

Рыжая.

У Лии Смит наконец-то есть все, о чем она когда-либо только мечтала. За исключением одного. Ее

брак все меньше похож на обязательство на всю жизнь и все больше напоминает временное явление. А образ, который она так усердно выстраивала, рушится прямо у нее на глазах. В новой роли и с прошлым, полным тайн, Лия должна, наконец, решить для себя, как далеко она готова зайти, чтобы сохранить то, что украла.

ВНИМАНИЕ!

Копирование и размещение перевода без разрешения администрации группы, ссылки на группу и переводчиков запрещено!

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!

Глава 1

Настоящее...

Я смотрю на вопящее, розовое существо в своих руках, и меня охватывает паника.

Паника напоминает водоворот. В голове словно образуется воронка, которая закручивается все быстрее и быстрее и вскоре уже все тело оказывается затянуто в нее. И на каждом круге сердце бьется все сильнее и сильнее, а внутренности все сильнее сдавливают, скручивает, стягивает узлом. Коленки охватывает слабость, а воронка неумолимо приближается к ногам. Приходится поджимать пальцы, делать глубокие вдохи и хвататься за кольцо здравомыслия, которое может спасти жизнь, иначе паника окончательно одолеет.

Вот такие они — мои первые десять секунд в роли матери.

Я передаю ребенка в руки ее отцу.

— Нам нужно нанять няню.

Я обмахиваюсь журналом «Vogue», словно веером, пока не становится очень трудно удерживать его, тогда я опускаю запястье и роняю журнал на пол.

— Могу я получить свою «Пеллегрينو»?

(Примеч. Пеллегрино — всемирно известный

итальянский бренд минеральной воды натуральной газации)

Я тянусь к бутылке воды, которая находится вне досягаемости, а затем роняю голову назад на плоскую, больничную подушку и закрываю глаза. Факты таковы: человек просто выпал из моего тела после того, как он рос в нем в течение девяти месяцев. Сходство с паразитами достаточно, чтобы схватить доктора за воротник и заставить его завязать мои фаллопиевы трубы в крепкий узел. *(Примеч. **Фаллопиевы трубы** — иначе называются яйцеводы. В фаллопиевой трубе происходит оплодотворение яйцеклетки. Оплодотворенные яйцеклетки (яйца) поступают в матку, где и протекает нормальное развитие плода вплоть до родов)* Мой живот, который я, конечно же, уже успела исследовать напоминает сдувшийся воздушный шарик. Я устала. У меня все болит. Я хочу домой. Когда в моей руке так и не появляется бутылка воды, я открываю глаза. Разве люди не должны суетиться вокруг меня после всего того, что я только что сделала?

Отец с дочерью на руках стоит перед окном, освещаемый тусклым послеполуденным солнцем и эта картина напоминает мне дрянную рекламу больницы. Не хватает только крылатой фразы

клиники «Начните свою семью вместе с нами» и момент можно считать идеальным.

Приложив усилие, изучаю их. Он убаюкивает ее в своих объятиях, опустив голову так низко, что их носы практически соприкасаются. Этот момент должен быть невероятно трогательным, но он смотрит на нее с такой любовью, что я чувствую, как ревность сжимает в своих тисках мое сердце. У ревности чертовски сильная рука. Я пытаюсь избавиться от этих ощущений, жалея, что позволила этому чувству завладеть мной.

Ну почему это не мог быть мальчик? Это... мой ребенок. Новое разочарование вынуждает меня прижать подушку к лицу, чтобы отгородиться от «трогательной сцены», разворачивающейся передо мной. Два часа тому назад доктор произнес «девочка» и положил синее, покрытое слизью тельце мне на грудь. Я не знала, что делать. Мой муж наблюдал за мной, поэтому я приподняла руку, чтобы прикоснуться к ней. Все это время слово «девочка» давило мне на грудь, словно слон весом в тонну.

Девочка.

Девочка.

Девочка.

Я буду делить своего мужа с другой женщиной...
снова.

— Как мы назовем ее? — он даже не смотрит на меня, когда спрашивает об этом. Мне кажется, я заслужила хотя бы взгляда. С меня хватит! Не прошло и часа, а я уже на заднем плане.

Я не подбирала имя для девочки, ведь была уверена, что родится мальчик. Чарльз Остин — в честь моего отца.

— Я не знаю. Есть предложения? — я разглаживаю простыню, изучая свои ногти. Имя — это ведь просто имя, верно? Я вот даже не пользуюсь тем, которое дали мне родители.

Он довольно долго ее разглядывает, придерживая рукой ее головку. Она прекратила махать своими ручонками. Теперь она лежит неподвижно и довольна тем, что находится в его руках. Мне знакомо это ощущение.

— Эстелла, — имя срывается с его губ так, словно он всю жизнь ждал того момента, когда сможет произнести его вслух.

Я приподнимаю голову. Не ожидала что-нибудь столь... древнее. Я дотрагиваюсь до своего носа.

— Напоминает очень устаревшее женское имя.

— Это из книги.

Ох, Калев и его книги.

— Из какой? — я не люблю читать.... если только это не журналы. Надеюсь, что эта книга экранизирована и, возможно, я даже видела этот фильм.

— *«Большие надежды»*.

Я зажмуриваюсь и испытываю дискомфорт в области живота. Это как-то связано с ней. Уверена в этом.

Я не озвучиваю эти мысли вслух. Я слишком умна, чтобы акцентировать внимание на своей неуверенности, поэтому просто небрежно пожимаю плечами и улыбаюсь в его сторону.

— Есть какая-нибудь причина, чтобы назвать так ребенка? — сладким голосом интересуюсь я.

На минуту мне кажется, что я вижу, как едва

заметная тень омрачает его лицо, затрагивая глаза, перед которыми словно проносятся кадры из фильма. Я с трудом сглатываю. Я знаю это выражение лица.

— Малыш ...?

Фильм заканчивается, и он возвращается обратно ко мне.

— Мне всегда нравилось это имя. Она похожа на Эстеллу.

Я слышу подвох в его голосе.

Как по мне, то она похожа на лысого старикашку, но я просто киваю. Я не умею говорить «нет» своему мужу, который сейчас выглядит, словно ребенок, который получил желаемое.

Когда он уезжает домой, чтобы принять душ, я достаю свой сотовый из-под подушки и ищу в Google Эстеллу из *«Больших надежд»*.

Один веб-сайт называет ее очаровательной красоткой, не забывая упомянуть про ее холодность и манию величия. Другой говорит, что она была физическим воплощением всего того, что Пип хотел иметь, но не мог. Я откладываю телефон подальше и

заглядываю в люльку, стоящую рядом со мной. Кaleb никогда ничего не делает просто так. Все его поступки имеют какую бы то ни было цель. Интересно, как давно он хотел, чтобы родилась девочка? Неужели на протяжении всех девяти месяцев, пока я планировала родить сына, Кaleb хотел, чтобы родилась именно девочка?

Я ничего не чувствую. Ни одну из тех трогательных, материнских эмоций, о которых мне рассказывали мои подруги, уже имеющие детей. Описывая их они использовали слова, наподобие: безоговорочная, всеобъемлющая, любовь всей моей жизни. Я улыбалась и кивала, сохраняя слова в памяти до тех времен, когда у меня, наконец, появится собственный ребенок. И вот теперь он у меня есть, а я ничего не чувствую. Эти слова совершенно ничего не значат для меня. Интересно, думала бы я иначе, если бы у меня родился мальчик? Ребенок начинает вопить, и я нажимаю на кнопку вызова медсестры.

— Могу я вам помочь? — в палату входит медсестра в халате с изображением «Заботливых мишек». (*Примеч. Заботливые мишки — мультсериал о веселых и добрых медведжатах, которые всегда готовы прийти на помощь*) На вид ей лет пятьдесят. Я улыбаюсь ей и киваю.

— Не могли бы вы забрать ее в детскую комнату? Мне нужно немного поспать. Эстеллу уносят из моей комнаты, и я с облегчением вздыхаю.

У меня не получится быть хорошей матерью. О чем я только думала? Я дышу сначала через нос, потом через рот точно так же, как я делаю это на занятиях йогой. Хочется курить. Очень хочется курить. А еще мне хочется убить женщину, которую любит мой муж. Это все ее вина. Я забеременела, чтобы удержать мужчину, за которым уже была замужем. Женщина не должна поступать так. Она должна чувствовать себя в безопасности в браке. Ведь именно поэтому люди и сочетаются узами брака — чтобы обезопасить себя от всех мужчин, которые так и норовят влезть тебе в душу. Я охотно отдала свою Калебу. Преподнесла, словно жертвенного ягненка. И теперь вынуждена конкурировать не только с его воспоминаниями о другой женщине, но еще и с появившимся на свет ребенком. Он уже смотрит в ее глаза так, словно видит Гранд-Каньон в ее зрачках. *(Примеч. Гранд-Каньон — один из глубочайших каньонов в мире. Находится на плато Колорадо, штат Аризона, США на территории национального парка «Гранд-Каньон»)*

Вздыхнув, я сворачиваюсь клубочком, подтягиваю ноги к подбородку и обхватываю себя за лодыжки.

Что я только не делала, чтобы удержать этого человека. Я лгала и обманывала, была сексуальной и покорной, вспыльчивой и послушной. Была какой угодно, только не самой собой. Сейчас он мой, но ему меня всегда будет недостаточно. Я вижу это по его взглядам, когда он смотрит на меня. Его глаза словно всегда ищут что-то. Не знаю, что он ищет. Мне жаль, что я решилась на этот поступок. Я не могу сражаться с ребенком, со своим же ребенком.

Я такая, какая есть.

Меня зовут Лия, и я сделаю все, чтобы удержать своего мужа.

Глава 2

Спустя сорок восемь часов меня выписывают из больницы. Кaleb стоит рядом со мной, пока я оформляю бумаги на выписку. Он держит на руках Эстеллу, и я бы, наверное, жуткое его ревновала, если

бы он постоянно не прикасался ко мне — моя рука в его руке, большим пальцем он выводит круги на тыльной стороне моей ладони, его губы периодически касаются моего виска. Мать Калеба и его отчим заезжали чуть раньше. Они пробыли тут в течение часа, попеременно держа ребенка на руках, после чего уехали, чтобы пообедать с друзьями. Я испытала облегчение, когда они уехали. Мне некомфортно, когда надо мной нависают в то время, как я кормлю ребенка грудью. Они принесли бутылку виски «Брукладди» для Калеба, копилку от «Тиффани» для ребенка и великолепный комплект белья от «Гуччи» для меня. Несмотря на нахальство матери Калеба, стоит признать, что у этой женщины потрясающий вкус. Я ношу похожее белье. Я потираю материл между пальцами, ожидая момента, когда смогу примерить его.

— Не могу поверить, что мы сделали это, — в миллионный раз повторяет Калеб, глядя на ребенка.
— Мы сделали это.

С технической точки зрения, это сделала я. Мужчины очень удобно устроились, приписывая себе участие в создании этих маленьких существ, хотя на самом деле все их заслуги ограничиваются тем, что они затаскивают нас в кровать и испытывают оргазм. Он протягивает руку и игриво дергает меня за

волосы. Я слабо улыбаюсь. Я просто не могу долго сердиться на него. Он превосходен.

— У нее рыжие волосы, — говорит он, словно только сейчас понимает, что она от меня. Она рыжик, все верно. Бедному ребенку придется очень несладко. Трудно быть рыжей.

— Что? Этот пушок? Это не волосы, — дразню я.

Он принес с собой плюшевое одеяльце лавандового цвета. Я понятия не имею, где он взял его, потому что для ребенка мы подбирали вещи зеленого или белого цвета. Я наблюдаю за тем, как он пеленает её, руководствуясь советами медсестры.

— Ты позвонил в агентство, чтобы нанять няню? — робко спрашиваю я. Это очень больной вопрос для нас, наряду с кормлением грудью, за которое Калев активно выступает, в то время как я против этого. Мы заключили компромисс, что я буду кормить ее грудью пару месяцев, а затем сделаю пластическую операцию по увеличению груди.

Он хмурится, а я не понимаю почему. То ли из-за того, что я только что спросила, то ли из-за проблем, возникших при пеленании.

— Мы не будем нанимать няню, Лия.

Ненавижу, когда он так делает. У Калеба свое представление о том, какой должна быть семья. Могу поклясться, что его воспитывала сама Бетти Крокер. *(Примеч. Бетти Крокер — одна из самых знаменитых жёниц Америки. Идеальный образец жены и матери. Рекламный персонаж, которого на самом деле не существует)*

— Ты же сама сказала, что не собираешься возвращаться на работу.

— Мои друзья... — начинаю я, но он перебивает меня.

— Меня не волнует, как эти испорченные пустышки поступают со своими детьми. Ты ее мать, поэтому именно ты будешь воспитывать ее, а не какая-то там незнакомка.

Я прикусываю губу, пытаюсь сдержать истерику. Глядя на его лицо, понимаю, что мне ни за что не выиграть эту битву. Мне следовало понять, что человек, вроде Калеба Дрэйка, оскалив зубы, до последнего будет сражаться за то, что принадлежит ему и никогда не позволит никому постороннему прикоснуться к дочери.

— Я же ничего не знаю о детях. Поэтому подумала, что мне понадобится рядом кто-нибудь, кто сможет мне помочь... — я цепляюсь за последнюю соломинку... слегка надувая губки. Как правило, это срабатывает в мою пользу.

— Мы что-нибудь придумаем, — хладнокровно отвечает он. — Большинство родителей в мире не могут позволить себе нанять няню и справляются сами. Вот и мы справимся.

Он заканчивает пеленать Эстеллу, после чего протягивает ее мне. В этот самый момент заходит медсестра, чтобы отвезти меня на кресле до машины. Пока она везет меня, я сижу с закрытыми глазами, боясь даже взглянуть на ребенка.

Когда Калевб подгоняет к выходу мой новый автомобиль «для мамочек», мы сразу же понимаем, что не получится усадить в детское кресло ребенка, закутанного в пеленку. Я сразу же расстраиваюсь. Когда все идет не так, как мне хочется, я сразу же теряюсь. Калевб же, громко смеясь, признается ребенку, какой он глупый, попутно разворачивая пеленку. Она крепко спит, но он продолжает с ней разговаривать. Как же глупо выглядит взрослый мужчина, который ведет себя подобным образом. Когда мы надежно зафиксировали ее в креслице, он

помогает мне забраться в машину. Прежде чем закрыть дверцу, он нежно целует меня в губы. Я закрываю глаза и наслаждаюсь поцелуем, смакую на вкус его внимание. Так мало поцелуев, которые способны позволить мне почувствовать, что мы с ним связаны. Он всегда где-то не там, где я... с кем-то еще. Если ребенок сможет связать нас вместе, то возможно я была права, когда решила сделать то, что в итоге и сделала.

Я впервые сижу в своей новой машине, которую Кaleb забрал сегодня утром из автосалона. У всех моих друзей внедорожники подешевле. Я же заполучила лучшее. Хотя изначально я была очень взволнована покупкой этой машины, сейчас она напоминает мне тюремную камеру за девяносто тысяч долларов. Пока мы едем, он что-то рассказывает. Я внимательно вслушиваюсь в звук его голоса, совершенно не обращая внимание на то, что он говорит. Я продолжаю размышлять о той, что находится в автомобильном креслице.

По прибытии домой, Кaleb достает Эстеллу из кресла и нежно укладывает ее в новую кроватку. Он уже называет ее Стеллой. Я же бездельничаю на своем любимом диванчике в гостиной, и щелкаю пультом телевизора. Он приносит мне молокоотсос, и я вздрагиваю.

— Она хочет есть, а раз ты не хочешь кормить ее традиционным способом...

Я хватаю прибор и приступаю к «делу».

Машинка жужжит и мурлычет, а я чувствую себя дойной коровой. Почему все так? Женщина вынашивает ребенка в течение долгих сорока двух недель, а потом пользуется молокоотсосом, чтобы выкормить его. Кажется, Кaleb наслаждается моим дискомфортом. У него вообще странное чувство юмора. Он всегда дразнится, вставляя свои тонкие остроумные замечания, на которые я частенько не отвечаю, но сейчас видя, как он наблюдает за мной с этой милой скромной улыбкой на губах, я начинаю смеяться.

— Лия Смит... — говорит он, — ...мама.

Я закатываю глаза. Ему нравится, как это звучит, но мое сердце сбивается с ритма от этих слов. Когда я заканчиваю, в обеих бутылочках довольно много очень жидкого молока. Я ожидала, что все остальное он сделает сам, но вместо этого он возвращается с плачущей Эстеллой на руках и протягивает ее мне. Я беру ее на руки всего лишь в третий раз, но стараюсь держаться естественно, чтобы произвести на него впечатление, и, кажется, это срабатывает, потому

что, когда Кaleb протягивает мне бутылочку, он улыбается, касаясь моего лица.

Может, это и есть ключ, и мне нужно просто делать вид, что я в восторге от материнства. Может, он видит меня именно в роли матери. Я опускаю взгляд на неё, пока она сосет из бутылочки. Её глаза закрыты и она издает ужасные чавкающие звуки, как будто уже проголодалась. Выглядит не так уж и страшно. Я немного расслабляюсь и изучаю ее лицо, пытаюсь найти общие черты. Кaleb был прав, скорее всего она будет рыженькой. В остальном же она похожа на него — полные, красиво очерченные губы под курносом носом. Конечно, она будет невероятно красивой.

— Ты помнишь, что в понедельник я уезжаю в командировку? — спрашивает он, стоя передо мной.

Я вскидываю голову и ничего не могу поделать с паникой, отражающейся на моем лице. Кaleb часто уезжает в командировки, но я думала, он пробудет несколько недель рядом со мной, пока я не освоюсь в новой роли и не восстановлюсь.

— Ты не можешь оставить нас одних.

Он медленно моргает и делает глоток жидкости

из своего стакана.

— Я и не хочу оставлять ее, Лия. Но, она родилась раньше назначенного срока. Никто другой не может поехать, я уже пытался найти себе замену, — он склоняется надо мной и целует мою ладонь. — С тобой все будет хорошо. В понедельник придет твоя мама. Она поможет тебе. Я уеду всего лишь на три дня.

Мне хочется завывать от полученной информации. Моя мать до жути самовлюбленный человек, который любит все драматизировать. Один день с ней тянется как целая неделя. Кaleb видит выражение моего лица и хмурится.

— Она старается, Лия. Она очень хотела приехать. Просто будь поласковее с ней.

Я закусываю губу, чтобы сдержаться и не сказать что-нибудь поистине омерзительное. У меня есть вторая, ужасно злая сторона натуры, которую Кaleb находит отвратительной, поэтому я стараюсь не проявлять ее пока он рядом. А когда его нет рядом, я матерюсь, как сапожник и швыряю, что под руку попадет.

— И насколько она планирует остаться? — ворчу я.

— Ей нужно срыгнуть...

— Что? — я так сильно увлечена мыслью о визите своей матери, что не замечаю, как Эстелла начинает задыхаться и на ее розовых губах начинает пузыриться молоко.

— Я не знаю, что делать.

Он подходит, забирает ее у меня и прижимает к своей груди. Кaleb похлопывает ее по спинке короткими движениями. Хлопки напоминают сердцебиение.

— Она собирается пробыть у нас неделю.

Я отворачиваюсь и прячу лицо в подушку, при этом выпячиваю задницу вверх. Он шлепает меня по ней и смеется.

— Все не так уж и плохо.

Я сжимаю зубы.

— Не-а.

Чувствую, как прогибается диван, когда он садится рядом со мной. Я бросаю на него взгляд сквозь свои рыжие волосы, которые обернуты вокруг

моего лица, словно красная маска. Одной рукой он удерживает ребенка, используя вторую, чтобы убрать волосы с моего лица и аккуратно переложить их мне за плечи.

— Посмотри на меня, — говорит он. Я выполняю его просьбу, стараясь при этом не смотреть на маленький сверток, прижатый к его груди.

— Ты в порядке?

Я сглатываю.

— Да-а.

Он сжимает губы и кивает.

— «Не-а» и «да-а». Я никогда не говорил тебе, что ты используешь эти слова для ответа на вопросы только тогда, когда ты расстроена?

Я начинаю стонать.

— Не подвергай меня психоанализу, мужчина.

Он смеется и толкает меня так, что я переворачиваюсь на спину. Я люблю, когда он играет со мной. Раньше такое происходило довольно часто,

но в последнее время...

— Все будет хорошо, Рыжик. Если я тебе понадобится, я сразу же сяду на самолет и вернусь домой.

Я улыбаюсь и киваю.

Но он ошибается. Ничего хорошего не будет. Последний раз я видела свою маму еще на седьмом месяце беременности. Она прилетела, когда мы праздновали предстоящее появление ребенка и всю дорогу жаловалась на то, какое ужасное место выбрали мои подруги для празднования.

— Это кафе, мама, а не бар.

На вечеринке она отказалась с кем-либо разговаривать и села в углу, обидевшись, потому что никто не представил ее в качестве мамы будущей матери. Она чуть не подралась с владельцем кафе из-за того, что у них нет органического бразильского меда. С тех пор я не хочу ее видеть.

Всепрощающий, всепонимающий Калек постоянно призывает меня не обращать внимание на ее недостатки и помочь ей понять, как стать для меня лучшей матерью. Мне нравится эта его черта, но я

уже давно осознала, что мне никогда не стать такой как он. Я делаю вид, что понимаю, к чему он клонит, но в итоге поступаю по-своему, что приводит к пассивной агрессии. Поэтому, я искренне с ним соглашаюсь. Я обещаю приложить усилия в общении со своей матерью, после чего поднимаюсь наверх, чтобы сбежать от него и кричащего ребенка. Я ужасно сильно хочу курить, и это меня убивает. Я иду в ванную и беру сигарету, после чего долго и упорно разглядываю себя в зеркало. Мой живот, к счастью, немного уменьшился. Еще несколько фунтов, и вернется привычный для меня вес. Все, что мне сейчас нужно — вернуть свою жизнь в нормальное русло.

Глава 3

Мам, как и запланировано, приезжает в понедельник. Мы втроем отправляемся встречать ее в аэропорт. Кaleb переживает, что еще слишком рано

брать с собой ребенка в многолюдные места, но я убеждаю его, что с ней все будет в порядке, если мы не будем доставать ее из коляски. Я устала сидеть дома, устала носиться с бутылочками и притворяться, что четыре килограмма человеческой плоти представляют из себя милое создание. Кроме того мне хочется свежесжатый сок от «Джамбо Джус». *(Примеч. Джамбо Джус — ресторан, предлагающий широкий выбор фруктовых и овощных смузи.)* Я потягиваю сок и хожу по пятам за Калемом, который прогуливается неподалеку от ленты выдачи багажа. Наконец-то в толпе прибывших, спускающихся по эскалатору, мелькают противные светлые волосы матери.

Я закатываю глаза. На ней надет белоснежный брючный костюм. Кто путешествует в белом? Она энергично машет рукой и спешит к нам; сначала обнимает Калеба, а затем уже меня.

Склонившись над коляской, она прижимает руку ко рту, словно пытается сдержать, обуравляющие ее эмоции.

Господи, мне больше всего на свете хочется сказатьсь больной.

— Оооооо, — воркует она, — она похожа на

Калеба.

Ну что за ерунда. Еще вчера я пришла к выводу, что она очень похожа на меня. У девчонки пушистые рыжие волосы и лицо в форме сердечка. Но Калёб широко улыбается, и они целых пять минут обсуждают привычки Эстеллы, касающиеся питания и испражнений. Я удивлена, что она знает о существовании подобных вещей, учитывая, что нашим с сестрой воспитанием занималась няня. Я нетерпеливо постукиваю ногой по дешевому ковровому покрытию и с тоской смотрю на выход. Я стою здесь, но на самом деле, мне очень хочется сбежать отсюда. И с чего я решила, что приехать сюда хорошая идея?

Когда внимание Калеба переключается на ребенка, мать с укоризной тычет пальцем меня в живот и качает головой. Я втягиваю живот и виновато озираюсь вокруг. Заметил ли еще кто-нибудь? Да, я родила ребенка всего лишь три дня назад, но я старалась стоять прямо, втянув живот. Моя мимолетная слабость выбивает меня из колеи. Это все, о чем я думаю всю дорогу пока мы едем домой. Я заключаю сделку сама с собой, что не буду есть до тех пор, пока не верну себе прежние формы.

Когда мы приезжаем домой, мать настаивает на

том, чтобы занять комнату рядом с комнатой Эстеллы, хотя мы приготовили для нее большую гостевую спальню.

— Мам, почему ты хочешь именно эту комнату?
— спрашиваю я, пока Калеб ставит ее сумку рядом с кроватью.

— Я хочу помочь тебе, Лия. Вставать к ней посреди ночи и делать все необходимое. — она хлопает ресницами и смотрит на Калеба, а он улыбается, глядя на нее.

Я сдерживаю порыв закатить глаза.

Она делает вид, что очарована ребенком, но я-то знаю, как все обстоит на самом деле. Игра на публику — вот чем она занимается, чтобы поддерживать свой имидж, а когда зрителей нет, нет и любви. Помню, когда я была еще ребенком, она гладила меня по головке, целовала в щеки и говорила какая я милая — все на глазах у своих друзей, но стоило им уйти, как меня отправляли обратно в мою комнату делать уроки или практиковаться в игре на скрипке, чтобы я не путалась у нее под ногами, пока не придет время следующей постановки «хорошая мамочка».

— Серьезно, мам? — цежу я сквозь зубы. — И как ты услышишь ее после того, как примешь свое снотворное?

Она хмурится. Калеб пихает меня локтем под ребра. Похоже, мы не будем обсуждать ее зависимость от снотворного.

— Я не буду принимать их сегодня, — решительно заявляет она. — Я буду кормить ее и ухаживать за ней, так что сегодня вы сможете отдохнуть.

Калеб обнимает ее, после чего мы все спускаемся вниз.

Сидя на высоком барном стуле на кухне, я с подозрением наблюдаю, как она ходит по комнате с Эстеллой на руках и напевает ей дурацкие песенки. Мы беседуем о пустяках, точнее они беседуют, а я тереблю кончики своих волос.

— Мы прекрасно проведем время, пока твой папочка будет в отъезде, — воркует она с ребенком. — Ты, твоя мамочка и я.

Калеб бросает на меня предостерегающий взгляд, после чего уходит наверх, чтобы собрать вещи

к отъезду. Меня так и подмывает отпустить язвительный комментарий, но я помню свое обещание, поэтому молчу. Кроме того, если ей хочется играть в «бабушку» и заботиться об Эстелле, пока нет Калеба, то пусть так и будет. Это избавит меня от необходимости заниматься ею.

— У неё рыжие волосы, — говорит она, как только Калеб оказывается вне пределов слышимости.

— Да, я заметила.

Она цокает языком.

— Я всегда представляла, что мои внуки будут темненькими, как Чарльз.

— Она не будет, — прерываю ее я, — потому что она моя.

Она искоса смотрит на меня.

— Не будь такой обидчивой, Джоанна. Тебе это не идет.

Вечно она критикует. Не могу дождаться, когда она уедет.

Но тут меня осеняет. Когда она уедет, Калеб не

будет сидеть дома с ребенком. Ребенком всегда должна буду заниматься я. Эта командировка одна из многих, когда мне придется не спать ночами и менять испачканные в экскрементах памперсы и — о Боже — купать ее. Я чуть не падаю со стула. Няня. Я обязана уломать Калеба нанять няню. Я должна показать ему, как сильно мне необходима помощь.

— Мама, — заискивающе зову я ее. Пожалуй, даже слишком заискивающе, потому что она смотрит на меня, приподняв брови. — Калев не хочет, чтобы я нанимала няню, — жалуюсь я, надеясь, что если она примет мою сторону, то это послужит для него убедительным аргументом.

Она бросает взгляд в сторону лестницы, куда Калев ушел несколько секунд назад. Она облизывает губы, а я склоняюсь к ней, чтобы хорошенько расслышать Женскую мудрость, которую она собирается мне передать. Моя мать очень находчивая женщина. Ей пришлось стать такой, когда она вышла замуж за деспота, контролирующего всех и вся. Она научилась добиваться своего, не показывая, что именно это и было ее желанием.

Когда Кортни было восемнадцать, она захотела поехать в Европу со своими друзьями. Отец был против этой поездки. Точнее, он никогда не

произносил этого вслух. Как только она озвучила свою просьбу, он резко взмахнул рукой, рассекая воздух. ВЗМАХ РУКОЙ. В нашем доме это обычное дело. Не понравился обед? ВЗМАХ РУКОЙ. Неудачный день на работе и нет желания ни с кем разговаривать? ВЗМАХ. Лия разбила свою машину за пятьдесят тысяч долларов в пятый раз? РУКА СНОВА РАССЕКАЕТ ВОЗДУХ. Но, не смотря на все эти подражания мельнице, Кортни все равно поехала в Европу.

— *Помнишь, как бедно вы жили, когда ты был маленьким? Как ты мечтал путешествовать?* — мать.

— *Она и есть ребенок,* — отец.

— *Подумай, это же хорошо, что она поедет сейчас, пока мы еще можем контролировать ее. Мы оплатим поездку, отели, все будет безопасно... гораздо лучше, нежели она поедет, когда ей будет двадцать и будет трахаться с кем попало, пока будет во Франции,* — мать.

Отец ненавидит французов.

Отец призадумался. Мамины аргументы показались ему логичными. Через неделю он сдался.

Корт находилась под неусыпным контролем, но, Боже мой, она все-таки поехала в Европу! А я пошла в государственный колледж. Кортни привезла мне в подарок небольшую картину, которую купила у уличного торговца. На ней был изображен красный зонтик, раскрытый под дождем, который удерживала невидимая рука. Я отодвинула бумагу в сторону и сразу поняла, что она пыталась мне сказать. Я расплакалась, а Корт засмеялась и чмокнула меня в щеку.

— Не плачь, Лия. Ведь в этом весь смысл этой картины, правда?

Всего два месяца в Европе, и она стала добавлять «правда» в конце каждого предложения.

В те времена она... была... такой милой. Мне хочется завести разговор о ней, узнать у мамы о ее последнем парне, но тема по-прежнему очень щекотливая.

— Твоему мужу не может быть больно от того, о чем он не знает, — голос матери возвращает меня обратно в реальность.

И все? Я тупо смотрю на нее. И как я должна преподнести эту чушь, чтобы получить постоянную

помощь по уходу за ребенком?

Мать вздыхает.

— Лия, милая... Кaleb ведь большую часть времени в командировках?

Я улавливаю ее мысль и медленно киваю. Понимая, какие возможности открываются передо мной, я округляю глаза. Могу ли я действительно сделать это? Нанять кого-нибудь, кто бы приходил и заботился о малыше в те дни, когда Кaleb будет в отъезде?

Моя мать эксперт в искусстве обмана. Однажды, еще перед тем как пожениться, мы сделали перерыв по его просьбе. Он тогда попал в ужасную автомобильную аварию и в результате травмы головы потерял память. К моему абсолютному ужасу, он не помнил, кто я. Помню, что задумывалась над тем, *«Как нечто подобное могло приключиться со мной?»* Я как раз собиралась обручиться с парнем своей мечты, и вот он смотрит на меня так, словно видит впервые. Я быстро пораскинула мозгами и решила поддерживать его во всем, пока к нему не вернется память. Потребуется выждать какое-то время, но в итоге, он вспомнит, как сильно хотел быть со мной и наденет мне на пальчик кольцо от Тиффани с

огромным брильянтом, который я нашла в ящике с его носками. Но вместо того, чтобы узнавать меня получше, пока мы ждали, когда вернется его память, он отдалялся, предпочитая проводить все больше и больше времени в одиночестве. Вскоре он объявил, что видится с другой девушкой, если «*видится*» подходящее слово для той ситуации, которая происходила на самом деле. Да и «*девушка*» не самое подходящее слово для той хитрой, бесполезной бродяжки, которая чуть не разрушила мою жизнь. Я позвонила матери, чтобы рассказать о том, что он сказал мне.

— Проследи за ним, — посоветовала она. — Узнай насколько все серьезно и заставь его прекратить это.

Я поступила именно так, как она мне посоветовала. Однажды вечером я последовала за ним к невзрачному жилищному комплексу, расположенному в одном из бедных районов. Здания там были выкрашены в ярко-оранжевый цвет. Я взглянула на жалкую растительность возле комплекса, которая не скрасила внешний вид дома, и припарковалась в одном квартале от «Audi» Калеба. Меня захлестывали эмоции от одной только мысли, что он, вероятнее всего, приехал сюда, чтобы увидеться с этой девушкой. В зеркало заднего вида я

наблюдала, как он подошел к двери и постучал. Он не сверялся с картой или навигатором в телефоне, чтобы найти ее. Складывалось ощущение, словно он точно знал, куда нужно идти. Открылась дверь, и, хоть я и не могла видеть, кто стоял внутри, я знала, это должна быть она, потому что его лицо мгновенно озарилось улыбкой, которая обычно предназначалась мне; флиртующая и невероятно сексуальная. Боже, что здесь происходит?

Я выждала несколько минут, после чего выбралась из машины и приблизилась к двери. Просто чтобы убедиться, что я поступаю правильно, я написала матери сообщение и получила решительный ответ: «Зайди внутрь и вытащи его, пока он не наделал глупостей!»

И спустя несколько секунд пришло еще одно сообщение, в котором было всего одно слово: «Плачь»

Я в точности последовала ее совету, и Калев ушел той ночью со мной. Но я недолго радовалась победе. Девушка, с которой он виделся, оказалась его старой подругой по колледжу. Не поставив нас с Калевом в известность, она притворялась, что только что встретила его и пыталась втиснуться обратно в его жизнь, чтобы заполучить второй шанс с ним. Я

поняла это, когда вломилась в ее квартиру. После этого я направилась напрямик к нему с уликой, которую сжимала в кулаке, готовясь разоблачить ее план. Она — проблема. Большая проблема. В ту минуту, когда я впервые увидела, мне следовало понять, что она не какая-то случайная ничего не подозревающая девушка, которую он встретил. У меня было достаточно времени, чтобы все осознать. Его не оказалось дома, когда я пришла, поэтому я воспользовалась своим ключом. Кaleb не знал, что у меня есть ключ. Проникнув в квартиру, я изучила царящий там беспорядок, словно я чертов сыщик. Очевидно, он готовил ужин для двоих. В воздухе все еще витал аромат стейка, который ни с чем не спутаешь. Она была здесь с ним? Мне стало плохо. Я нашла два бокала из-под вина в гостиной и в панике понеслась к спальне за уликами, что они провели ночь вместе. Его кровать была разобрана, но я не обнаружила никаких следов секса ни в одной из комнат. Да и что могло остаться? Кaleb не использует, да и никогда не будет использовать презервативы. Из-за этого мне даже пришлось проходить тест на беременность вскоре после того, как мы начали встречаться. Он сказал, что от одного только вида презервативов у него все в желудке переворачивается, поэтому я точно не обнаружу никаких оберток, разбросанных вокруг.

Вздыхнув с облегчением, я подошла к шкафу, открыла его и проверила все полки до самых дальних стенок, пока не нащупала квадратную коробочку Тиффани, в которой лежало обручальное кольцо. Он был готов сделать предложение, когда эта чертова авария стерла меня из его памяти. Я заслужила быть с ним и носить свой брильянт в два карата, достойный принцессы.

И я избавилась от нее.

На некоторое время.

Подбросив Калеба в аэропорт, я решаю пройтись по магазинам. Не очень хорошо с моей стороны и я, наверное, должна испытывать чувство вины... но я его не испытываю. Мне хочется провести пальцами по мягкому шелку. Я решаю, что раз уж, я не ношу баскетбольный мяч, привязанный к животу, то мне просто необходимо обновить гардероб.

Я паркую свой новый внедорожник перед «Гейблс» и сразу направляюсь в «Nordstrom» (*Примеч. Nordstrom — сеть магазинов модной брендовой одежды*) В примерочной я стараюсь не смотреть на свой живот. Как хорошо, что существуют платья с утягивающей талией. К тому времени, как я направляюсь к выходу, в руках у меня покупки на

сумму свыше трех тысяч долларов. Я закидываю все пакеты на заднее сидение и решаю встретиться с Катин, чтобы выпить.

— Ты разве не кормишь? — спрашивает она, усаживаясь на сиденье рядом со мной. Изучая мою увеличившуюся грудь, она подхватывает вишенку с подноса с закусками.

Я пожимаю плечами.

— Откачиваю. Ну и что?

Она снисходительно улыбается, пока жует свою вишню. Когда Катин ведет себя заносчиво, она здорово смахивает на Ньюта Гингрича, только светловолосого и накачанного ботоксом. (*Примеч. Ньют Гингрич — американский политик, писатель, публицист и бизнесмен*) Я слизываю соль с ободка бокала с «Маргаритой», и мне становится жаль ее.

— Ну, не стоит пить, если кормишь грудью.

Я закатываю глаза.

— Дома в холодильнике у меня приличный запас молока. К тому времени, когда мне снова надо будет откачивать его, в организме уже не останется

алкоголя.

Катин округляет глаза, из-за чего выглядит еще тупее, чем должна выглядеть блондинка.

— Как твоя «дорогая мамочка»?

— Она приглядывает за «дорогим ребенком», — отвечаю я. — Мы можем не говорить об этом?

Она пожимает плечами, словно ее это особо и не интересует. Она заказывает джин с тоником у бармена и сразу проглатывает залпом.

— Вы с Калебом уже занимались сексом?

Я вздрагиваю. У Катин язык без костей. Она винит во всем свою принадлежность к другой культуре, но она живет здесь еще с тех пор, как не умела ходить толком. Я заказываю еще одну «Маргариту». Бармен привлекательный. По какой-то причине мне не хочется, чтобы он знал, что я мать. Я понижаю голос.

— Я только что родила ребенка, Катин. Нужно выждать шесть недель.

— Мне делали кесарево, — объявляет она.

Конечно, я это знаю. Катин уже с десяток раз в отвратительных подробностях описывала свои роды. Я скучаяще посмотрела по сторонам, но ее следующие слова заставили меня резко повернуть голову.

— Твоя вагина теперь растянута и бесполезна.

Для начала я проверила слышал ли бармен, затем прищурилась.

— Что ты имеешь в виду?

— Естественные роды. Что? Ты думала, что все будет как раньше? — она начинает хихикать, как самая настоящая гиена. Я смотрю на ее ничем не прикрытое горло, когда она откидывает голову назад, чтобы прекратить хихикать. Как часто я задумывалась над тем каково это дать пощечину лучшей подруге? Успокоившись, она драматично вздыхает.

— Боже, я просто шучу, Лия. Ты бы видела свое лицо. Как будто я сказала, что умер твой ребенок.

Я кручу в руках салфетку. Что если она права? Пальцы зудят от желания достать телефон и загуглить это. Я выполняю упражнения Кегеля,

чтобы держать себя в тонусе. (*Примеч. Упражнения Кегеля — упражнения для укрепления и приведения в тонус мышц тазового дна*)

Заметит ли Калев разницу? Меня прошибает пот, как только я думаю об этом. Наши отношения всегда основывались на сексе. Мы любим секс; мы им занимаемся, а все наши друзья ведут жизнь, когда возможен только вялый секс в миссионерской позе, да и то лишь после того, как дети отправятся спать. В самом начале наших отношений в течение первых месяцев на его лице вспыхивало облегчение, когда он тянулся ко мне, а я ему отвечала. Я ни разу не оттолкнула его. Никогда этого и не хотела. Теперь, я должна принимать во внимание, что он может оттолкнуть меня.

Я заказала еще один напиток.

Эта проблема может вызвать всевозможные трудности. Нужно срочно назначить встречу с моим терапевтом.

— Слушай, — говорит Катин, наклоняясь ближе ко мне, из-за чего в нос мне ударяет аромат ее слишком сладких ванильных духов. — Все меняется, когда у тебя появляется ребенок. Твое тело меняется. Отношения между тобой и твоим мужем меняются.

Ты должна быть изобретательной и, Бога ради, сбрось лишний вес... как можно быстрее.

Она щелкает пальцами, подзывая официанта, и заказывает картошку фри и жареных кальмаров.

Сучка.

Глава 4

Прошрое ...

Я познакомилась с Каледом на вечеринке в честь двадцати четырехлетия Катин. Она проходила на яхте и была намного лучше вечеринки, устроенной в честь моего двадцать четвертого дня рождения, который я отметила в одном из фешенебельных ночных клубов на Саус-Бич. (*Примеч. Саус-Бич — квартал любителей ночной жизни. Сотни ресторанов, ночных клубов и великолепный пляж.*) Я пригласила двести человек, она же пригласила триста. Но принимая во внимание, что день рождения моей

лучшей подруги на четыре месяца позже моего, у нее есть преимущество и она затмевает меня каждый год. Я продолжала приглашать ее каждый раз с тех пор, как похорошела, и как мой отец поднялся в списке богачей «Форбс» на двенадцать пунктов выше ее отца.

Я нарядилась в черное шелковое платье от «Lanvin». Я заметила, что Катин примеряла его неделей ранее, когда мы ходили по магазинам в «Barney's». Ее бедра оказались слишком широки и она не втиснулась в приталенное платье, поэтому когда она отвернулась, я купила его. Естественно, она бы сделала то же самое будь она на моем месте.

Поприветствовав друзей, я направилась в бар за свежей порцией мартини и увидела его рядом с барной стойкой. Он сидел спиной ко мне, но по ширине плеч и стрижке я поняла, что он красавец. Я села на свободный стул рядом и посмотрела на него краешком глаза. В первую очередь я заметила его сильную челюсть. Такой челюстью можно колоть грецкие орехи. Нос у него немного странной формы, но это совершенно не портило его привлекательность. С горбинкой и несколько искривленной переносицей. Элегантный, как старинный револьвер. Губы довольно чувственные, как для мужчины. Он был бы чересчур красив, если

бы не этот нос — этот элегантный нос. Я выждала положенное число минут, чтобы он обратил на меня внимание, хотя обычно мне не нужно прилагать усилия, чтобы привлечь внимание мужчины. Он так и не повернулся ко мне, поэтому мне пришлось кашлянуть несколько раз. Он медленно перевел взгляд с телевизора, висящего над барной стойкой, на меня, словно я ему мешала. Глаза у него оказались цвета кленового сиропа, если смотреть на него в лучах солнца. Я ожидала, что на его лице появится довольное выражение, какое обычно появляется у всех мужчин, которым посчастливилось привлечь мое внимание. Но выражение его лица не изменилось.

— Меня зовут Лия, — представилась я, наконец, и протянула ему руку.

— Привет, Лия, — он одарил меня полуулыбкой, пожал руку, а затем отвернулся обратно к телевизору. Мне знаком подобный тип мужчин. Чтобы заполучить парня с кривой ухмылкой, нужно уметь играть в его игры. Они любят «преследовать».

— Откуда ты знаешь Катин? — спросила я, внезапно ощутив безысходность своего положения.

— Кого?

— Катин... девушку, на чьей вечеринке ты сейчас находишься?

— Ах, Катин, — произнес он, сделав глоток из своего бокала. — Я ее и не знаю.

Я ждала, что он начнет объяснять, что пришел на вечеринку с подругой или что он дальний родственник кого-нибудь из присутствующих гостей, но он промолчал. Я решила зайти с другой стороны.

— Тебе нужен бурбон и пиво, чтобы составить компанию твоему виски?

Он посмотрел на меня так, словно видит впервые, при этом часто моргал, будто пытался прояснить зрение.

— Это твоя лучшая техника, чтобы подцепить кого-то? Строчка из кантри? *(Примеч. имеется в виду песня Джорджа Торогуда в стиле кантри «Один бурбон, одно виски, одно пиво»)*

Я увидела намек на улыбку в его глазах и, воодушевленная, улыбнулась.

— Эй, у нас у всех есть слабые стороны, у меня это кантри музыка.

Он изучал меня в течение минуты, прошелся взглядом по волосам, затем замер на губах. Он провел пальцами по запотевшему бокалу, собирая влагу кончиками пальцев. Я завороженно наблюдала, как он растирает ее между большим и указательным пальцем.

— Ладно, — сказал он, повернувшись ко мне. — Какие еще слабости у тебя есть?

Уже тогда я могла бы ответить ему: «Ты»

— Э-э-э, — промычала я, соблазнительно покачав головой, и подалась вперед, просто, чтобы дать ему возможность, увидеть мою грудь. — Я уже раскрыла тебе одну. Теперь твоя очередь.

Он хмыкнул и посмотрел на запотевший бокал. Медленно покрутив его в руках, он снова посмотрел на меня, словно решая, стоит или нет продолжать этот разговор. После продолжительной паузы его взгляд стал холодными и он произнес:

— Ядовитые женщины.

Я откинулась назад, пораженная. Это же превосходно. Мою ядовитость можно оценить на десятку по десятибалльной шкале. Если ему нужен

яд, я могу закачать его прямо ему в шею.

Он медленно сделал большой глоток виски. Я оценила ситуацию. Стало понятно, что этот парень совсем недавно «играл в пинг-понг» с профессионалом, где мячиком служили его чувства. Он пьет очень крепкие и дорогие напитки на празднике, на котором предпочел бы не присутствовать. Несмотря на тот факт, что я выставила на обозрение все свои прелести, надев платье, которое не оставляет простора воображению, он едва на меня взглянул. Обычно мужчины, которым дали отставку меня не пугают. Их разбитое сердце может обеспечить страстный, случайный секс. Они видят в женщинах только хорошее — то, что напоминает им о лучших днях с их бывшими, — осыпают комплиментами и прилипают к нам с благодарностью на неделю или две. Обычно я наслаждаюсь отвергнутыми мужчинами. Но этот не такой. Он не задается вопросом, представляет ли он какую-нибудь ценность, как человек, только потому, что его отношения закончились. Его интересует здравый смысл, и он пытается выяснить в какой именно момент эти отношения начали рушиться.

Он безукоризненно одет, хотя, очевидно, не стремился к этому. Это в его характере, что означает, что у него есть деньги, а я люблю деньги. Я заметила

«Rolex», рубашку от Армани и легкость, с которой он смотрит на мир. Также я заметила, как он сказал «спасибо», когда бармен подал ему новую порцию его напитка, и как он несколько раз вздрогнул, когда пара, сидящая рядом с ним, выругалась. Такие парни, как он, не бывают одни. Мне стало любопытно, какая тупая сучка могла его бросить. Кем бы она ни была, я бы стерла ее из его памяти раз и навсегда. Почему? Потому, что я лучшая из лучших: «Годива», «Мазератти», самый чистый бриллиант. (*Примеч. Годива — марка элитного шоколада; Мазератти — производитель эксклюзивных автомобилей спортивного и бизнес-класса*) Я могу осчастливить любого, а особенно этого мужчину.

С только что обретенной уверенностью в наших будущих отношениях, я улыбнулась ему и закинула ногу на ногу так, что юбка задралась вверх, обнажая бедро.

— Ладно, — произнесла я медленно. — Сегодня твой счастливый день.

— Почему?

Он даже не взглянул на мои ноги. Я вздохнула.

— Ну, я хотела сказать что-нибудь умное о том,

что я тоже ядовита, но, судя по твоему настроению, тебе нужна приличная порция свежевыжатого сока «Jamba Juice» или что-то в этом роде.

Он фыркнул.

— Видишь, я смешная,— сострила я.

— Да, — улыбнулся он, — немного.

Осмелев, я развернула свой стул так, чтобы оказаться к нему лицом. Мои коленки теперь касались внешней части его бедра, и он не сделал ничего, чтобы отстраниться.

Попался.

— Итак, — я вытащила портсигар из клатча. — Еще одна моя слабость, ты не возражаешь? — он посмотрел на сигарету в моих губах и покачал головой. Я закурила и затянулась.

— Как тебя зовут, мистер Грустные Глаза?

Уголки его губ дрогнули, и он едва заметно приподнял брови.

— Калеб, — представился он. — Калеб Дрэйк.

Мысленно я добавила фамилию Дрэйк к своему имени и поняла, что мне нравится, как это будет звучать.

Я выдохнула сигаретный дым в сторону океана.

— А я Лия... и если ты правильно выложишь козыри, я могу стать Лией Дрэйк, — я приподняла брови.

— Вау, вау..., — повторил он. — Это меня отрезвило.

— Она не захотела выйти за тебя? — сочувственно спросила я.

— Она много чего не захотела, — ответил он, сделав последний глоток виски, и встал. Он оказался удивительно высоким. Я мысленно встала рядом с ним и моя макушка оказалась на уровне его плеча, значит его рост составляет почти два метра.

Я ждала от него дальнейших действий, но что бы он ни сделал, он уже принадлежал мне.

Он встал и поцеловал мне руку. Это привело меня в замешательство.

— Спокойной ночи, Лия, — сказал он и, к моему

огромному удивлению, ушел.

Все рухнуло.

Мне показалось, между нами проскочила искра.

Я думала о нем весь следующий день, пока лечила похмелье. Кто он такой? Зачем приходил? Чем она так его обидела, что он предпочел отказаться от меня? Меня! В какой-то момент меня посетила мысль, что его бывшая какая-нибудь знаменитость. Видит Бог, он достаточно красив, чтобы разбить сердце даже какой-нибудь знаменитости. Я думала о его невозмутимости и о трепете, который ощутила, когда он наконец-то посмотрел на меня. Приходилось ли мне раньше прикладывать столько усилий, чтобы заставить парня посмотреть на меня? Нет. А когда он посмотрел, мне хотелось, чтобы он прекратил смотреть. Он смотрел так, будто уже хорошо знает тебя — открыто, скучающим, осуждающим взглядом. Подобный взгляд вынуждает задуматься, каково это оказаться объектом его внимания, какие ощущения будешь испытывать, когда он сам захочет посмотреть на тебя.

Я расспросила знакомых, пытаюсь выяснить, кто он такой и где тусуется. Я талантливый сыщик. У

меня много знакомых, и уже спустя пару звонков я знала, где найти Калеба Дрэйка. Еще пара звонков и нам уже устраивают свидание вслепую.

— Подожду хотя бы месяц, — сказала я кухне. — Дам ему немного времени, чтобы он зализал свои раны, а затем спасу его.

Месяц спустя я направлялась в суши-бар «Tatu», обнаженные ноги оведал теплый ветерок, а сердце бешено стучало о ребра.

— Не может быть, — сказал он, как только меня увидел.

Я изобразила удивление. Опустив голову вниз, я спросила:

— Одинокый англичанин ищет рыжую?

Он громко рассмеялся и обнял меня.

На нем была белая рубашка с закатанными до локтей рукавами и шорты цвета хаки. У него был потрясающий золотистый загар, будто он загорал каждый день с тех пор, как я видела его в последний раз.

— Откуда ты знаешь Сару? — спросил он, пока я

проходила мимо него в дверь, которую он придержал открытой для меня.

— Она моя кузина, — я ухмыльнулась. — А откуда ты ее знаешь?

Конечно, мне был известен ответ. Парень Сары и Кaleb в колледже состояли в одном братстве. На вечеринку Катин он приходил вместе с ними.

Я слушала его объяснения о том, как они познакомились. У него был сексуальный акцент. Пока мы шли к нашему столику, он положил руку мне на поясницу. Жест показался мне таким знакомым и властным. Мне это понравилось. Я гадала, сделал бы ли он так, если бы это было наша первая встреча.

— Ты знаешь, как Сара заманила меня на это свидание в слепую? — спросил он.

Я отрицательно покачала головой.

— Она сказала, что у тебя красивые ноги.

Я улыбнулась и закусила губу.

— И? — вытянув ноги из-под стола, я соединила

их вместе. На мне было надето опасно короткое платье. Конечно, я знала, что он любит красивые ноги. Я битый час допрашивала глуповатого парня Сары, чтобы разузнать все, что только можно, о нем. Он усмехнулся и, глядя мне в глаза, прокомментировал:

— Неплохо.

По всему телу вплоть до самых кончиков пальцев распространилось приятное покалывание. Вот он, тот взгляд, который я так ждала.

Следующим утром я проснулась в его постели. Потянувшись, я окинула взглядом комнату. Все мышцы приятно ныли. Я не принимала такие позы с тех пор, как занималась гимнастикой в средней школе.

Услышав звук льющейся воды в прилегающей ванной комнате, я перевернулась, чтобы посмотреть, смогу ли увидеть его сквозь открытую дверь. И увидела.

Прошлой ночью мы выпили по три бокала спиртного и поужинали, беседуя без единой паузы, так, будто знакомы тысячу лет. Мне было комфортно с ним, и я предположила, что ему тоже было

комфортно там со мной, потому что он не колеблясь отвечал на любые мои вопросы. Выйдя из ресторана, никто из нас не сомневался в том, что я поеду к нему домой. Я села в его кабриолет, и пятнадцать минут мы мчались на высокой скорости. Раздеваться мы начали еще у входной двери — дорожка из нашей одежды закончилась в шаге от его кровати, где мы игриво отбросили последнее, что на мне было надето. Я была бы рада обвинить в своем безрассудстве алкоголь, но честно говоря, мы оба закончили с выпивкой еще до того, как нам принесли еду. Все, что случилось... случилось без воздействия спиртного.

Когда Калев вышел из душа, я все еще лежала, опираясь на локоть. Я не стала притворяться, что не наблюдаю за ним. Он вытер волосы полотенцем, отчего они стали торчать в разные стороны. Я широко улыбнулась и похлопала по кровати. Он отбросил полотенце и присоединился ко мне.

— Тебе все еще грустно? — спросила я, опираясь подбородком о его грудь. Он ухмыльнулся и нежно щелкнул меня по кончику носа.

— Мое настроение немного улучшилось.

— Оооо — немного улучшилось..., — передразнила я его акцент и собралась вставать с кровати. Он схватил меня за лодыжки и потянул обратно.

— Мне гораздо веселее, — исправился он.

— Хочешь, сделаем это еще раз и отправимся на ленч? — предложила я, рисуя пальцем круги на его плече.

— Это зависит..., — сказал он, хватая меня за руку.

Я ждала, когда он продолжит, решив не озвучивать банальное «от чего?»

— Я не ищу серьезных отношений, Лия. У меня до сих пор каша в голове из-за ...

— Последней девушки? — ухмыльнулась я и потянулась к нему, чтобы поцеловать.

— Ладно, — сказала я напротив его губ. — Разве я похожа на девушку, которая стремится тебя заполучить?

— Ты — проблема, — он тоже ухмыльнулся. — Пока я рос, моя мама говорила, чтобы я никогда не

доверял рыжим.

Я нахмурилась.

— Есть только две причины, почему она могла сказать подобное.

Калеб поднял брови.

— Какие же?

— Либо твой отец спал с одной из них, либо она одинока.

Я оживилась от его кривоватой улыбки. На этот раз она затронула и его глаза.

— Ты мне нравишься, — сказал он.

— Это хорошо, бойскаут. Очень хорошо.

Глава 5

Настоящее ...

Спустя два дня после отъезда Калеба в командировку, моя мать упаковывает чемоданы и сообщает мне, что тоже уезжает.

— Ты, должно быть, шутишь, — говорю я, наблюдая, как она застегивает чемодан. — Ты же говорила, что хочешь остаться и помочь.

— Слишком жарко, — оправдывается она, касаясь волос. — Ты же знаешь, я ненавижу здешнее лето.

— У нас есть кондиционер, мама! Мне нужна твоя помощь.

— Ты справишься, Джоанна.

Ее голос едва заметно дрожит. Очевидно, у нее начинается очередной приступ депрессии. Кортни единственная, кто знает, как справляться с ней, когда она становится такой. Я же всегда, кажется, делаю только хуже. Однако Кортни здесь нет; здесь только я. А значит именно мне выпадает честь иметь дело с «дорогой мамочкой».

Я пожимаю плечами.

— Хорошо, давай отвезем тебя в аэропорт. Все

равно Калевб возвращается в полночь.

Пусть катится в Мичиган в свой огромный безликий дом, где вдалеке растут сосны, и глотает там свои таблетки, как драже «Тик-Так».

На обратном пути из аэропорта я врубаю радио и чувствую себя птицей, впервые покинувшей свое гнездо. Эстелла начинает плакать в своем автокресле уже через пять минут моего блаженства. Что это значит? Она хочет есть? Ее укачало? Она описалась? Я уже почти забыла, что она здесь... на этой планете... в моей жизни.

Я делаю упражнения Кегеля и с горечью думаю о Калебе — Калебе, которому не нужно заботиться о ребенке. Он нежится под Багамским солнцем с бокалом своего чертового «Брукладди» и закусывает крабовыми котлетками. Это несправедливо. Мне нужна няня, почему он этого не понимает? Калевб такой яркий сторонник всего правильного и неправильного. Со всей его любовью к старомодным ценностям, мне следовало догадаться, что он будет настаивать, чтобы я сидела дома и воспитывала ребенка сама. Он как бойскаут. Кто сейчас сам воспитывает своих детей? «Белая шваль» — вот кто, потому что нанять няню им не по карману. (Примеч. Белая шваль — так часто называют белых

американцев, часто живущих на пособия по безработице, в ржавых трейлерах, отличающихся низким социальным статусом и уровнем образования)

Закусив губу, увеличиваю громкость радио, чтобы заглушить плач. Сейчас, звуки, которые она издает, напоминают не очень громкий, но вместе с тем пронзительный вой будильника, но что будет спустя несколько месяцев, когда ее легкие разовьются? Как я смогу терпеть этот шум?

Я пытаюсь выяснить, как заставить ее прекратить плакать, и тут в глаза мне бросается кое-что желтое. Хочу заметить, что желтый — ужасный цвет. Что хорошего можно ждать от цвета, в который окрашены яичные желтки, сера и горчица. Этот цвет присущ заболеваниям, гнойным язвам и прыщам, пожелтевшим от никотина зубам. Ничто, нигде и никогда не должно быть желтым, но именно из-за этого цвета я поворачиваю голову назад и сразу же перестраиваю машину в крайний правый ряд и выкручиваю руль так, будто нахожусь в чайной чашке на карусели Диснейленда. Меня сопровождает хор автомобильных гудков, пока я пересекаю две полосы дороги, чтобы добраться до площади. Я закатываю глаза. Лицемеры.

Вожделение во Флориде напоминает мне движение в переполненном гастронOME — либо застреваешь позади дряхлого старика и тащишься за ним со скоростью два километра в час, либо тебя толкает хулиган прямо на полку с пачками каши и приходится со скоростью света пытаться поймать то, что падает. Я хороший водитель, так что пусть катятся ко всем чертям.

Я следую по желтым указателям к торговому центру и вглядываюсь в пустые витрины, пока моя машина медленно движется по парковке. Кривые таблички с вакансиями висят практически на всех окнах. Над входом по-прежнему висят вывески со старыми названиями, напоминая о крадущемся по стране экономическом кризисе. Я приставляю к виску палец с недавно наманикюренным в салоне ногтем и оттягиваю воображаемый курок. Сколько мечтаний превратилось в пыль в этой дыре? В дальнем правом углу возле гигантского мусорного контейнера расположился «Sunny Side Up Daycare». (*Примеч. Sunny Side Up Daycare — сеть детских садов*) Я торможу под вывеской цвета засохшего яичного желтка и барабаню пальцами по рулю. Пойти или не пойти? Ничто не мешает мне просто разведать обстановку.

Выскочив из машины, я иду к двери, но тут меня

осеняет, что ребенок-то остался в машине. Твою мать! Я поворачиваюсь и, убедившись, что никто не видел мой промах, возвращаюсь назад, чтобы отсоединить автокресло Эстеллы. Она милостиво молчит, пока я проношу ее через двери «Sunny Side Up Daycare». Первое, что я замечаю — любой может зайти в это здание и украсть ребенка. Где двери, запирающиеся на ключ-карту? Я изучаю молоденькую администраторшу двадцати с хвостиком лет. Веки над тусклыми карими глазами накрашены синими тенями. Она явно в поисках парня. Я определяю это по слишком отсрону аромату ее духов и чересчур глубокому декольте. А еще у нее подведены нижние веки. Все знают, что нельзя использовать подводку на нижних веках.

— Привеет, — чирикаю я приветливо.

Она улыбается мне и вопросительно поднимает брови.

— Мне нужно переговорить с вашим руководством, — говорю я громко, на тот случай, если она действительно такая недалекая, какой кажется на первый взгляд.

— О чем?

Почему на стойку регистрации всегда берут всяких недоумков?

— Так, у меня есть ребенок... — резко выдаю я,
— ... а это вроде как детский сад.

Она морщит нос и это единственный знак, который дает мне понять, что я знатно ее разозлила. Я постукиваю ногой по полу, пока она уходит звать директора садика. Осматриваюсь. Стены бледно-желтого цвета, на них изображены ярко-оранжевые солнышки, на полу голубой ковер, весь в пятнах и хлопьях от завтрака. Спустя минуту приходит директор. Блондинка средних лет в футболке с изображением Элмо, в потертых розовых кедах, а еще у нее два огромных, размером с дыню, грудных имплантата. (*Примеч. Элмо — кукла из международного телешоу «Улица Сезам».* Пушистый красный монстр с большими глазами и оранжевым носом.) Я с отвращением смотрю на нее и через силу улыбаюсь.

Но не успеваю я и рта раскрыть, как она восклицает:

— Ух ты, новорожденная.

— Она родилась раньше положенного, — вру я.

— На самом деле она старше, чем выглядит.

— Меня зовут Дитер, — представляется она, протягивая руку. Я беру ее и трясую.

— Хотите осмотреть детский сад?

Мне хочется сказать «Черт, конечно же, нет», но вместо этого я вежливо киваю, и Дитер ведет меня через ряд двойных дверей, которые открывает ключ-картой.

Здесь ужасно грязно и даже Дитер должна это видеть. В каждой комнате витает неповторимый запах мочи, смешивающийся — О, Господи! — с ароматом хвои. У Дитер либо иммунитет к запахам, либо она предпочитает не обращать внимание. Я с трудом сдерживаю рвоту. Она обращает внимание на отношения между воспитателями и детьми и весело указывает на комнату пения, где сидят четырехлетки, у которых текут сопلي из носа.

Кушаешь сам, поделись с товарищем.

— Все игрушки абсолютно новые, но вашей малышке, они, конечно, пока что не понадобятся, — она открывает дверь с табличкой «Ясли» и заходит внутрь.

Меня мгновенно оглушает хор младенческих голосов — все ревут, как маленькие ослята. Меня это сразу же начинает нервировать, а Эстелла просыпается и присоединяется хору ослят. Я раскачиваю ее кресло из стороны в сторону и, к моему удивлению, ее плач стихает и она снова замолкает. Здесь чисто. Нужно отдать Дитер должное. Возле стены стоят шесть детских кроваток, над каждой из которых висит вязаная кукла Маппет. *(Примеч. Маппет-шоу — англо-американская телевизионная юмористическая прогרא главными действующими лицами которой являются вязанные куклы-маппеты)*

— Мы недавно попрощались с одним из наших малышей,— говорит мне Дитер. — Так что у нас есть место для вашей малышки ...

— Эстеллы, — улыбаюсь я.

— Это мисс Мисти, — представляет она воспитательницу грудничков. Я улыбаюсь еще одной невзрачной девушке и пожимаю еще одну руку с облупившимся маникюром.

В итоге я решаю оставить здесь Эстеллу, как предлагает Дитер.

— Всего на несколько часов, чтобы проверить, как вы будете себя чувствовать, — предлагает она. Интересно, нормально ли это — оставить своего ребенка с незнакомцами, чтобы *проверить, как ты себя при этом будешь чувствовать*. Да я могу себя ножом порезать и ничего при этом не почувствую. Поэтому согласно киваю.

— Я еще ни разу ее ни с кем не оставляла, — признаюсь я. И это правда...ну, почти.

Дитер сочувственно кивает.

— Мы будем хорошо о ней заботиться. Я только дам вам кое-какие бумаги, которые нужно заполнить.

Я отдаю автокресло мисс Мисти и разыгрываю целое шоу, целуя Эстеллу в лоб, после чего бегу к машине за сумкой с пеленками, которую любая хорошая мать всегда носит с собой.

Тридцать минут спустя я, наконец, свободна — свободна от несносного живота, от орущего ребенка... свободна, свободна, свободна. Именно тогда у меня звонит телефон. Я беру его с пассажирского сидения, куда бросила ранее, и вижу, что мне звонит Калерб. Вопреки всему я улыбаюсь. Несмотря на то, что мы с Калербом вместе уже

довольно долгое время, у меня в животе до сих пор начинают порхать бабочки, когда он звонит.

Я собираюсь ответить, но вдруг понимаю, что он, скорее всего, звонит, чтобы справиться об Эстелле. Закусив губу, я отправляю звонок на голосовую почту. Я никогда не смогу рассказать ему, как только что поступила. Он, вероятно, прилетел бы в Майами ближайшим рейсом, сжимая в руке бумаги о разводе. Возможно, он бы даже попросил *ее* составить их для него. Я знаю, что несправедлива и, что он не разговаривал с ней с тех пор, как закончился судебный процесс надо мной, что произошло больше полутора лет назад, но мысли об этой черноволосой ведьме преследуют меня каждый день. Я отодвигаю мысли о суде и моем адвокате на задворки своего разума, чтобы переварить их позже.

Я настроена насладиться свободой, пока рядом нет ребенка. Заехав домой, чтобы переодеться во что-нибудь шикарное, я выбираю белые льняные брюки и блузку от «Гуччи», купленные во время моего последнего похода по магазинам. На ноги надеваю лодочки на невысоком тонком каблуке. Затем возвращаюсь к машине и еду в ресторан, но только на середине пути понимаю, что забыла телефон на кухонном столе.

Я договорилась встретиться с Катин и еще несколькими нашими друзьями, чтобы поесть суши и выпить саке. Когда я вхожу в ресторан, они галдят вокруг меня, словно я отсутствовала целый год. Я целую всех, и мы садимся за столик, чтобы сделать заказ. Либо Катин предупредила их не спрашивать меня о ребенке, либо им наплевать, потому что ни один из них не упоминает о девчонке. Я расслабилась, потому что если бы мне пришлось обсуждать мои ощущения молодой мамы, я бы разрыдалась... но, с другой стороны я испытываю небольшое раздражение. Хотя Эстелла и запретная тема, они могли бы, по крайней мере, спросить, как я себя чувствую.

Решаю не развивать эту тему. Выпиваю четыре рюмки саке, а затем заказываю вино.

Катин чокается со мной бокалом:

— За твое возвращение! — рывкает она, и мы все пьем.

Я чувствую себя фантастически. Я официально вернулась, хотя это были довольно трудные десять лет. В алкогольной дымке, вызванной саке, я клянусь, что мой третий десяток станет лучшим временем моей жизни. Через три часа наш обед подходит к

концу, мы все пьяны, но не готовы отправиться по домам.

— Итак, — Катин шепчет мне, когда мы, наконец, выходим из ресторана. — Где ребенок?

— В яслях, — хихикаю я, прикрыв рот рукой.

Катин заговорщицки подмигивает мне. Ведь эта идея принадлежала ей.

— Калеб знает? — спрашивает она.

Я смотрю на нее, как на тупую блондинку, каковой она собственно и является.

— Серьезно, Катин? Было бы у меня на пальце вот это, если бы Калеб знал, что его маленькое сокровище на попечении у незнакомцев? — я покрутила перед ней обручальным кольцом.

Она округлила глаза и выпятила губы, словно не поверила мне.

— Перестань. Калеб никогда тебя не бросит. Я хочу сказать, что у него же был шанс закрутить с этой Оливией, но ..., — она шлепает себя по губам и смотрит на меня так, словно сказала лишнее.

Я замираю, как вкопанная, мне хочется ударить ее. Сучка. Как она посмела вспомнить о ней!

Я едва дышу от алкоголя в крови и гнева, когда мне удастся сказать:

— Калев никогда и не собирался бросать меня. Она была для него пустым местом. Не стоит распространять эту ложь, Катин.

Я знаю, что мое лицо покраснело. Чувствую, как киплю от гнева. Катин выглядит так, словно искренне сожалеет.

— Мне... мне жаль, — заикается она. — Я не имела в виду ничего плохого.

Но я слишком хороша знакома с этим красивым белокурым дьяволом, чтобы купиться на ее извинения, достойные премии «Эмми». *(Примеч. Эмми — американская телевизионная премия)* Я бросаю на нее презрительный взгляд а она сладко мне улыбается.

— Я просто имела в виду, что он любит тебя. Даже эта горячая маленькая задница не сможет увести его у тебя.

Теперь я киплю. Одно дело упомянуть имя этой швали, но чтобы отдать должное ее внешности — это уже переходит всякие границы дружбы.

— Лия, подожди, — кричит она мне вслед, пока я быстро ухожу прочь, но я не хочу ждать и выслушивать ее извинения. Особенно ее любимое оправдание, что она родом из России и не всегда понимает, как нужно общаться с людьми, так как английский не ее родной язык. Я все это слышала уже не раз и прекрасно знаю, что моя лучшая подруга та еще подлиза. Она любит преподнести обидные оскорбления или клевету, как комплимент. *«Ты такая смелая, раз надела эту юбку, я бы побоялась, что будет виден мой целлюлит».*

Катин страдает булимией, и у нее нет и намека на целлюлит. Поэтому, очевидно, она имела в виду меня.

Катин Рейнласкез забавная, словно обезьянка в зоопарке, но разорвет в клочья любого, кто перейдет ей дорогу. Мы подружились еще в средней школе, но наша дружба скорее напоминала схватку, так как каждая из нас стремилась обладать тем, чего нет у другой. Моя первая машина стоила шестьдесят тысяч, ее — восемьдесят. На свою вечеринку в честь шестнадцатилетия я пригласила триста гостей, она

— четыреста.

Впрочем, в случае с Калебом я победила. Катин уже дважды в разводе. Первый раз она вышла замуж в Вегасе и брак длился максимум сутки, после чего был аннулирован. Во второй раз она вышла замуж за пятидесятилетнего нефтяного магната, но как только они расписались, выяснилось, что магнат жуткий скряга. Катин сходит с ума от зависти, когда речь заходит о Калебе — красивом, богатом, вежливом, сексуальном Калебе. Мечта каждой девушки, которая в итоге досталась мне. Я пользуюсь любой возможностью, чтобы выставить напоказ свой самый главный триумф в жизни, но с тех пор, как случились эти проблемы с Оливией, зависть Катин сменилась самодовольством. Она даже имела наглость сказать мне однажды, что восхищается находчивостью этой сучки.

Маленькими, нетвердыми шагами я иду к своей машине, стараясь не рухнуть на своих каблуках, и сажусь на водительское сиденье. Часы на приборной панели показывают шесть часов. Я не в состоянии вести машину, но у меня даже нет мобильного, чтобы позвонить кому-нибудь и попросить забрать меня. Да и в любом случае кому я буду звонить? Мои друзья так же пьяны, а те, кого с нами не было, если увидят меня в таком состоянии, удивленно поднимут брови,

а потом будут распространять сплетни.

Внезапно я вспоминаю про Эстеллу.

— Вот дерьмо! — я хлопаю рукой по рулю. Я должна была заехать за ней в пять, а сейчас у меня даже нет возможности позвонить в детский сад. Завожу машину и, не глядя, сдаю назад. Раздается автомобильный гудок, а затем дребезжащий скрежет металла. Мне даже не нужно смотреть на бампер, чтобы понять, что все плохо. Я выпрыгиваю из машины и нетвердой походкой иду к ее задней части. Бампер моего «Рэндж Ровера» впечатался в старенький «Форд». Это выглядит комично. Я подавляю желание рассмеяться, а затем и желание расплакаться потому, что замечаю мигающие синие и красные огоньки полицейской машины, приближающейся к нам. Водитель «Форда» — пожилой мужчина. На пассажирском сиденье сидит его жена, держась рукой за шею. Я закатываю глаза и скрещиваю руки на груди, ожидая неизбежный вой сирен скорой помощи, которая подчеркнет сомнительность этого приключения.

Я наклоняюсь к окну, чтобы увидеть старую каргу.

— Да неужели? — говорю я через окно. — У вас

действительно болит шея?

Ну, конечно же, скорая помощь следует за полицейскими и въезжает на парковку. Медики выпрыгивают из машины и бегут к «Форду». Я не вижу, что происходит дальше, потому что ко мне уже приближается офицер полиции, который выглядит очень злым, и у меня есть всего несколько секунд, чтобы прийти в себя и сделать вид, что я трезва.

— Мэм, — говорит он, глядя на меня сквозь стекла солнечных очков. — Вы понимаете, что въехали в них из-за того, что ни разу не посмотрели назад? Я видел, как все случилось.

Серьезно? Я удивлена, что он может что-то видеть через свои очки в стиле Блэйда. Я невинно улыбаюсь.

— Знаю. Я была в панике. Мне срочно нужно забрать у няни своего ребенка, — вру я. — И я очень опаздываю...

Я закусываю губу, потому что обычно мужчин возбуждает, когда я так делаю.

С минуту он изучает меня, а я тем временем молюсь, чтобы он не почувствовал запах алкоголя в

моем дыхании. Я наблюдаю, как он переводит взгляд на заднее сиденье машины, где стоит детское автокресло Эстеллы.

— Предъявите ваши права и техпаспорт, — говорит он, наконец.

Это стандартная процедура — пока что все идет хорошо. Мы обходим место аварии, которое мне слишком хорошо знакомо. Я наблюдаю, как старушку грузят в машину скорой помощи и они уезжают с включенными мигалками. Ее муж, что довольно бессердечно с его стороны, остается на месте аварии, чтобы позаботиться о делах.

— Чертовы мошенники, — бормочу я себе под нос.

Офицер дарит мне слабую улыбку, но этого достаточно, чтобы понять, что он на моей стороне. Я заискиваю перед ним и интересуюсь, когда смогу уехать, чтобы забрать свою дочь.

— Было так трудно оставить ее, — говорю я ему. — У меня была деловая встреча, — он кивает, как будто понимает меня.

— Мы выпишем вам штраф, так как это

произошло по вашей вине, — решает он. — После этого вы будете свободны.

Я вздыхаю с облегчением. Приезжает эвакуатор и грузит машину. Повреждения моего «Рендж Ровера» минимальны, особенно в сравнении с «Фордом», который практически сложился пополам. Мне сообщили, что со мной свяжется страховая компания, и, несомненно, они наймут адвоката в ближайшие дни.

Выехав с парковки, я испытываю облегчение от того, что моя машина едет так же, как и до этого. Кроме помятого бампера и незначительных царапин моя дорогая машина не пострадала. Но еще лучше то, что мне удалось выйти сухой из воды. Меня могли арестовать и выпустить лишь под залог. Благодаря моему актерскому мастерству и тому, что коп поддался на мое обаяние, я отделалась незначительными затратами.

Я осторожно еду в сторону детского сада и чувствую себя практически трезвой. Когда я въезжаю на стоянку, там пусто. Я нервно смотрю на часы на приборной панели. Они показывают 19:10. Кто-нибудь, ведь должен был остаться с ней. Они, скорее всего, будут злиться, но, конечно, после того, как я объясню, что случилось с телефоном и аварией, они

поймут. Я нажимаю звонок на двери, после чего замечаю, что внутри темно. Прижав руки к стеклу, я всматриваюсь. Пусто. Закрыто. Все ушли. Я в панике. Точно такие же ощущения я испытывала, когда поняла, что могу сесть в тюрьму из-за фармацевтического мошенничества. Пока я стояла перед судьей и ожидала услышать вердикт «виновна», я паниковала точно так же, так как это сулило мне двадцать лет в тюрьме штата. Эгоистичная разновидность паники. Паника в стиле: «О Господи, Кaleb разведется со мной из-за того, что я потеряла его дочь». Паника. Я мама меньше двух недель, а уже умудрилась потерять ребенка. Именно такие истории бывают на шоу у Нэнси Грейс. (*Примеч. Нэнси Грейс — ведущая скандальных телепередач*) Ненавижу эту блондинистую суку.

Шагая взад-вперед по тротуару, я обдумываю варианты. Я могу позвонить в полицию. Мне интересно, как там относятся к родителям, которые не в состоянии забрать своих детей из детского сада? Могут ли они отдать ребенка на попечение социальным службам? Родитель может забрать ребенка домой? С трудом мне удалось вспомнить имя директора. Дитер. Она говорила мне свою фамилию? В любом случае мне нужно добраться до телефона и как можно быстрее.

Я еду домой с такой скоростью, словно принимаю участие в съемках «Форсажа», и на подъездной дорожке меня заносит. В спешке я распахиваю дверь и, не потрудившись закрыть ее, пулей несусь напрямик к кухонному столу, где оставила телефон. Его здесь нет. У меня начинает кружиться голова. Я уверена, что оставила его здесь. Завтра у меня будет убийственное похмелье. *Думай!* Впервые мне жаль, что у меня нет стационарной линии. *Кому нужна стационарная линия?* Я помню, как сказала это Калебу перед тем, как мы от нее избавились. Я поворачиваюсь к лестнице, и сердце прекращает биться от удивления.

— Не это ли ищешь?

Прислонившись к дверному косяку, за мной наблюдает Калев. В руках он держит мой драгоценный iPhone. Я изучаю его лицо. Он кажется спокойным, а это значит, что он не знает, что Эстеллы со мной нет. Или, может он думает, что она с моей мамой. Я не говорила ему, что отвезла ее этим утром в аэропорт.

— Ты вернулся раньше, — искренне удивляюсь я.

Он не улыбается и не встречает меня со своей

обычной теплотой. Вместо этого он изучает мое лицо. Зажав телефон между пальцев, он протягивает его мне. Я осторожно делаю несколько шагов к нему, пытаюсь не выдать себя. Калев знает меня, как облупленную. Приподнявшись на цыпочки, я целую его в щеку и забираю телефон. Теперь мне нужно выбраться наружу и тогда, возможно, я смогу придумать что-нибудь, позвонить кому-нибудь и...
НАЙТИ РЕБЕНКА!

Я отступаю на несколько шагов.

— Ты пропустила звонок. Точнее четырнадцать, — небрежно говорит Калев, слишком небрежно. Напоминает затишье перед бурей или низкий утробный рык, который можно услышать, перед тем, как волк кинется разрывать вам трахею.

Я сглатываю. В горле словно песок застрял и я тону... задыхаюсь. Мой взгляд мечется по комнате. Господи, как много он знает? Как мне это исправить?

— Очевидно, ты забыла забрать Эстеллу из детского сада..., — и он умолкает. Невидимая рука разжимает мне челюсти и вливает страх в горло. Я захлебываюсь им.

— Калек..., — начинаю я. Он поднимает руку, чтобы остановить меня, и я замолкаю, потому что даже не знаю, что сказать.

Я бросила нашу дочь в захудалом детском саду потому, что...

Твою ж мать!

Я не настолько изобретательна. Мысленно я ищу всевозможные оправдания.

— Она... она здесь? — спрашиваю я шепотом.

Челюсти Калеба — самая «эмоциональная» часть лица Калеба. Я «читаю» по ним его эмоции. Челюсть у Калеба квадратная, мужественная, ее смягчают только чересчур пухлые губы. Когда он доволен кем-то, его челюсть тоже довольна и хочется провести по ней кончиками пальцев, дотянуться и пробежаться по ней поцелуями. Но сейчас его челюсти «злятся» на меня. Его белые от гнева губы сурово сжаты. Мне страшно.

Калек молчит. Это его техника боя. Комната раскаляется от его гнева, пока он ждет признания. Он ни разу за всю жизнь не относился жестоко к женщине, но зуб даю, что маленькая девочка может

заставить его делать то, о чем никогда и не помышлял.

Я допускаю ошибку, бросив взгляд на лестницу, и тут он вспыхивает от злости. Отскочив от стены, он подходит ко мне.

— Она в порядке, — цедит он сквозь зубы. — Я вернулся раньше, потому что волновался за тебя. Очевидно, ты была не единственная, о ком мне нужно было беспокоиться.

— Я оставила ее всего на пару часов, — быстро выпаливаю я. — Мне нужно было побыть немножко одной, а моя мама просто взяла и бросила меня...

Он изучает меня в течение пары секунд, но не потому, что его удивляют мои слова. Наверняка, он задается вопросом, как он мог жениться на ком-то вроде меня. Я вижу, что он страшно разочарован. Моя самоуверенность рассыпается в прах и я прижимаю руку к груди. Теперь я чувствую себя неудачницей. Ну а чего он ожидал? Что я буду хорошей матерью? Что я быстро вживусь в роль, суть которой не понимаю?

Я не знаю, как поступить. Алкоголь по-прежнему управляет моим мозгом, и все о чем я могу

думать, это то, что он собирается меня бросить.

— Мне жаль, — шепчу я, глядя в пол. Делать вид, что я каюсь — дешевый прием, особенно с учетом того, что я сожалею лишь о том, что меня поймали, а не о том, что я сделала.

— Тебе жаль, что тебя поймали, — отмечает он.

Я резко вскидываю голову. *Чертов теленат!*

Как он смеет думать обо мне так плохо? Я его жена! В горе и в радости, верно? Или горе относится только к ситуации, а не к человеку?

— Ты оставила свою новорожденную дочь с совершенно незнакомыми людьми. Она все это время была голодная!

— В сумке было грудное молоко! — возражаю я.

— Недостаточно на семь часов!

Я хмурюсь и смотрю в пол.

— Я не знала, — говорю я, признавая себя побежденной. Неужели я действительно отсутствовала так долго?

Я чувствую прилив праведного гнева. Неужели я виновата в том, что в отличие от него не испытываю блаженства от того, что стала родителем? Я уже открываю рот, чтобы сказать ему это, но он меня прерывает.

— Нет, Лия, — предупреждает он. — Этому нет оправдания. Если у меня осталась хоть капля разума, я сейчас заберу ее и уеду, — он поворачивается и идет к лестнице.

Мысли разбегаются в стороны и гнев вырывается наружу.

— Она моя!

Кaleb останавливается. Он делает это так резко, словно мои слова превратили его ноги в лед.

Когда он разворачивается ко мне, его лицо красно от гнева.

— Еще одна такая выходка и будешь кричать об этом в суде.

Мне становится трудно дышать, будто его угроза сгустилась вокруг меня, как морозный воздух. Он это всерьез. Кaleb еще ни разу не разговаривал со мной

так холодно. Он никогда не угрожал мне. Это из-за ребенка. Она изменила его, настроила против меня. Он останавливается прямо перед ступеньками лестницы.

— Я найму няню.

Я так жаждала услышать эти слова, но сейчас не чувствую себя победительницей. Кaleb уступил мне и решил нанять няню, потому что не доверяет мне — своей жене. Внезапно я понимаю, что не хочу няню.

— Не надо, — прошу я. — Я в состоянии позаботиться о ней сама. Мне не нужна помощь.

Он не обращает на меня внимания и продолжает шагать по лестнице через две ступеньки. Я плетусь позади, пытаюсь решить для себя, умолять его или вести себя агрессивно.

— Это случилось в первый и последний раз, это больше никогда не повторится, — клянусь я, умоляя его. — И ты не можешь принять такое решение в одиночку, она и моя дочь тоже, — крупица агрессии для равного счета.

Догоняю Калеба уже в спальне, он роется в тумбочке и вытаскивает оттуда «маленькую черную

книжку», которую я часто в тайне просматриваю. Я следую за ним в кабинет, где он отключает свой сотовый от зарядки.

— Кому ты собрался звонить? — хочу я знать.

Он кивает на дверь, тем самым веля мне выйти, но я не двигаюсь с места; стою, обхватив себя руками, а в животе все стянуло в узел от тревоги.

— Привет, — здоровается он в трубку. Его голос звучит очень интимно, вкрадчиво. Очевидно, что он в теплых отношениях с человеком на другом конце линии. По спине пробегает озноб. Только один человек способен так смягчить его голос, но зачем ему ей звонить? Он смеется над чем-то, что ему сказали, и откидывается на спинку кресла.

О — Господи — о — Господи. Мне становится нехорошо.

— Да, я согласен, — говорит он дружелюбно. — Ты можешь это устроить? — он замолкает, пока слушает. — Я доверю ее любому, кого ты пришлешь. Нет... нет... у меня нет с этим проблем. Хорошо, тогда завтра? Да, я перешлю тебе адрес... о, ты помнишь? — он криво улыбается. — Тогда и поговорим.

Я начинаю действовать, как только он вешает трубку.

— Кто это был? Она?

Он прекращает раскладывать документы и насмешливо на меня смотрит.

— Она?

— Ты знаешь, кого я имею в виду.

Мы ни разу не разговаривали об этом — о ней. Мышцы на его челюсти напрягаются. У меня возникает желание залезть под стол и спрятать голову между коленями.

ЗАЧЕМ

Я

СПРОСИЛА

ЕГО

ОБ

ЭТОМ?

— Нет, — говорит он. — Это был старый друг из Бока, который владеет агентством по найму нянь. Завтра на собеседование ко мне придет какая-нибудь няня.

У меня отвисает челюсть. Еще одна секретная часть его жизни, о которой я ничего не знаю. Каким образом он, черт возьми, связан с кем-то, кто владеет агентством по найму нянь?

— Чушь, — говорю я, топнув ногой. — Ты хотя бы позволишь мне побеседовать с ней?

Калевб пожимает плечами.

— Возможно, впрочем, предполагаю, что у тебя завтра будет похмелье...

Внутри меня все съеживается. Он все понимает, все замечает. Интересно, меня выдал запах алкоголя или он заметил, что у моей машины помят бампер и обо всем догадался. Но я не собираюсь спрашивать его об этом. Не пытаюсь оправдываться, я быстро выхожу из комнаты и бегу наверх. Стоя возле двери в спальню, я бросаю взгляд на соседнюю дверь. Словно что-то кольнуло меня. Должна ли я проверить как она? Ведь я практически бросила ее сегодня. Мне следует, по крайней мере, убедиться, что с ней все в порядке. Хорошо, что она еще слишком мала и не понимает, как я поступила с ней сегодня. У детей хорошая память и они используют все промахи против родителей.

Я тихо иду по коридору, носком туфли толкаю дверь в детскую и прокрадываюсь внутрь. Не знаю, почему я чувствую себя виноватой, глядя на свою дочь, но я, правда, испытываю чувство вины. Затаив дыхание, подхожу к ее кровати и вижу, что она спит. Кaleb искупал и перепеленал ее, но она уже успела высвободить одну ручку и теперь посасывает большой пальчик. До меня доносится ее запах — запах лавандового мыла, смешивающийся с запахом новорожденного младенца. Протянув палец, я касаюсь ее кулачка, а затем молнией вылетаю из комнаты.

Глава 6

Прошрое ...

— Зачем тебе это? — я достала контейнер с мороженым, который лежал в его морозилке с тех пор, как мы начали встречаться. «Черри Гарсиа» марки «Бен и Джерри». Я открыла крышку и увидела, что половина мороженого уже съедена.

— Ты же не любишь вишню. Можно я его

выброшу?

Кaleb вскочил с дивана, на котором сидел и смотрел телевизор, и выхватил контейнер из моих рук. Я удивленно моргнула. Еще ни разу я не встречала человека, который бы так спешил из-за мороженого.

— Не трогай его, — сказал он.

Я наблюдала, как он засунул контейнер обратно в морозилку, спрятав его за парочкой замороженных стейков, и закрыл дверцу.

— Не такое уж оно было и страшное, — сказала я.

С минуту мне казалось, что он серьезно выбит из колеи, но затем он взял меня за руку и потянул к дивану. Он начал покрывать поцелуями мою шею, но все мои мысли были только об этом мороженом.

— Почему бы нам не начать жить вместе? — спросила я невзначай.

Он замер, уткнувшись лбом в изгиб моей шеи.

— Нет, — ответил он.

— Нет? Почему нет? Мы встречаемся уже девять месяцев. Я остаюсь на ночь практически каждый день.

Он сел и запустил пальцы в волосы.

— Я думал у нас ничего серьезного?

— Ну да, в самом начале. Ты не считаешь, что у нас все серьезно? Мы же принадлежим только друг другу уже почти пять месяцев.

Ложь. Я не спала ни с кем другим с того дня, как встретила его. Я даже не смотрела на других парней после той вечеринки на яхте. Кaleb же очевидно сходил еще на несколько свиданий с другими девушками, но, в конце концов, он всегда возвращался в мою постель. Что я могу сказать? С точки зрения секса, нельзя не считаться с моей привлекательностью в этом вопросе.

— Почему ты хранишь это мороженое в морозильнике?

— Потому что именно там хранят мороженое, — ответил он сухо.

У Калеба возле глаза есть шрам. Я пыталась

убедить его показаться моему пластическому хирургу, но он отказался. Шрамы должны быть там, где их оставила судьба, сказал он. Я тогда рассмеялась. Это одна из самых нелепых вещей, которую я когда-либо слышала.

Сейчас, глядя на своего «почти парня», я знаю, что была права. Шрамы следует удалять, а шрамы в виде мороженого в первую очередь. Я вытянула руку и провела по шраму пальцем. Не знаю, откуда он у него. Я никогда не спрашивала. Что еще я не знаю о нем?

— Оно принадлежало ей?

Мы редко говорили о его бывшей, но, когда делали это, настроение Калеба падало, и он отдалялся от меня. Обычно я старалась избегать этой темы, не желая выглядеть, как ревнивая подружка, но если парень не может избавиться от ее мороженого...

— Калеб? — я забралась ему на колени и оседлала его. — Оно принадлежало ей?

Он не мог отодвинуться от меня, поэтому решил смотреть мне прямо в глаза. Это всегда заставляло меня нервничать. У Калеба очень выразительный взгляд — взгляд, который может обнажить все грехи.

Он вздохнул.

— Да.

Я опешила от того, что он признался в этом, и неловко поерзала на его коленях, не уверенная, стоит ли мне задавать вопросы, неизбежно следующие за этим.

— Ладно, — говорю я, надеясь, что он даст какие-то объяснения. — Мы можем об этом поговорить?

— Тут не о чем говорить, — сказал он обреченным голосом.

Догадываюсь, что это значит. «Тут не о чем говорить» означает «я не могу говорить об этом потому, что мне все еще больно» и «я не хочу об этом говорить потому, что я до сих пор с этим не справился». Перекинув ногу, я слезла с его колен и села на диван. Чувствую себя такой же уязвимой, как тонкий лист бумаги. Я разбираюсь в мужчинах и по опыту знаю, что ничто не может сравниться с памятью. Я не привыкла, чтобы обо мне забывали, поэтому не знаю, как мне теперь вести себя.

— Я для тебя недостаточно хороша? —

спрашиваю я.

— Более, чем хороша, — серьезно признался он.
— Я был совершенно опустошен, пока не встретил тебя.

В любой другой ситуации нечто подобное из уст другого мужчины, показалось бы мне отвратительной... банальностью. Я встречалась с поэтами и музыкантами, у которых язык был подвешен достаточно хорошо, чтобы вызвать мурашки по всему телу, но этого ни разу так и не произошло. Но когда это произнес Калев, я почувствовала, как в сердце разлилось тепло.

— Но я говорил тебе с самого начала, что пока не готов. Ты не можешь залечить эти раны, Лия.

Я слышала, что он сказал, но не поверила ему. Конечно, я могу исправить все. Он только что сказал, что я заполнила пустоту в его душе. Не хочу думать о той, которая создала эту пустоту... и насколько велика дыра, которая осталась после нее.

— Я не пытаюсь вылечить тебя. Но я начинаю испытывать к тебе сильные чувства, а ты отталкиваешь меня, предпочитая мне коробку «Черри Гарсиа».

Он рассмеялся и притянул меня обратно к себе на колени.

— Я не буду ни с кем съезжаться, пока не женюсь на этой женщине, — сказал он.

Я не слышала эту фразу ни от кого с тех пор, как родители заставили меня поехать в Библейский лагерь, когда мне было пятнадцать.

— Отлично, — парировала я. — И я ни с кем не сплю, пока не выйду замуж за этого человека.

Кaleb посмотрел на меня своим фирменным взглядом, дающим понять, что *он получит меня, когда и где захочет*, и я так разволновалась, что не знала, поцеловать его или покраснеть. Он каждый раз обыгрывает меня, во всех моих попытках соблазнить его. *Власть*, подумала я, впрочем не очень обеспокоенно, так как в это момент он целовал меня. *Он обладает властью надо мной.*

Больше о мороженом мы не упоминали, хотя всякий раз проходя мимо холодильника, я чувствовала себя полной неудачницей. Глупая коробка с мороженым ассоциировалась для меня с частью тела, словно он хранил в холодильнике ее палец, а не дурацкое мороженое. Я представляла

себе, как палец, покрашенный черным лаком, носится по дому, пока нас нет. Только после помолвки я поняла, что бывшим подружкам свойственно оставлять свои загребушие пальцы в вещах парней, даже после того, как они давно ушли из жизни этих самых парней.

Поначалу меня это беспокоило, но Калев настолько серьезно относился к нашим «несерьезным» отношениям, что я забыла обо всем. Моего внимания требовали более важные темы, например, моя работа в банке и ежедневные драмы, разворачивающиеся между моими коллегами, а также же наш с Калевом предстоящий отпуск в Колорадо — мы собиралась поехать покататься на лыжах. В моем внимании нуждалось буквально все, и я была более чем рада узнать что-нибудь новенькое, влиться в коллектив и хорошо провести время, изучая все вокруг. Следующие три месяца мы прожили, не упоминая о «пальце». Мы говорили о нас — о том, чего хотим, куда хотим поехать, кем хотим стать. Когда она заводил речь о детях, я не выскакивала из комнаты, наоборот, я слушала его с легкой улыбкой на лице.

Мы пробыли в Колорадо уже три дня, когда Калебу позвонил его сосед по комнате еще со времен колледжа и сообщил, что его жена рождает. Как

только Кaleb закончил разговор, он сразу же посмотрел на меня.

— Если мы выедем сейчас, то будем там завтра утром.

— Ты с ума сошел? Коттедж забронирован еще на два дня!

— Я крестный отец. Я хочу увидеть ребенка.

— Ага, ты крестный, но не отец же. Ребенок никуда не денется за два дня.

Он больше не поднимал этот вопрос, но я видела, что он разочарован. Когда мы, наконец, приехали в больницу, на лице Калеба сияла широкая улыбка, а руки были нагружены нелепыми подарками.

Он полчаса держал чертова младенца на руках и только потом вернул его матери, чтобы его покормили. Когда он попытался дать подержать его мне, я сделала вид, что простыла.

— Я бы с удовольствием, — соврала я, — Но, правда, лучше не стоит.

Честно говоря, дети меня нервируют. Люди вечно суют их вам, пытаются дать подержать и ждут,

что вы будете ворковать над ними. Я не хочу держать на руках чужое потомство. Кто знает, кого вы будете укачивать на руках? Может в итоге он станет очередным Джоном Уэйном Гейси, а вы понятия не будете иметь. *(Примеч. Джон Уэйн Гейси — американский серийный убийца, изнасиловавший и убивший 33 молодых человека, в том числе нескольких подростков)*

Калеб же был без ума без ребенка. Он беспрестанно лепетал о детях, и в итоге его страсть захватила и меня. Мысленно я представляла маленьких светловолосых Калемов, бегающих вокруг. Я отмотала события немного назад и представила себе нашу идеальную свадьбу, а затем прокрутила события еще немного назад и представила романтическое предложение, которое он сделал мне на пляже. Я планировала наше с ним будущее, а проклятый «палец» все еще лежал в морозилке. Если бы я хоть одним глазком могла взглянуть на нее, возможно, я бы что-то поняла.

Мне не пришлось долго ждать.

Я просыпаюсь от звука будильника. Он, похоже, сломался, потому что звуковой сигнал постоянно прерывается и похож на завывания сирены. Все как в густом тумане: такое ощущение, что мозг погружен в мед. Тянусь к будильнику, чтобы отключить его, а затем резко распахиваю глаза. Это не будильник. Порывисто сажусь на кровати и осматриваю тускло освещенную спальню. Одеяло соскальзывает до талии. Часы на мобильнике показывают три часа ночи. Кровать со стороны Калеба не тронута. Он, наверное, в комнате для гостей, но затем я снова слышу этот звук — плач ребенка. Я плетусь в сторону детской. Где же Калев? Он должен быть с ней. Я захожу в детскую и вижу, как он шагает по комнате с ней на руках. Сотовый зажат между плечом и ухом, и он быстро что-то говорит. Ребенок не просто плачет, малышка кричит, словно ей больно.

— Что...? — я замолкаю, когда он поднимает палец, призывая меня помолчать.

Закончив разговор, он отбрасывает телефон в сторону.

— Собери вещи, мы отвезем ее в больницу.

Онемев, я киваю и бегу собрать что-нибудь из одежды. Спортивные штаны, футболка с изображением Пинк Флойда... Сбегаю вниз по лестнице и встречаюсь с ним у двери. Он пристегивает ребенка к автомобильному креслу. С тех пор, как я вышла из детской, она не переставая плачет.

— Что происходит? — спрашиваю я. — Она заболела?

Он угрюмо кивает и выносит ее за дверь. Я следую за ним по пятам и запрыгиваю на пассажирское сиденье.

Пытаюсь вспомнить, что читала об иммунной системе ребенка: следует избегать незнакомых мест и контактов с другими детьми; не выходить с малышами из дома, чтобы у них выработались антитела к вирусам окружающей среды.

Черт. Он возненавидит меня еще больше.

— У нее температура под сорок градусов, — он запрыгивает на сиденье водителя и заводит двигатель.

— Ох.

Когда мы выезжаем на дорогу, он бросает на меня мимолетный взгляд. Что это было? Раздражение? Разочарование?

Я ерзаю на сидении все десять минут пути, периодически бросая взгляды на заднее сиденье, где сидит малышка, пристегнутая к своему креслу. Должна ли я была сесть сзади вместе с ней? Как, черт возьми, должна вести себя мать? Когда мы останавливаемся, он выпрыгивает из машины быстрее, чем я успеваю открыть свою дверь. Я только начинаю поправлять прическу, а Калев уже успел отстегнуть автокресло и находится на полпути к дверям больницы. Следую за ним внутрь. Когда автоматические двери с шипением открываются передо мной, он уже стоит у поста медсестры.

Она подталкивает к нему стопку бумаг и просит заполнить их. Я протягиваю руку и успеваю забрать их со стойки до него. Он не в том состоянии, чтобы заполнять бумаги. Я направляюсь с ними к стулу и принимаюсь за работу.

Пока он разговаривает с медсестрой, я замечаю, каким обеспокоенным он выглядит. Прекратив заполнять бланки, разглядываю его. Как же редко

можно увидеть его таким — уязвимым, обеспокоенным — уголки его пухлых губ опускаются вниз, когда он кивает в ответ на слова медсестры и смотрит на ребенка в автокресле. Он бросает взгляд на меня и вместе с медсестрой исчезает за дверью приемного покоя, не потрудившись спросить, хочу ли я тоже пойти. Не знаю, что мне делать, поэтому отдаю медсестре за стойкой заполненные бумаги и спрашиваю, могу ли я пройти следом за ними. Она смотрит на меня как на идиотку.

— Разве не вы мама?

Мама. Не ее мама или мама малышки — просто мама.

Я смотрю на ее вьющиеся волосы и брови, которые надо бы привести в порядок.

— Да, я утроба, которая выносила ребенка, — огрызаюсь я. Не дожидаясь ответа, захожу в двери приемного покоя.

Мне приходится заглянуть за несколько шторок, разделяющих пациентов, прежде чем я нахожу их. Кaleb не замечает моего присутствия. Он наблюдает, как медсестра готовит капельницу для Эстеллы, одновременно объясняя опасность обезвоживания.

— Куда они собираются ставить иглу? — я спрашиваю, так как очевидно, что ее ручки слишком маленькие.

Она бросает на меня сочувствующий взгляд, и затем объясняет нам, что игла будет вставлена в вену на голове Эстеллы. С лица Калеба сходят все краски. Он не сможет смотреть на это, я его знаю. Я важно выпрямляю спину. По крайней мере, от меня может быть какая-то польза. Я могу остаться с ней, пока они будут делать эту процедуру, а Кaleb будет ждать снаружи. Я не брезглива и не склонна к слезам, но, когда я предлагаю этот вариант, он холодно смотрит на меня и говорит:

— Я не собираюсь уходить и оставлять дочь в одиночестве только потому, что чувствую себя некомфортно.

Я плотно сжимаю губы. Не могу поверить, что он это сказал. Я не оставляла ее одну. Она была на попечении профессионалов.

Обиженно сгорбившись, я сижу на жестком дешевом стуле, пока Эстелла надывается от плача в палате неотложной помощи. Грустно видеть, какой крошечной она кажется под плакающими аппаратами и трубками, которые присоединены к ее маленькой

головке.

Кaleb, кажется, с трудом сдерживает слезы, но осторожно держит ее в своих объятиях, чтобы не задеть трубки. Меня в очередной раз поражает, как естественно он выглядит. Я думала, у меня это будет также — в ту минуту, как я увижу своего ребенка, я буду знать, что нужно делать, и мгновенно почувствую связь с ним. Я закусываю губу и задумываюсь, должна ли я предложить взять ее на руки.

Она здесь частично по моей вине. Прежде, чем я успеваю встать, появляется доктор — лысеющий мужчина средних лет — и задергивает штору, тем самым отделяя нас от суматохи приемного покоя. Перед тем, как поздороваться с нами, он сверяется с планшетом в руке.

— Что тут у нас? — спрашивает он, слегка касаясь головы Эстеллы. Кaleb перечисляет симптомы, а врач слушает, одновременно осматривая ее. Он упоминает, что она была в детском саду, и я стреляю в него неодобрительным взглядом.

— Ее иммунной системе нужно время, чтобы развиться, — говорит он, убирая стетоскоп с ее груди. — На мой взгляд, она слишком мала для

детского сада, обычно, женщины берут декретный отпуск, прежде чем отдать своего ребенка в детский сад.

Кaleb бросает на меня гневный взгляд. В ярости. Он в безумной ярости.

Я сосредотачиваю свое внимание на коробке латексных перчаток. Он будет орать на меня. Ненавижу, когда он на меня орет. Я совершенно уверена, что кожа уже покрылась пятнами — верный признак того, что я чертовски напугана.

— Мы оставим ее в больнице и понаблюдаем за ней пару дней. Иначе у нее может наступить обезвоживание. Кто-нибудь из персонала придет через несколько минут, чтобы перенести ее в педиатрию.

Как только доктор вышел, Кaleb повернулся ко мне.

— Езжай домой.

Я в шоке смотрю на него.

— Не разговаривай со мной таким самоуверенным тоном, — шиплю я. — Пока ты

таскался по всей стране, я торчала дома....

— Ты вынашивала эту маленькую девочку, Лия, она была внутри тебя, — он делает движение руками, как будто держит невидимый шар. Затем, так же внезапно опускает руки. — Как ты можешь быть такой черствой?

— Я... я не знаю, — хмурюсь я. Никогда не думала об этом с этой точки зрения. — Я думала, будет мальчик. Я бы чувствовала себя иначе, если....

— Ты получила кое-что... крошечную жизнь. Это гораздо важнее походов по магазинам и гулянок с твоими гребаными подружками.

Я вздрогнула, когда он выругался. Кaleb почти никогда ругается матом.

— Я не такая, — говорю я. — Ты же знаешь это.

Его следующие слова копьем пронзают мою душу, заставляя испытывать самую сильную боль, которую я когда-либо испытывала.

— Думаю, я заблуждался, считая, что ты не такая.

Я вскакиваю, но колени начинают подгибаться.

Мне приходится прислониться к стене, чтобы не упасть. Он никогда не разговаривал со мной так. Мне потребовалось несколько минут, прежде чем я смогла произнести хоть слово.

— Ты обещал, что никогда не сделаешь мне больно.

У него безразличный взгляд.

— Это было до того, как ты облажалась с моей дочерью.

Я уйду, чтобы не взорваться прямо там.

Спустя сорок восемь часов Калев с ребенком вернулись из больницы. Я видела его лишь дважды за все это время — оба раза он приезжал, чтобы взять грудное молоко.

Я сижу за кухонным столом, читаю журнал и ем замороженную стручковую фасоль, когда он входит, неся ее в автокресле. Таким небритым я его еще никогда не видела, он выглядит уставшим, под глазами темные круги. Он относит ее наверх в ее комнату, не сказав мне ни слова. Я жду, что он сразу же спустится обратно и коротко расскажет, что сказал доктор. Но он не спускается, и я крадусь вверх

по лестнице, чтобы посмотреть, где он находится. Слышу шум воды в душевой и решаю подождать его на кровати.

Когда он выходит из ванной, вокруг его талии обернуто полотенце. Моя первая мысль — как он великолепен. Я хочу запрыгнуть на него, несмотря на то, что он мне сказал. Он не стал бриться. Мне вроде как нравится это. Я смотрю, как он отбрасывает полотенце и надевает боксеры. Лучшее, что есть в Калебе — не его совершенное тело, полуулыбки или сексуальный голос... это его привычки. Меня так возбуждает то, как он проводит ногтем большого пальца по нижней губе, когда размышляет над чем-то, то, как прикусывает язык, когда возбужден. То, как он заставляет меня смотреть на него, когда я испытываю оргазм. Он может раздеть одним взглядом, заставить почувствовать себя обнаженной перед ним. По опыту знаю, как приятно стоять перед Калобом обнаженной. Я размышляю, с какой стороны к нему подступить — извинение и секс... пощечина и жесткий секс. Я чрезвычайно искусна в его соблазнении. Но не похоже, что он верит моим извинениям. Придется придумать что-нибудь новое.

— Я буду стараться сильнее.

Он продолжает одеваться, не глядя на меня ...

джинсы, футболка. Не знаю, что делать, и впервые мне приходит в голову, что я зашла слишком далеко. Я надежно прячу свое истинное «я» от Калеба. Стараюсь оправдать его ожидания. Но в этот раз он застукал меня с поличным.

— Думаю, у меня послеродовая депрессия, — неожиданно говорю я.

Он смотрит на меня, и я вздыхаю с облегчением. Лучший способ манипулировать Калемом — лгать о состоянии здоровья. Он испытал стресс, и у него была амнезия, вызванная шоковым состоянием. Если кто-то и может понять не поддающееся контролю состояние здоровья, так это он.

— Я... я схожу к врачу насчет этого. Уверена, они могут прописать мне что-нибудь... — мой голос становится все тише и тише.

Я вижу его профиль в зеркале. Его адамово яблоко подпрыгивает, когда он сглатывает и прижимает ладонь ко лбу.

— У меня собеседование с няней, — говорит он.
— Поговорим об этом позже.

Широкими шагами, он, не оглядываясь, выходит

из комнаты.

Я не собираюсь прятаться, пока Калев проводит собеседование с потенциальной няней Эстеллы. Надеваю розовый костюм от «Шанель» и сажусь в гостиной, выжидая. Кому бы ни звонил той ночью Калев, он придет с кандидатом на место няни, и я хочу видеть, с кем он разговаривал настолько фамильярно. Интересно, был ли этот человек частью его жизни, когда у него была амнезия. Я до сих пор не знаю многого о том времени в его жизни, и постоянно задаюсь вопросом, какие фокусы он выкидывал, пока я не могла контролировать его.

Раздается звонок в дверь. Я встаю и разглаживаю юбку. Калев с подозрением смотрит на меня, проходя через фойе. Я слышу, как он их тепло приветствует и несколько секунд спустя они появляются из-за угла. Первым я вижу мужчину. Он коренастый и гораздо ниже Калеба. Поразительно напоминает Дермонта Марлуни (*Примеч. Дермонт Малруни — американский актёр*), то есть, они были бы очень похожи, если бы Дермонт был лохмат, носил козлиную бородку и неряшливо одевался. Я разглядываю его джинсы и заправленную в них рубашку. Из-под манжеты рубашки выглядывает отвратительное тату. Я сразу же невзлюбила его. Он нисколько не похож на владельца агентства по найму

нянь. Ему стоит, как минимум, погладить свою одежду.

Затем я злобно смотрю на девушку, следующую за ним. Миниатюрная блондинка с красивым овалом лица. Она выглядит довольно невинно, за исключением сильно подведенных близко посаженных глаз. В отличие от своего неряшливого работодателя, она одета в модный серовато-зеленый брючный костюм «Дольче» и в идеально подходящие к нему туфли из змеиной кожи от «Лабутена». Пара таких же стоит в моей гардеробной. Как может няня позволить себе покупать такую дорогую одежду? И тут я понимаю — у нее, вероятно, всего один хороший костюм, который она хранит специально для собеседований, чтобы произвести впечатление на потенциальных работодателей. Когда она будет с Эстеллой, я не позволю ей наносить такой сильный макияж. Не хочу, чтобы мои соседи думали, что наша няня из службы эскорта. И, кроме того, в своем доме я буду самой красивой женщиной. Я делаю мысленную пометку сказать ей, что ее униформа будет состоять из брюк цвета хаки и белого поло. Затем вежливо улыбаюсь гостям.

— Лия, — отрывисто говорит мне Калев. — Это Кэмми Чейз, — няня улыбается, одной из тех самодовольных улыбок, и один уголок ее рта слегка

приопускается. Я и ее сразу же невзлюбила. — А это Сэм Фостер.

Сэм протягивает мне руку.

— Здравствуйте, — говорит он медленно.

Заметно, что ему некомфортно смотреть мне в глаза. Его руки, подмечаю я, грубые и мозолистые — я не привыкла к таким. У мужчин моего круга — предпринимателей — кожа гладкая, ведь их единственная работа заключается в том, чтобы быстро щелкать по клавишам клавиатуры. Он не отпускает мою руку и мне приходится первой выдернуть ее из его ладони.

Я спрашиваю, хотят ли они что-нибудь выпить. Сэм отказывается, но Кэмми смело улыбается и просит «Перье». (*Примеч. Перье — французский бренд минеральной воды класса премиум. Выпускается в небольших зеленых бутылках.*) Я перевожу взгляд с ее работодателя на нее и задаюсь вопросом, упрекнет ли он ее за такую наглую просьбу, но он разговаривает с Калемом и не замечает ее выходку. Окей, я решаю поиграть в милашку. Учитывая, что я в любом случае не собираюсь ее нанимать, так почему бы не вышвырнуть ее, позволив насладиться несколькими глотками «Перье».

Я извиняюсь и ухожу на кухню, откуда возвращаюсь с подносом, на котором стоит зеленая бутылка с минеральной водой, стакан и две бутылки холодного пива — одно для Калеба и одно для Сэма — хотя он и отказался от выпивки. Они посмотрели на меня, когда я поставила поднос на стол.

Как только я уселась, Кэмми нетерпеливо на меня посмотрела и спросила: «Не найдется ли, случайно, ломтика лайма?»

Понадобилось все мое самообладание, чтобы у меня не отвисла челюсть. На этот раз Сэм точно что-нибудь скажет. Но он вежливо мне улыбается и игнорирует нелепую просьбу этой маленькой ведьмы.

— У нас где-то есть лаймы в холодильнике, — говорит Калеб. Я свирепо смотрю на него, так как поощрение такого поведения не очень похоже на помощь с его стороны и встаю, чтобы принести лайм.

Когда я возвращаюсь с аккуратно нарезанными дольками лайма, Кэмми берет их у меня, даже не поблагодарив.

Я раздраженно сажусь, не потрудившись улыбнуться.

— Итак, — говорю я, отворачиваясь от Кэмми и направляя все свое внимание на Сэма, — где вы познакомились с моим мужем?

Сэм кажется смущенным. Он хмурится, и его взгляд бежит между Калэбом и мной.

— Мы не знакомы, — отвечает он. — Сегодня мы встретились впервые.

Я озадаченно моргаю.

Калэб, свободно развалившийся на двухместном диванчике, как будто его навешают старые друзья, с пониманием улыбается мне. Знаю я эту его улыбку.

Развлекается за мой счет.

Я смотрю на лица всех присутствующих и медленно все факты становятся единым целым. Нахальство Кэмми, дорогая одежда...

Я стараюсь скрыть свои эмоции, когда все неожиданно приобретает смысл. Мы проводим собеседование на роль няни Эстеллы не с Кэмми, а с Сэмом.

По их лицам я понимаю, что они догадались о моей оплошности. Так стыдно. Маленькая

блондинистая сучка, которую я теперь вижу в ином свете, когда узнала, что у нее есть своя небольшая компания, впервые широко улыбается, демонстрируя свои зубки. Конечно же, она наслаждается моим промахом. Сэм выглядит еще более смущенным. Он вежливо старается не смотреть в мою сторону. Я откашливаюсь.

— Ну что ж, полагаю, я все неправильно поняла, — честно признаюсь я, хотя внутри меня все кипит.

Они дружно смеются — громче всех смеется Кэмми — и затем Калев поворачивается к Сэму.

— Расскажи мне, какой у тебя опыт в этом, — просит он.

Сэм принимает вызов и перечисляет свой опыт по уходу за детьми. Он закончил университет в Сиэтле и получил степень магистра по детской психологии. Два года практиковался, а затем решил, что ему не по душе быть психологом — его слова звучат так холодно и безразлично. Он решил переехать туда, где более солнечно — в Южную Флориду — и там получить степень по музыке. Он планирует воспользоваться ею, когда откроет реабилитационный центр для детей, подвергшихся жестокому обращению.

— Музыка исцеляет людей, — объясняет он. — Я видел, как она может помочь сломленной психике ребенка, и я хочу интенсивно использовать ее в центре, но сначала мне нужно получить образование, связанное с музыкой.

— Значит, — произношу я более скептическим тоном, нежели планировала, — ты семь лет учился и получил степень магистра, а теперь хочешь стать нянкой?

Кaleb кашляет и садится прямо, убрав руки со спинки дивана.

— Лия имеет в виду, почему бы не попрактиковаться неполный рабочий день, пока ты заканчиваешь учебу? Почему именно няня, ведь финансовые преимущества будут не столь хороши?

Я опускаю голову и жду ответа.

Сэм нервно смеется и тербит челку.

— На самом деле, работая психологом особо не разбогатеешь, если вы, конечно, понимаете, что я имею ввиду. Я хочу эту работу не из-за денег. К тому же, мои услуги по уходу за ребенком недешево вам обойдутся, — честно признается он. — Заметьте, я

сiju в вашей гостиной, которая значительно лучше многих гостиных среднего класса в Америке.

Я хмыкаю, когда он намекает на наше богатство. Мое воспитание не предполагает упоминать об этом вслух — это неприлично.

— У меня есть дочь, — добавляет он. — Мы с ее матерью разошлись два года назад, но могу уверить вас, что я очень хорошо осведомлен, как необходимо заботиться о малышах.

— Где твоя дочь сейчас? — задаю я вопрос.

Кaleb посылает мне предупреждающий взгляд, но я делаю вид, что не замечаю его. Не хочу, чтобы какой-то буйный ребенок носился по моему дому в дни, когда она будет навещать его. Кроме того, ее может раздражать общение с малышкой. Я не могла не обратить на это внимание во время своей последней выходки.

— Она в Пуэрто-Рико со своей матерью, — отвечает он.

Я представляю себе красивую экзотичную испанку, с которой он жил вместе, но на которой не захотел жениться. Их дочь, наверное, унаследовала

волосы от матери, а от отца — светлые глаза.

— Ее мать вернулась туда, после того, как мы разошлись. Это одна из причин, почему я решил переехать во Флориду — по выходным я смогу летать к ним и навещать ее, — я гадаю, что же за женщина увозит своего ребенка за сотни миль от отца, особенно, если есть возможность использовать его как няньку по выходным.

— Сэм, — наконец-то подает голос Кэмми, — мой кузен. Я обещала ему самую лучшую работу из тех, что у меня есть, и когда Калевб позвонил, я сразу поняла, что он прекрасно подойдет.

— А откуда ты знаешь Калеба? — спрашиваю я, наконец-то, получив возможность задать вопрос, который крутится у меня в голове.

Впервые за всю беседу, Кэмми выглядит неуверенно и не знает, что ответить. Она смотрит на Калеба, который снисходительно мне улыбается.

— Мы вместе учились в колледже, — объясняет он, — И честно, Сэм, если Кэмми рекомендует тебя — родственник ты ей или нет — я верю, что ты лучший, — он подмигивает Кэмми, которая игриво приподнимает бровь и улыбается.

В голове у меня звенит тревожный звоночек. В колледже Калев был популярным членом баскетбольной команды. Он спал со всеми чирлидершами, а затем встретил эту чертову сучку Оливию, которая разрушила все. Прищурив глаза, я смотрю на Кэмм. Она знакома с Оливией? Они соревновались за моего мужа? Но мои вопросы так и остаются без ответа, так как главной темой разговора становятся деньги.

Я вполуха слушаю, как Калев предлагает Сэму щедрую зарплату, на которую тот соглашается. Но прежде, чем я успеваю возразить, что хочу традиционную няню женского пола, желательно кого-нибудь с огромной задницей и большой бородавкой на лице, Калев встает и они с Сэмом пожимают друг другу руки.

Решено. Сэм будет заботиться об Эстелле пять дней в неделю, а по вечерам он будет ходить на учебу. Он приступит к работе уже завтра, так как Калев уезжает через два дня в очередную деловую поездку, и перед тем, как уедет, хочет убедиться, что Сэм устроился. Что иначе можно расшифровать как: «Моя жена понятия не имеет, что делать, и мне придется научить тебя, как заставить ее пользоваться молокоотсосом».

Я вздыхаю, потерпев поражение, и остаюсь сидеть, пока Калевб провожает их до дверей.

Ну что ж, я получила, что хотела — частично.

Глава 8

Прошлое ...

Я — девушка, которой чужды обязательства. Так было до тех пор, пока Калевб не отверг меня — они сразу же стали мне необходимы. У нас состоялся разговор, в ходе которого я спросила его, в какую сторону мы движемся, а он посмотрел на меня, как на пришельца.

— Ты знала, — ответил он, — ты знала, когда связалась со мной, что я не ищущу обязательств.

Я возразила, что тоже не ищущу их. Все меняется, когда люди *заинтересованы друг в друге*.

Но Калевб оставался непреклонен. Он был не готов и не хотел меня. Он хотел ее. Конечно, он не говорил об этом открыто, но в глубине души я знала

это. Поняла по тому, как он всегда отводил взгляд, когда я упоминала о ней. Он даже не назвал мне ее имени. Кем бы ни была та, кто причинила ему боль, она испортила все и мне тоже.

Я ощущала себя, как маленький кусок отвратительной картофельной кожуры. Он просто хотел трахнуть меня. Я свернулась в клубочек на своем диване после того, как ушла от него в припадке гнева. Мне хотелось что-нибудь уничтожить. Я обзвонила всех своих самых распутных подруг-шлюшек и предложила им собраться выпить.

Я вошла в бар и спустя час получила уже три номера телефона. Обычно я игнорирую любых придурков, которые подкатывают ко мне в это время суток, но один из них был врач, чей акцент мне очень понравился. Я затолкала бумажку с его номером в свой кошелек и заказала очередной напиток.

К тому моменту, когда я покинула бар, я прилично набралась. Но это не ново для меня. Пожелав своим девочкам хорошо провести ночь, я забралась в машину, проехала пять кварталов и врезалась в припаркованный джип. Я быстренько умчалась, пока меня никто не заметил, но меня сильно потряхивало.

Я позвонила матери.

В ее голосе слышалось раздражение, когда она ответила на мой звонок.

— Мам, я попала в аварию. Можешь подъехать и забрать меня?

— Я уже в постели.

— Знаю. Мне жаль. Я пьяна. Ты нужна мне, мам.

Она тяжело вздохнула. Я услышала голос отца на заднем плане и ее резкий ответ.

— Это Лия. Она влипла в неприятности. Хочет, чтобы я приехала за ней.

Они сказали что-то друг другу, мне не удалось расслышать что, и затем она снова была на связи.

— Тебя кто-нибудь видел?

Я сказала ей, что нет.

— Хорошо, — ответила она.

Родители еще немного поговорили. Голос отца звучал сердито.

Я терпеливо ждала, массируя голову. При столкновении я ударилась о руль, и теперь ощущала, что голова начинает болеть.

В трубке снова раздался голос матери.

— Папа пришлет Клиффа. Он отвезет тебя домой.

Клифф — шофер моего отца. Он живет в небольшом домике возле нашего дома, расположенном на территории площадью пять гектаров. Я поблагодарила ее, стараясь скрыть разочарование в голосе, и объяснила, где нахожусь.

Чего я ожидала? Что моя мать запрыгнет в свой маленький красный мерседес и приедет спасать меня? Объятий? Я вытерла слезы с лица и постаралась не обращать внимание на свои уязвленные чувства.

— Прекрати, черт возьми, вести себя как маленькая девочка, — велела я сама себе. Клифф приехал спустя десять минут. Он припарковал свой пикап на свободном месте и запрыгнул на водительское сиденье моей машины. Я с благодарностью на него посмотрела.

— Спасибо, Клифф.

Он кивнул и завел двигатель машины. Что мне нравится в Клиффе, так это то, что он не болтлив. Когда мы проезжали через ворота поместья, все огни были уже погашены. Я споткнулась на пороге входной двери, которую оставили открытой для меня, и с трудом поползла до свободной комнаты наверху. Мамочка не ждала меня, папочка тоже не ждал меня.

Я привела себя в порядок в ванной, залепила пластырем порез на лбу и выпила три таблетки «Адвила» от головной боли. (*Примеч. Адвил — обезболивающий препарат*) Забралась в кровать и уснула, думая о Калебе.

Проснулась я от того, что кто-то звал меня по имени. Нетерпеливый голос принадлежал моей матери. Я быстро села и вздрогнула, когда в голове вспыхнула боль. Мама стояла рядом с кроватью, полностью одетая, волосы уложены в идеальный пучок на макушке. Губы покрыты ярко-красной помадой и сжаты в тонкую линию. Она сердится на меня. Я снова вздрогнула и натянула простыню до подбородка.

— Привет, мама.

— Вставай.

— Ладно...

— Твой отец очень зол, Джоанна. Уже третий раз за этот год ты попадаешь в аварию на своей машине.

Я неловко поерзала. Она права.

— Он завтракает. Хочет, чтобы ты спустилась, и он мог поговорить с тобой.

Я кивнула. Конечно же, он прислал мать. Она — его вечный посредник: отец никогда не заговорит со мной, пока не пошлет мать позвать меня для разговора. Даже когда я была маленькой девочкой, помню, что меня всегда так вызывали, если я проказничала.

Спешно надев одежду, которая была на мне вчера, я последовала за ней вниз в столовую. Отец сидел на своем обычном месте во главе стола, в руках он держал развернутую газету. Возле локтя стояли чашка кофе, тарелка с козым сыром и омлетом со шпинатом. Он не поднял взгляд, когда я вошла.

— Садись, — сказал он. Я быстренько села на

стул, и экономка принесла мне кофе и маленькую белую таблетку.

— Джоанна, — сказал отец, складывая газету, и посмотрел на меня суровыми серыми глазами, — Я решил, что в твоих же интересах начать работать вместе со мной.

Я испугалась. У меня уже есть работа. Я работаю кассиром в местном банке. Мой отец не берет на работу членов семьи, он считает, что это может вызвать конфликт интересов. Только в прошлом году моя кузина умоляла взять ее на должность бухгалтера, но мой отец отказал ей.

— П-почему?

Он нахмурился. «Почему» — слово, которое мой отец не желает слышать.

— Я имею в виду — ты же не любишь смешивать семью и работу, — поспешила вставить я. У меня взмокли ладони. Боже, какого черта я напилась так сильно вчера вечером?

У меня красивый отец. Кожа оливкового цвета и светло-серые глаза. Уже много лет он проводит в спортзале по десять часов в неделю и его физическая

форма тому доказательство. Я со своими рыжими волосами и бледной коже совершенно на него не похожа.

Наши взгляды встретились, и в этот момент я поняла, что он хотел сказать.

В груди разлилась тупая боль. Она достигла моего сердца, вскрыла его и забралась внутрь. Я подобрала свои растоптанные чувства и посмотрела отцу в глаза. Если он хочет, чтобы я бросила свою работу и работала на него, я сделаю это.

— Да, папочка.

— Приступаешь в понедельник. Можешь взять линкольн, пока твоя машина в мастерской. Оставь ключи Клиффу.

Он снова развернул газету, и я поняла, что меня отпустили.

Я встала, мне хотелось сказать что-то еще, хотелось, чтобы и он сказал мне что-то еще.

— Пока, папа.

Он даже не потрудился заметить, что я что-то сказала.

Мать ждала меня в коридоре. Она вручила мне ключи от линкольна. Такая слаженная операция.

Я заехала в банк и сообщила им, что увольняюсь. Затем поехала в загородный дом с намерением выпить бутылку вина и лечь спать.

Когда я подъехала к дому, на пороге сидел Каледб. Я резко остановилась. Он не переоделся после работы: на нем были серые брюки, белая рубашка на пуговицах, рукава которой он закатал до локтей. Он сидел, слегка разведя ноги, опираясь локтями на колени, и смотрел в землю, видимо глубоко погрузившись в свои мысли. Когда он услышал стук моих каблучков по асфальту, он поднял глаза на меня... и улыбнулся. Улыбка вышла кривоватой. Но она затронула его глаза, и мне стало интересно, представляет ли он меня обнаженной. Боже, я обожаю этого мужчину. Я прошла совсем рядом с ним и открыла дверь. Когда я открыла ее, он встал и последовал за мной внутрь.

Позже, заказав тайской еды, мы сидели в постели и ели. Мне все еще было немного больно после разговора с моим отцом — и не могу не признать: я только что снова переспала с Каледбом, после того как он сказал мне, что не хочет меня.

— Зачем ты пришел сюда? Ты не можешь приходить сюда потрахаться, а потом заявлять мне, что я недостаточно хороша, чтобы быть твоей девушкой, — он отставил свой контейнер на край стола и повернулся лицом ко мне.

— Я такого не говорил.

— Тебе и не надо было говорить. Поступки говорят громче слов.

Он кивнул. Палочки для еды замерли на пути ко рту. Я ожидала, что он, по крайней мере, будет отпираться... опровергать.

— Ты права. Мне жаль.

Он забрал у меня контейнер с карри и палочки и положил их рядом со своим.

Я вытерла губы тыльной стороной руки, пока он не видел. Что-то важное должно произойти. Я чувствовала это.

Он притянул меня к себе на колени, так что я оседлала его.

— Я расскажу это только один раз. И никаких вопросов, ок?

Я кивнула.

— Мы с ней встречались три года. Я любил... люблю ее, — исправился он. Во мне вспыхнула ревность. Вспыхнула и понеслась по моим венам, не зная, где найти выход. Мне казалось, что я сейчас взорвусь от такого напряжения. Я прикусила щеку изнутри.

— Нельзя прекратить любить кого-то, когда любишь так сильно, — его глаза будто остекленели от этого заявления, — Тем не менее, мы были очень молоды...и глупы. У меня не получалось контролировать ее так, как мне хотелось, она оказалась слишком сильной личностью для меня. Я принял по-настоящему плохое решение однажды ночью, и она застучала меня.

— Ты изменил ей?

До этого момента я молчала, слишком боясь говорить, чтобы не спугнуть этот редкий миг откровения.

Мышцы на его челюсти напряглись, и ноздри затрепетали.

— Да — нет, — он потер лоб, — я был...

Калеб опустил руки мне на бедра. Он выглядел таким измученным, что я подняла руку и провела ладонью по его щеке. Я немного знала об отце Калеба. Он известный бабник. На данный момент он женат на женщине моложе меня. Это уже его четвертый брак. Насколько я знаю Калеба, он совершенно не одобряет поведение отца, так что измена с его стороны довольно сильно удивила меня.

— Я не изменник, Лия. Но, Боже, эта женщина не доверяла никому...

Я сделала глубокий вдох и позволила воздуху медленно просочиться сквозь губы. Он внимательно наблюдал за мной, пытаюсь понять мою реакцию.

— Но, ты что-нибудь сделал с ней?

— Технически — нет.

Я не понимала, что он пытается сказать. Он думает, что изменил, только потому, что хотел изменить? Он хотел изменить?

— Лия, — он отбросил волосы мне за спину, пальцы погладили мою кожу. Я задрожала. У нас

серьезный разговор, а я могу думать только о—

Я огорченно покачала головой.

— Ты или трахнул ее, или нет.

Он вздохнул.

— Я никогда не изменял ей. Не в традиционном понимании этого слова.

— Боже, я даже не знаю, что это означает.

Он откинул голову назад и рассмеялся.

— Очевидно, компасы нашей морали настроены на разные полюса.

Я покраснела, а я редко краснею.

— Лия, — сказал он, — Ты мне нравишься. На данном этапе больше, чем следовало бы. Но я пока все еще не в норме. Я не могу состоять с кем-то в отношениях, если буду делать это только наполовину. Я все еще люблю ее.

Глаза мне заволгло слезами. Он говорит мне, что не может даже попытаться полюбить меня, потому что любит кого-то еще.

— Черт, — я слезла с него и села на своей стороне кровати. Простыня сползла до талии. Я наблюдала за ним краешком глаза. Его лицо осталось бесстрастным.

— Так о чем ты говоришь? Могу я напомнить тебе, что это ты объявился на моем пороге, а не иначе?

Он рассмеялся, и, перевернув меня на спину, навис надо мной.

— Меня тянет к тебе, — он поцеловал меня в нос. — Ты мне не безразлична.

Когда ты ушла прошлым вечером, тебе было больно.

— Да, было.

— А сейчас?

Я улыбнулась ему.

— Сейчас мне больно, но по другой причине.

Он рассмеялся. У него чудесный смех. Он зарождается в его груди, а затем срывается с губ. Всякий раз, когда мне удастся рассмешить его, я

испытываю триумф.

Неожиданно я стала серьезной.

— Я могу заставить тебя забыть ее.

Его губы все еще улыбались. Глаза затуманились, когда он посмотрел на мои губы.

— Правда?

Я кивнула.

— Да.

— Ладно, Рыжая, — сказал он, мягко накручивая прядь моих волос на палец.

Я захихикала, что тоже случается крайне редко. Рыжая. Мне понравилось. Он нежно поцеловал меня и лег на меня сверху.

Мы занимались любовью. Это был первый раз в моей жизни, когда кто-то занимался любовью со мной. Раньше это всегда был секс.

В тот день я влюбилась без памяти.

Глава 9

Настоящее...

На следующий день, когда я в облегающих спортивных брюках от Juicy и майке готовлю себе на кухне смузи, приезжает Сэм. (*Примеч. Juicy Couture — американский бренд, производит женскую и детскую одежду, аксессуары и часы, а также одежду и аксессуары для собак.*) Предполагается, что я должна присматривать за Эстеллой — она дремлет в своей передвижной детской кроватке — пока Калек принимает душ, но к тому времени, как я открываю Сэму входную дверь, я не помню, где оставила ее.

— Как дела? — тепло приветствует меня Сэм. На его плече висит спортивная сумка. Интересно, планирует ли он остаться на ночь. Мысль об этом повергает меня в ужас.

— Ну, где моя малышка? — спрашивает он, потирая ладони и улыбаясь. На минутку я подумала,

что он говорит о кредитной карте — потому что нечто подобное я говорю очень часто, пока брожу по торгово-развлекательному центру и рыскаю в кошельке в поисках своей кредитки Американ Экспресс — но затем я понимаю, что он говорит о ребенке. Мне стоит невероятных усилий, черт возьми, не закатить глаза.

Неутолимый голод ребенка спасает меня, так как откуда-то из-за моего плеча раздается ее хныканье. Именно тогда я вспоминаю, что отвезла ее в столовую. С раздражением смотрю на ее кроватку.

— Я возьму ее, — говорит Сэм, принимая решение взять все в свои руки, и проходит мимо меня. Я безразлично пожимаю плечами и иду к своему ноутбуку. Он возвращается в комнату, убаюкивая ее в своих руках, как раз тогда, когда Калеб спускается по главной лестнице — его волосы все еще мокрые после душа. Я ощущаю волну желания просто от того, что смотрю на него. Калеб игнорирует меня, проходит мимо и хлопает Сэма по спине так, будто они старинные приятели.

Он не разговаривал со мной с той ночной поездки в больницу, только изредка задавал вопросы о ребенке или давал инструкции. Развернувшись, я ухожу и дуюсь, пока они обсуждают вопросы,

которые меня не интересуют. Я планирую посетить спа-салон и пытаюсь решить, сколько процедур я успею пройти за восемь часов, когда Кaleb зовет меня. Отчаянно желая оказаться в центре его внимания, я отрываюсь от компьютера и с надеждой смотрю на него.

— Меня сегодня не будет допоздна, — сообщает он. — У меня деловой ужин.

Я киваю. Вспоминаю, что раньше я сопровождала его на такие деловые ужины. Открываю рот, собираясь сказать ему, что я хочу пойти, но он целует ребенка и уже на полпути к двери. Полное безразличие.

Я переключаю свое внимание на воспитателя.

— Так, значит, ты в родстве со своей начальницей, — равнодушно констатирую я, впиваясь зубами в яблоко. Сэм удивленно приподнимет брови, но ничего не отвечает. А я начинаю размышлять и гадать, спал ли Кaleb когда-нибудь с Кэмми.

— Ты... эм... проводишь с ней много времени?

Он пожимает плечами.

— У Кэмми много друзей. Встречи девочек за

бокалами мартини мне не интересны.

— Но разве ты не хочешь встречаться с кем-то?
— спрашиваю я, переводя разговор на другую тему.
Он очень симпатичный, если в вашем вкусе
неухоженные музыканты. Эггеей, грандж умер
вместе с Куртом Кобейном.

— Так вот, где бы ты зависала, если бы была
одна? — он смотрит на меня, когда задает вопрос.
Простой вопрос, но из-за выражения его глаз я
чувствую себя как на допросе.

— Я не одна, — резко отвечаю я.

— Точно, — он поудобнее перехватывает
ребенка. Я отвожу взгляд в сторону.

— Ты встречал кого-нибудь из ее друзей? — я
надеюсь хоть на какое-то упоминание об Оливии.
Было бы интересно узнать, принимает ли она в этом
какое-то участие.

Сэм прикидывается дурачком. Не могу понять,
знает он что-то или нет.

— Ну, пару человек то там, то сям, — отвечает в
итоге он, вытирая рот Эстеллы тряпочкой. —

Уверена, что не хочешь заняться этим? — он кивает на ребенка. — Не хочу лишать тебя возможности провести время с ней.

Когда он бросает взгляд на нее, я закатываю глаза.

— Нет, все в порядке, — удовлетворенно говорю я.

— Ты, видимо, не очень привязана к ней? — говорит он, не глядя на меня.

Я рада, что он не видит моего лица. На нем отражается шок. Я стараюсь придать лицу нейтральное выражение.

— Почему ты так сказал? — спрашиваю я, прищурившись. — Сколько ты меня знаешь? Пять минут?

— Тут нечего стыдиться, — продолжает он, игнорируя меня. — Многие женщины впадают в своего рода депрессию после родов.

— Окей, доктор Фил. Я не в депрессии! — я отворачиваюсь, но затем, крутанувшись, разворачиваюсь обратно. — Как ты смеешь судить

меня — ты думаешь, что достаточно опытен, чтобы «судить» меня, юный психолог? Почему бы тебе не посмотреть внимательно на свои родительские таланты? У тебя ребенок в Пуэрто-Рико, парниша... без тебя.

Кажется, Сэма не тронули мои слова. Вместо того, чтобы стусеваться, чего я, собственно, добивалась, он задумчиво смотрит на меня.

— Калев очень приятный парень.

Я уставилась на него. Что он имеет в виду? Это что, какой-то психологический фокус? Разновидность ловушки, которая докажет ему, что я страдаю от послеродовой депрессии? Я облизываю губы, пытаюсь понять его точку зрения.

— Да? И?

Он не спешит отвечать мне, ставит бутылочку на стойку и укладывает Эстеллу головой на плечо для очередной отрыжки.

— Зачем он женился на такой, как ты?

Сначала мне кажется, что я неправильно расслышала. Конечно же, нет... он не мог сказать

подобное, мне послышалось. Он прислуга — обычный воспитатель. Но он смотрит на меня в ожидании ответа и у меня начинает дергаться глаз — явный признак смущения. Гнев всей тяжестью обрушился на меня. Вот бы я могла поднять его с плеч, где он осел всей своей тяжестью, и швырнуть в Сэма.

Так грубо! Так неуместно!

У меня мелькает мысль уволить его, но затем я замечаю, как Эстелла срыгивает молоко, и оно течет по его спине по рубашке. Я морщусь нос. Лучше на него, чем на меня. Я разворачиваюсь и мчусь вверх по лестнице, словно само материнство гонится за мной.

Закрыв дверь спальни, я сразу же думаю о сексе. Я жажду сорвать одежду с кого-нибудь — с Калеба, конечно же. Когда мне было семнадцать, врач сказал мне, что я использую секс, чтобы самоутвердиться. У меня в ближайшее время будет секс с Калемом.

Второе, что приходит мне в голову — это пачка сигарет «Вирджиния Слимс», которую я прячу в шкафу с нижним бельем. Я отправляюсь туда и засовываю руку за деревянную панель. Пачка по-прежнему там, наполовину полная. Я вытаскиваю

зажигалку из букета шелковых цветов и иду на балкон, куда можно выйти прямо из моей спальни. Последнюю сигарету я выкурила еще на шестом месяце беременности, когда однажды после особо трудной ночи спряталась в доме родственников. Я зажигаю сигарету, прокручивая в голове мерзопакостные комментарии Сэма. Я должна поговорить с Калемом. Собственно говоря, Сэм не может продолжать работать на нас после того, как он сказал такие ужасные, уничижительные вещи обо мне.

Интересно, что он имел в виду под «такой девушкой, как ты»? Многие употребляют эту фразу в отношении меня, но обычно с целью сделать мне комплимент или чтобы похвалить мое светлое будущее. Такая девушка, как ты, далеко пойдет в мире модельного бизнеса. Такая девушка, как ты, может стать кем захочет. Такая девушка, как ты, может заполучить любого парня.

Сэм вложил в них другой смысл. Это был не комплимент, просто... зачем он женился на такой девушке, как ты?

Я затягиваюсь сигаретой, наслаждаясь спокойствием, которое она приносит. Почему я вообще бросила курить? Ах да — потому, что хотела

чертового ребенка. Я загасила окурок об каменную обшивку балкона и ловко швырнула его в какие-то кусты внизу. Кaleb терпеть не может запах сигаретного дыма. Кстати говоря, когда мы встречались, это было единственным, на что он жаловался. Он просил, умолял, отказывал мне в сексе, лишь бы я бросила курить, но в итоге, только забеременев, я бросила эту свою привычку. Мне нужно принять душ, если я не хочу, чтобы меня уличили в курении. У меня и так куча проблем. Я раздеваюсь, оставшись только в нижнем белье, и направляюсь в ванную, когда вижу, как в саду появляется Сэм с Эстеллой. Он везет ее в коляске — покупка стоимостью три тысячи долларов, к которой я ни разу даже не прикоснулась. Прищурив глаза, я слежу за ним, пока он идет по садовой тропинке. Я задумываюсь, видел ли он, как я курила. Не важно, в итоге решаю я. К концу дня он уйдет навсегда.

— Твои дни сочтены, парень, — кратко сообщаю я, перед тем как закрыть дверь в ванную.

Кaleb приходит домой уже после того, как Сэм ушел, из-за чего мои планы сорвались, и мне пришлось остаться одной с ребенком. Я жую сельдерей, когда он входит в дверь, неся пакет с едой на вынос.

Он ставит его на кухонную стойку и сразу же отправляется наверх проверить ребенка. Я не обращаю на это внимание и сразу же лезу в пакет, чтобы посмотреть, что он мне принес. Когда он спускается, он держит девчонку на руках.

—Что —? Зачем ты разбудил ее?

Я надеялась провести некоторое время с ним без нее.

Он вздыхает и открывает холодильник.

— Она новорожденная и должна есть каждые три часа, Лия. Она не спала.

Я бросаю взгляд на радио-няню и вспоминаю, что выключила ее, чтобы вздремнуть. Видимо я забыла включить ее. Интересно, как долго она уже не спит.

— Оу.

Я наблюдаю, как он ставит бутылочку с холодным грудным молоком в аппарат для подогрева бутылочек. Я могу на пальцах одной руки пересчитать, сколько раз я кормила ее. Обычно либо Кaleb, либо Сэм кормят ее.

— Сегодня ей шесть недель, — сообщаю я. Я считаю дни до момента, когда смогу снова начать спать с ним, и чуть не сделала это до истечения шестинедельного срока, когда на прошлой неделе он вернулся с пробежки. Он всегда на высоте после бега.

От вида еды в пакете во рту закипает слюна. Я приступаю к еде без него. Он принес жареную курицу под соусом масала из одного моего любимого ресторанчика. Мы так часто едим блюда оттуда, что я не могу даже сбросить вес. Если я съем одну целую грудку цыпленка, 5 грибочков и уберу большую часть соуса, то мне удастся избежать двухсот калорий. Мне следует заставить себя прекратить так много есть. Мне хочется съесть последний кусочек курицы, но если я собираюсь сбросить вес, появившийся после рождения ребенка...

Калеб по-прежнему не смотрит на меня.

— Спасибо за ужин, — благодарю я. — Это был мой любимый.

Он кивнул.

— Ты что, больше никогда не собираешься разговаривать со мной?

— Я не простил тебя.

Я вздыхаю.

— Серьезно? Я не заметила.

Он поджигает губы. Я слезаю с высокого табурета и смело шагаю к нему. Он приподнимает брови в удивлении, когда я нежно забираю у него из рук ребенка и укладываю ее себе на руку, как, я видела, делает Сэм.

— Так она быстрее срыгнет, — объясняю я ему, имитируя движения Сэма. Ребенок подыгрывает великолепно, громко срыгнув через несколько секунд, после того как я легонько хлопаю ее по спинке. Я перекидываю ее на изгиб локтя и тянусь за бутылочкой с остатками молока. Кaleb молча наблюдает за мной.

Я сладко ему улыбаюсь.

Ну же, придурок. Прощай уже меня.

Я скармливаю ей остатки молока и повторяю свой фокус с отрыжкой.

— Хочешь уложить ее или мне самой это сделать?

Он забирает ее у меня, но на этот раз он смотрит на меня одну... две... три секунды.

ГОТОВО!

Пока он укладывает девчонку спать, я бегу наверх, чтобы надеть что-нибудь сексуальное. Я так сильно нервничаю, когда возвращаюсь обратно на кухню. Открыв упаковку замороженной брокколи, я затапливаю в рот целую пригоршню.

На мне черная ночная рубашка. Не очень вызывающая. Не хочу, чтобы Калев догадался, что я принарядилась ради секса. Я медленно брожу по кухне, пока он не возвращается. Когда я слышу, как он спускается по ступенькам, я делаю вид, что мою бутылочки, которые Сэм уже вымыл. Слышу его где-то за моей спиной. Он замирает на пороге, и я улыбаюсь, понимая, что он наблюдает.

Когда он уходит в гостиную, я отправляюсь следом. Он садится, и я забираюсь на кушетку рядом с ним.

— Такого больше никогда не случится. Мне было проблематично поладить с ней. Но сейчас дела обстоят гораздо лучше. Мне нужно, чтобы ты

поверил мне.

Он кивает. Уверена, что не убедила его, но он уже близок к тому, чтобы поверить мне. Я буду играть в мамочку, и скоро он снова будет смотреть на меня как раньше. Я целую его в шею.

— Нет, Лия.

Прищурившись, я отстраняюсь. И кто из нас использует секс в качестве оружия?

— Я хочу извиниться, — я слегка надуваю губы, но он выглядит раздраженным.

— Тогда извинись перед Эстеллой, — затем он встает и уходит. Я перекаत्याюсь на спину и смотрю в потолок. Отказ. Случалось ли подобное со мной раньше? Не припоминаю такого. Все вышло из-под контроля.

Мне хочется позвонить кому-нибудь — подруге... сестре. Мне нужно поговорить о том, что только что случилось, прояснить все. Я тянусь за телефоном и листаю список контактов. Останавливаюсь напротив имени Катины. Она вполуха будет слушать то, что я рассказываю ей, а через пять минут мы уже будем говорить только о ней. Листаю дальше. Прокручиваю список до Корт, и

мое сердце начинает бешено биться. Корт! Я набираю ее номер. И, пока звонок не прошел, сбрасываю его.

Глава 10

Прошлое ...

Помню, каким влажным было лето — воздух такой густой, что, казалось, будто вдыхаешь в легкие суп. Мы носились сломя голову — сестра и я — бегали вверх и вниз по коридорам нашего огромного дома, кричали и гонялись друг за другом, пока не попадали в неприятности. Мама, разозлившись, выгоняла нас на улицу с няней Маттиа, пока она отдыхала. Маттиа часто ездила в магазин, где все продавалось за один доллар, и покупала что-нибудь для игр на улице. Кортни и я, которые делали

покупки в модных бутиках, находили бесконечно забавным, что можно прийти в магазин и весь товар будет по доллару. Она приносила нам мел, скакалки, обручи, и, конечно, наши любимые мыльные пузыри...

Маттиа всегда оставляла их напоследок. Она притворялась, что забыла купить большой розовый контейнер, и мы вздыхали и дулись. В последнюю минуту она вытаскивала его из-за спины, а мы прыгали и кричали, радуясь, что она оказалась такой находчивой. Мы называли пузыри «пустыми планетами», и суть игры заключалась в том, чтобы лопнуть как можно больше пустых планет, прежде чем они самоуничтожатся и направят свои осколки лететь к Земле. Маттиа стояла под деревом в тени и выдувала их для нас. От этой игры наши ноги постоянно были в синяках. У нас вошло в привычку толкать друг друга, чтобы первой дотянуться до пустой планеты. Маттиа говорила, что мы бегали так быстро, что напоминали размытые пятна.

Она называла нас Рыжей и Вороном, соответственно цвету волос. В конце игры мы подсчитывали, сколько пузырьков мы лопнули. Двадцать семь — Рыжая, двадцать два — Ворон, объявляла она. Затем мы счастливо хромали в дом, потирая синяки на голених и выпрашивая мороженое.

Мама ненавидела синяки. Она заставляла нас носить чулки, чтобы прикрыть их. Она ненавидела многое, что ассоциировалось со мной — колтуны у меня в волосах после ванны, цвет моих волос, как я жую, как слишком громко смеюсь, как вожу ногтями по большому пальцу, когда попадаю в неприятности. Если спросить меня, тогда и сейчас, что ей вообще нравилось во мне, я не смогу ответить. Все, что могу сказать, так это то, что мое детство напоминало прохладную газировку. Мы с Корт смеялись и вдыхали густой воздух. Маттиа обнимала меня, чтобы компенсировать резкие слова моей скупой на чувства матери.

Мама больше любила сестру. Кортни была достойна любви. Помню, как наткнулась на них, когда она расчесывала ей волосы после ванны. Она рассказывала ей историю о том, как она была маленькой девочкой. Кортни хихикала, и мама смеялась вместе с ней.

— Мы станем хорошими друзьями, если вырастем вместе. Ты похожа на меня, когда я была в твоём возрасте. Я села на край ванны, наблюдая за ними.

— А Джо? — спросила Кортни, посылая мне улыбку, в которой не хватало двух передних зубов. —

С ней вы тоже будете хорошими друзьями?

Казалось, она даже не заметила, что я была в комнате, пока Корт не произнесла мое имя. Она медленно моргнула и улыбнулась младшей дочери.

— Ох, ты знаешь Джоанну и ее книги. У нее нет времени играть с нами, она только и делает, что читает.

Я хотела сказать ей, что сожгла бы все книги, которые у меня есть, чтобы стать частью их клуба «Мама и дочка». Вместо этого, я лишь пожала плечами. Кортни была сильно похожа на маму и отличалась от нее только тем, что ей нравилась я.

Я должна была бы завидовать ей, но не завидовала. Она была, своего рода, единственной моей семьей: в мой день рождения именно она вставала рано, выкладывала на тарелку кучу пирожных «Крошка Дебби» и приносила их в мою комнату, напевая песню “Lake of Fire” Нирваны. Мой день рождения четвертого июля — огромное неудобство для моих родителей, которые в этот день всегда устраивали вечеринку для компании.

Но Корт всегда делала так, чтобы этот день казался мне особенным. Когда мою твердую

«отлично» не замечали, она вешала мой табель на холодильник и обводила средний балл красным маркером. Она была любовью в моей жизни без любви... теплым одеялом в семье, которая ценит холодные эмоциональные отношения. Когда все быстро пролетали мимо меня, моя сестра останавливалась. У нас были связь и узы, которые было трудно разрушить.

Когда я впервые привела Калеба домой, отец, наконец, заметил меня. Как будто он разглядел меня только теперь, когда я подцепила такого мужчину, как Калев. Мой кавалер был не только при деньгах, он красиво говорил, rispetабельно выглядел и был амбициозен..., а еще он знал чертовски много мелочей о спорте.

Родители пригласили нас на ужин. Я наблюдала за ними со своего места на диване. Мой отец смеялся над всем, что говорил Калев, а мама носилась вокруг него, будто он был голубых кровей. Сестра сидела около меня — так близко, что наши ноги соприкасались. Когда мы были вместе, мы всегда бывали так близки. Это был акт восстания против наших родителей. Мы сопротивлялись любым попыткам возвести между нами барьер. Пока родители были увлечены Калевом, Корт толкнула меня локтем в ребра и поиграла бровями. Я

разразилась смехом.

— Думаю, он *хороший*, — высказала она свою точку зрения. — Хорош в постели?

Я поморщилась.

— Зачем мне быть с кем-то, кто плох в этом?

Она приподняла брови.

— Знаю. Ли, помнишь того парня со старшей школы? С ямочкой на подбородке?

Я фыркнула в бокал с вином. Его звали Кирби. Само это имя дает представление о нем. Нельзя серьезно воспринимать парня, чье имя звучит, как имя персонажа в видеоигре. Особенно, когда его голова между ваших ног, и он, пропев «поцелуй», начинает делать агрессивные толчки своим языком.

— Женщины, не девушки, правят моим миром. Я сказал, что они правят моим миром... — пропела сестра, закрывая глаза и прикусывая губу, как делал Кирби.

Мы разразились смехом, чем заслужили неодобрительный взгляд от матери. Клянусь, эта женщина все еще может заставить меня чувствовать

себя так, будто мне пятнадцать. Я с вызовом посмотрела на нее и засмеялась громче. Мне двадцать восемь чертовых лет. Она больше не может меня контролировать.

Я считала, что все прошло прекрасно, пока мы не сели в машину. Кaleb придержал для меня дверь и вдруг сказал:

— Твой отец шовинист.

Я удивленно моргнула. Это не прозвучало как обвинение. Скорее, как наблюдение. И правдивое наблюдение. Я пожала плечами.

— Он немного старомоден.

Кaleb притянул меня в свои объятия. Он странно смотрел на меня — брови нахмурены, уголки губ задумчиво опущены вниз. Я узнала это выражение лица «я занимаюсь психоанализом». Я хотела отстраниться, чтобы он не мог внимательно рассматривать меня, но отстраняться от Калеба все равно, что запирается в морозильной камере. Если его свет падает на вас, хочется находиться в его лучах, впитывать его. Жалко. Это было так прекрасно. Никто никогда не давал мне так много тепла. Я вцепилась в его руки, и позволила ему

анализировать желания его сердца. Я хотела знать, что он видит, когда так внимательно смотрит на меня. Он разрушил чары, неожиданно улыбнувшись.

— Итак, думаю, ты готова сидеть дома босая и беременная?

Я приподняла брови. Когда он это сказал, это не прозвучало так уж ужасно.

— Это будет в твоём доме? — спросила я. Я была застенчива. Он поцеловал кончик моего носа.

— Может быть, малыш.

Он слишком быстро отпустил меня. А мне хотелось остаться в его объятиях и пообсуждать пол ребёнка, которым я буду беременна, и будут ли мои голые ноги стоять на деревянном полу или на плитке? Будем мы жить в двухэтажном доме или на ранчо? У меня кружилась голова. Для меня это было так же хорошо, как и предложение руки и сердца. Этот мужчина — золото. Он даже заставил моего отца смотреть на меня так, будто я человек. Мы вместе лишь восемь месяцев, но, если я правильно разыграю свои карты, к весне у меня на пальце будет кольцо. Это был счастливый вечер для меня.

Я быстро поняла, что Калеб моя «пустая планета».

Глава 11

Настоящее...

Я подпрыгиваю, когда слышу машину Калеба на подъездной дорожке. Мы вместе уже пять лет, но у меня до сих пор в животе начинают порхать бабочки, когда он входит в комнату. Я стараюсь не выглядеть нуждающейся в нем, но, когда в замке поворачивается ключ, и он входит внутрь, я запрыгиваю на него. Мне нужно, чтобы он простил меня. Я постоянно существую словно в полумраке с тех пор, как он перестал улыбаться мне.

Я застала его врасплох, и он смеется, когда мой вес впечатывает его в стену. Я обвиваю его талию ногами, и мой нос прижимается к его. Мне хочется заняться с ним сексом так, как мы делали, когда впервые встретились, но первое, о чем он

спрашивает:

— Где Стелла?

Улыбка сползает с моих губ. Ненавижу это.
Откуда мне знать?

Я вздыхаю и соскальзываю вниз по его телу.

— Вероятно с «как-его-там-зовут».

Калевб хмурится, его губы сжимаются в прямую линию.

— Ты провела с ней хоть немного времени?

— Ага, — отвечаю я. — Я кормила ее сегодня, потому что нянь опоздал.

Его челюсти вздрагивают, когда он скрежещет зубами. Мышцы подергиваются. Я вздрагиваю.

Мышцы подергиваются... я вздрагиваю... они подергиваются... я вздрагиваю.

Я чувствую за собой право злиться. Не секрет, что матери полагаются на нянек, чтобы те заботились об их детях. В кругах, в которых я вращаюсь, это совершенно нормально. Почему он

всегда заставляет меня так себя чувствовать?

Я закусываю нижнюю губу.

— Думаешь, Оливия была бы лучшей матерью, чем я?

На секунду в его глазах вспыхивает откровенный гнев. Он отворачивается, затем снова поворачивается ко мне и снова отворачивается, как будто не знает, признать тот факт или нет, что я произнесла ее имя.

Я хочу борьбы. Каждый раз, когда он смотрит на меня, будто я большое жирное разочарование, мыслями я возвращаюсь к Оливии. Для меня это как переключение передач: оно срабатывает, когда я вижу разочарования в глазах Калеба.

Неожиданно, я оказываюсь в этом волшебном месте, где отпускаю педаль сцепления, педаль газа идет вниз, и мои мысли мчатся к Оливии. Дерьмо. Эта. Сука. Какой властью она обладает над ним? Мне хочется врезаться в него, бить его кулаками по груди за то, что он всегда мысленно сравнивает меня с ней. Или я единственная, кто сравнивает себя с ней? Боже, жизнь такая запутанная.

Именно в этот момент в комнату заходит Сэм с

ребенком. Гнев на лице Калеба растворяется, и вдруг он выглядит так, словно собирается заплакать. Я знаю этот взгляд; выражение облегчения — облегчения, что у него есть кто-то, кроме меня. Я разворачиваюсь и направляюсь в сторону двери.

— Куда ты идешь? — интересуется Калеб.

— Сегодня я провожу время с Сэмом, — отвечаю я, при этом избегая смотреть Сэму в глаза и хватаю свою сумочку.

— Пойдем, Сэмюель, — бросаю я. Я вижу, что он старается подавить улыбку, когда послушно склоняет голову и идет туда, где я жду его. Я выхожу за дверь и спускаюсь вниз по лестнице, прежде чем Калеб успевает что-то сказать. Я слышу, что они переговариваются за моей спиной, но я уже на полпути к машине Сэма и решаю, что, если остановлюсь, чтобы подслушать, это разрушит всю правдоподобность моих намерений. Калеб, вероятно, предупреждает его о моей склонности становиться агрессивной, когда напиваюсь. Сэм выбегает через минуту. Он молча открывает передо мной пассажирскую дверь, и я забираюсь внутрь. Он водит джип, тот, в котором нет крыши и настоящих окон. Я усаживаюсь в кресло и смотрю вперед. Я собираюсь уничтожить Оливию, найду ее и выбью из нее дерьмо

за то, что она разрушает мою жизнь.

— Куда? — спрашивает Сэм, выезжая на дорогу.

— Звони своей развратной кухне, — говорю я.

— Мы отправимся туда, где она.

Он приподнимает брови, но даже не трудится взять телефон.

— Она сегодня в «Матушке Готель» (*Примеч. Матушка Готель — главная злодейка мультфильма «Рапунцель: Запутанная история»*), — объясняет он.
— Ты была там когда-нибудь?

Я качаю головой.

— Отлично. Это место как раз для тебя, — его джип резко вливается в поток движения, и я хватаюсь за ручку двери, чтобы удержаться. Это будет долгая поездка.

«Матушка Готель» — вовсе не мое место. Я громко сообщаю об этом, пока мы идем к двери. Вышибала с полудюжиной пирсингов на лице проверяет наши документы. Он оценивает меня взглядом, от чего моя кожа покрывается мурашками, и я хватаю Сэма за руку.

— Что, черт возьми, это за место? — шепотом спрашиваю я, когда мы входим в комнату, освещенную сиянием электрических огней.

— Кальянная, — информирует он, приподнимая брови. — Эмо-кальянная.

Я морщусь нос.

— Зачем она пришла сюда? — я думаю обо всех стильных барах на Мизнер-авеню, всего в нескольких шагах от этой угнетающей крысиной норы.

— Она проходит через фазы, — объясняет он, кивая в сторону бармена. — В прошлом месяце это были чайные комнаты.

Сэм заказывает два мартини. Когда я беру свой, мне становится интересно, откуда он знает, что я пью мартини?

— Разве ты не собираешься прочитать мне нотацию о том, что у меня грудное молоко проспируется? — спрашиваю я, глядя на него поверх своего бокала. Он стонет и пытается забрать его у меня.

— Дерьмо, я забыл, — отвечает он. — Трудно

вспомнить, что такая холодная мегера, как ты, на самом деле мать.

Я ворчу и отодвигаю бокал подальше от него. Туше.

Мы направляемся к столику, где сидит небольшая группа людей. Я вижу, как Кэмми оживленно вертит своей головкой, пока рассказывает историю. Когда она замечает Сэма, ее лицо озаряет улыбка... но затем она видит меня. Она быстро моргает, будто пытается избавиться от моего образа перед глазами. Я мило улыбаюсь и иду к ней. У этой суки есть информация об Оливии. Я наклоняюсь поцеловать ее в щеку. Мне нравится здороваться по-европейски.

— Сэм, — зовет она натянутым голосом, — Не ожидала, что ты приведешь... гостя. Она склоняет голову, как делают южные красавицы. Я бы отнесла ее акцент к техасскому.

— Первая вылазка после рождения ребенка? — спрашивает она меня.

Сэм бормочет что-то за моей спиной. Я оборачиваюсь, чтобы послать ему предупреждающий взгляд, и снова поворачиваюсь к Кэмми.

— Конечно, — отвечаю я. — Сэм был настолько добр, позволив мне прийти. Классный бар!

Я осматриваюсь вокруг, изображая интерес. Когда я смотрю на нее, замечаю, что она как раз заканчивает закатывать глаза.

Жестом она указывает на два свободных стула. Я занимаю ближайший к ней, и Сэм садится около меня. Она представляет всех сидящих за столом. Группа состоит из двух адвокатов, профессионального скейтбордиста, который пялится на грудь Кэмми, и лесбиянок в тату и пирсинге.

Весь следующий час я слушала их болтовню на самые скучные темы в мире. Я поигрывала с волосами и старалась не зевать. Сэм посмотрел на меня с изумлением и присоединился к их разговору. Дважды он заставлял меня врасплох, спрашивая мое мнение о политике.

— Слушай, Сэм, — наконец произношу я, пока никто не слышит, — Ты не мог бы этого не делать?

Он улыбается.

— Просто стараюсь быть дружелюбным.

Как кто-то с таким количеством татуировок может знать что-то о политике? Я мыслю стереотипно? Очень плохо. Я наклоняюсь ближе к его уху, чтобы только он мог меня услышать. Кэмми хмурится.

Он гей! Мне хочется наорать на нее. И даже если бы он им не был, серьезно, меня не привлекают неряшливые мужчины.

— Я дам тебе сто баксов, если ты сможешь вывести всех отсюда, чтобы я смогла поговорить с твоей распутной кузиной наедине.

Сэм встает и хлопает в ладоши.

— Куплю всем по шоту, кроме Кэмми.

Кэмми закатывает глаза, но остается сидеть. Все следуют за Сэмом к бару, смеясь и похлопывая друг друга по спине.

Она выжидающе смотрит на меня, будто знает о моих намерениях.

Клянусь, я и эта сука говорим на одном языке... но с разными акцентами.

— Оливия Каспен, — говорю я. Ее лицо ничего

не выражает. — Ты знаешь ее?

Ее губы изгибаются в улыбке, и она склоняет голову, признавая, что знает ее. Я чувствую, как в моей груди зарождается жар и вырывается наружу. Эмоциональный фейерверк, если хотите знать. Я знала это! Облизываю губы и вытаскиваю сигареты из сумочки.

— Вот откуда ты знаешь Калеба, — продолжаю я. Она кивает, на ее губах по-прежнему играет эта ужасная улыбка. Я вздыхаю и бросаю на нее взгляд из-под ресниц.

— Почему он любит ее? — я впервые произношу этот вопрос вслух, хотя размышляла над этим Бог знает сколько лет. Оливия привлекательна — если вам нравятся шлюхи. У нее чересчур густые волосы, а глаза широко поставлены, но я провела около нее достаточно времени во время следствия, чтобы узнать, как мужчины реагируют на нее. Она отчужденная, холодная. Загадка. Будь прокляты мужчины и их проклятая тяга к таинственности. Я никогда не видела, чтобы она улыбалась. Ни разу. Трудно поверить, что кто-то такой живой и теплый, как Калев, мог испытывать чувства к эмоциональной зануде.

Кэмми смотрит на меня, пытаясь решить, что ей следует ответить. Я же гадаю, как хорошо она знает Оливию. До сих пор я не думала об этом, но теперь, может статься, что они с ней хорошие друзья.

В конце концов, она прочищает горло.

— Ну, она сука, как ты. Калеба всегда привлекал тип Круэллы Де Виль. *(Примеч. Круэлла де Виль — главная антагонистка мультфильма «101 далматинец». Злая, жестокая и эгоистичная женщина с эксцентричными манерами.)* Но, полагаю, если ты хочешь честный ответ... — она умолкает. На сцену выходит группа, и вокруг становится шумно. Я наклоняюсь ближе, с нетерпением ожидая ее ответа

— Между ними искры проскакивают, — сообщает она. Я резко отстраняюсь. Какого черта это значит? — Когда они вместе, словно ураган и торнадо встречаются в одной комнате — такое ощущается напряжение. Я не верила в банальное утверждение о родственных душах, пока не увидела их вместе.

Я слышала достаточно. Мне становится плохо. Я оглядываюсь в поисках водителя, но нигде его не вижу. Но Кэмми еще не закончила.

— Уверена, ты забеременела не случайно, — говорит она, выдергивая сигарету из моих пальцев и делая затяжку. Я моргаю, слишком заинтригованная, чтобы спорить. Откуда она может знать?

— Теперь у тебя есть парень... и ребенок. Ты выиграла. Так зачем ты интересуешься Оливией?

Я лгу ей, рассказывая, что хочу убедиться, что она ушла навсегда или какую-то подобную ерунду.

Она ухмыляется.

— Ты хочешь знать, почему он любит ее, Лия? — она делает ударение на моем имени. Я вздрагиваю.

Что за сучка.

Качаю головой, но маленькая блондинка умнее, чем мне казалось сначала.

Она гасит мою сигарету.

— Ты найдешь ответ на этот вопрос только у Калеба. Если бы я была на твоем месте, я бы забыла об этом. Иди и наслаждайся жизнью, которую ты украла для себя. Оливия не окажется на *твоем* пороге, рыдая, если ты переживаешь об этом.

Я чувствую, как вспыхивает мое лицо, когда вспоминаю о моменте, когда последовала за Калесом до квартиры Оливии. Это были секретная информация. Эта маленькая сучка, вероятно, ее лучшая подруга.

— Он не бросит меня, даже если она это сделает, — отвечаю я с большей долей уверенности, чем ощущаю на самом деле.

Кэми приподнимает брови и пожимает плечами.

— Тогда почему ты беспокоишься?

Я тяжело сглатываю. Почему я беспокоюсь? Не то, чтобы я выросла в семье, в которой родители были безумно влюблены друг в друга. Мама вышла за отца ради денег, она неоднократно говорила мне об этом. У меня есть муж, так почему я растравляю свои раны?

— Я... Я не знаю.

— Невесело быть вторым сортом, не так ли? — она снимает с языка кусочек табака и растирает между пальцев. — Существует вероятность того, что ты ощущаешь, что достойна большего, чем брак, на

который Калев согласился из жалости, и, если это правда, то тебе стоит покинуть корабль прямо сейчас. Это всего лишь вопрос времени, но, рано или поздно, сага «Калев и Оливия» начнется заново.

Ее слова жалят. Я ерзаю на стуле, когда боль пронзает меня.

— Я думала, ты сказала, что она двинулась дальше? — шиплю я.

— Да, и что? — Камми снова пожимает плечами. — Это история никогда не закончится. Она замужем, ты знаешь? Так что, технически, у тебя есть немного времени, чтобы заставить мужа влюбиться в тебя.

Мне не удастся скрыть удивление. Она не вышла замуж за Тернера, я знаю точно. Он надорвал мне телефон, после того, как она порвала с ним, умоляя уговорить ее от его имени. Глупый Тернер.

После всего этого фиаско с амнезией, я проникла в ее квартиру и нашла письма от Калеба, датированные еще тем периодом, когда он учился в колледже. Я довольно быстро догадалась, что она его бывшая девушка, которая задумала украсть его у меня. Я шантажировала ее, чтобы она покинула

город, и затем наняла частного детектива, который проследил за ней до Техаса. Один мой друг посещал ту же юридическую школу, что и Оливия, так что я позвонила ему, предложила ему билеты на Супер Кубок в качестве взятки, и БАМ! Следующее, что я узнала — они помолвлены. Удача! Тернер был лишь инструментом. Как женщина могла уйти от Калеба к такому недоумку выше моего понимания. В любом случае, я полагала, она навсегда ушла из моей жизни, пока Калеб не нанял ее, чтобы она стала моим адвокатом — и хорошо, что он это сделал, потому что она выиграла дело и спасла меня от десяти лет тюрьмы.

Я ничего из этого не рассказала Кэмми, чей южный акцент неожиданно заставил меня чувствовать себя некомфортно. Она ли тот друг, к кому Оливия переехала жить в Техас?

Между нами больше ничего не происходит, и именно в этот момент около нашего столика появляется Сэм. Я встаю, чтобы уйти. Кэмми больше не смотрит на меня, она целуется со скейтбордистом, который одной рукой обхватил ее грудь, а другую руку вытянул над головой, оттопырив мизинец и указательный палец.

Я с отвращением отворачиваюсь и следую за

Сэмом к его машине.

— Получила ответы, которые тебе были нужны?
— спрашивает он меня, пока мы едем.

Я с удивлением смотрю на него.

— Что ты имеешь в виду?

Один уголок его рта приподнимается, и он слегка скашивает глаза в мою сторону.

— Она моя кузина и болтушка к тому же. Она рассказала мне о той девушке.

Я смотрю на него, открыв рот.

— Ты знал, что она была подругой Оливии, и не сказал мне?

— Это то, на что ты надеялась, не так ли? Ты хотела узнать, знает ли она ее?

Он прав, но я все еще зла.

— Я твой босс, — отвечаю я. — Ты должен был мне сказать. И, что ты за гей, кстати говоря? Ты должен любить сплетни и драму.

Он откидывает голову назад и смеется. Не смотря на поток плохих новостей, проносящихся в моей голове, я улыбаюсь. Может, он не так уж и плох. Я решаю перестать уговаривать Калеба уволить его.

Когда я оказываюсь дома, Калеб уже спит — не в нашей спальне, а на маленькой кровати в детской. Я проверяю запас молока в холодильнике, к счастью, его хватит на день или два — достаточно, чтобы мартини успел выветриться. Закатываю глаза. Калеб, вероятно, проверит мою кровь и уровень алкоголя, прежде чем позволит мне снова сделать отсос молока.

Я отправляюсь в кровать, все еще в своей одежде, и чувствую себя несчастнее, чем когда-либо.

Глава 12

Прошлое...

Моя сестра была настолько красива, что глазам было больно смотреть на нее — и, Боже, именно этим я и занималась все свое детство. Она младше меня. Всего лишь на год, но все же. Довольно нелепо боготворить свою малышку сестру. Но было сложно не делать этого: в ту минуту, когда она входила в комнату, все взоры обращались к ней, будто из ее пор сочилась божественная волшебная магия. Долгое время я верила, что однажды, когда я достигну определенного возраста, волшебство коснется и меня — но мне не повезло. Я выглядела как тощая жердь со скобами на зубах, в кроссовках за тысячу двести долларов. Из-за Кортни мне хотелось умереть — особенно, когда она встречалась, а затем расставалась со всеми мальчишками, которые мне нравились. Но я никогда не злилась на нее за это. Мы были командой — Корт и Джо — пока Джо не решила, что она хочет быть Лией, и тогда мы стали Корт и Ли. Несмотря на нашу близость, когда мы стали старше, мы осознали пропасть, появившуюся из-за различий между нами. Наша дружба пошатнулась, когда мы учились в средней школе. Она променяла меня на девчонок из группы поддержки. Со своего места на открытой трибуне я наблюдала, как она заводит новых друзей, пока я сижу и выковыриваю хлеб из скобок на зубах и гадаю,

почему у меня не начинает расти грудь.

Я не похожа на других членов своей семьи. У всех у них, за исключением моей матери, волосы цвета воронового крыла. Добавьте к этому семейную черту Смитов — кожу оливкового цвета и зеленые глаза, и они напомнят вам об армии красивых греков. Я родилась рыжей: моя кожа, волосы и мой взрывной суетливый характер. Мать частенько напоминает мне, что я кричала целую неделю, после того, как они привезли меня домой. Она сказала, что, в итоге, у меня пропал голос, и можно было услышать, как воздух покидает мои легкие, когда мое лицо кривилось от криков.

Наша мама предлагала Кортни заняться всеми типичными для идеальных девочек делами — чирлидерством, участием в модельных показах и кражей парней у других девчонок. Мне же она, наоборот, предлагала сесть на диету, особенно в выпускном классе средней школы. Тогда я была несколько пухлой. Когда мне начали нравиться мальчики, я стала заедать свои огорчения и отказы кексиками «Крошка Дебби». Всего за пару месяцев из тощей жерди я превратилась в пухлого колобка.

— Ты очень об этом пожалеешь, — пожурила меня мать, когда обнаружила мой тайный запас

сладостей. Я спрятала десяток коробочек с разными кексиками в старой рождественской коробке из-под попкорна в кладовой.

— У тебя и так рыжие волосы, теперь ты хочешь добавить к этому еще и фунты лишнего веса?

Чтобы усилить эффект от своего заявления, она захватила рукой складку жира у меня на талии и щипала до тех пор, пока я не вскрикнула. Она покачала головой.

— Безднадежно, Джоанна, — и затем она выбросила все мои кексики в мусорку.

Я закусила губу, чтобы не расплакаться. Когда она увидела, что я стараюсь не заплакать, она слегка смягчилась. *Может быть, когда-то и она была пухлой*, с надеждой подумала я.

— Вот, — она открыла морозилку и бросила мне на грудь пакет замороженного горошка. — Когда появится желание устроить пирушку из вредных продуктов, лучше съешь это. Просто думай об этом, как о ледяном лек... представляй, что это мороженное, — когда на моем лице отразилось сомнение, она схватила меня за подбородок и заставила посмотреть на нее. — Тебе нравятся

мальчики?

Я кивнула.

— У тебя не будет парня, если ты будешь есть кексы, поверь мне. Никому еще не удалось подцепить парня с помощью крошек кексов на щеках.

Я забрала пакет с замороженным горошком к себе в комнату и, скрестив ноги, уселась на полу. Уставившись на постер Джонатана Тейлора Томаса (*Примеч. Джонатан Тейлор Томас — американский актер и кумир молодежи*), я съела весь пакет, горошинку за горошинкой.

В некотором роде я была ботаником. Мне нравились мальчики, но мне также нравилась математика и физика. Но математика и физика не обеспечивали меня вниманием. Это была односторонняя, сухая любовь. Мне хотелось, чтобы окружающие смотрели на меня так же, как они смотрели на Корт. Я перекатилась на спину и жевала свой горошек. Мне он вроде бы даже нравился.

На следующий день я попросила Корт представить меня ее друзьям.

— Ты же насмехаешься над чирлидершами, —

заметила она.

— Я больше не буду. Хочу нравиться людям.

Она кивнула.

— Ты им понравишься, Лия. Я вас познакомлю.

Корт пригласила меня на вечеринку с ночевкой, где должны были присутствовать все ее вечно хихикающие подружки. Несмотря на ее уверенность, я не понравилась ее друзьям. Тринадцатилетние сучки, на которых огромное влияние оказывали точки зрения их матерей. Почти каждое свое предложение они заканчивали словами «милочка» или «бесподобно». Я не хотела быть похожей на этих девчонок. Не хотела быть похожей на свою мать. Когда одна из них спросила меня, почему я зависаю с ботанами из математического кружка, я огрызнулась.

— Они беседуют на более интересные темы, нежели вы.

Та девчонка — Бритни — посмотрела на меня, как на что-то отвратительное. Она наклонила голову и улыбнулась мне. Я почти смогла представить как ее мать, одетая в кардиган, делает тоже самое.

— Она лесбиянка, — сообщила она всем в комнате. Все остальные девочки кивнули, как будто это было совершенно приемлемое объяснение моей странности.

Лицо Корт вытянулось. Она разочарованно посмотрела на меня.

— Я не лесбиянка, — возразила я. Но мой голос прозвучал слабо и неубедительно. Девочки уже поверили на слово Бритни. Все они уже избегали смотреть мне в глаза.

Я оглядела комнату, девчонок и их волосы, залитые лаком, губы, покрашенные розовым цветом, и громко выкрикнув «*Да пошли вы!*», стремительно убежала. Мне было слегка жаль, что я бросила тень на социальное положение Корт, но она справится с этим. Придя домой, она ворвалась в мою комнату и скрестила руки на груди.

— Зачем ты это сделала? — спросила она. — Ты просила меня помочь тебе, а затем повела себя, как идиотка на глазах у моих друзей.

Я покачала головой. Она издевается?

— Корт, это они такие. О чем ты вообще

говоришь?

— Ты выставила меня в глупом свете, Лия! Ты такая эгоистка. Я устала от твоих проблем.

Она повернулась, собираясь уйти, но я прыгнула вперед и схватила ее за руку. Я поверить не могла, что она сказала все это. Похоже, они медленно воруют кусочки ее мозга и заменяют их другими, функционирующими гораздо хуже.

— Это нечестно! Ты моя сестра. Как можешь ты занимать их сторону? Бритни соврала всем. Ты же знаешь, что я не лесбиянка.

Кортни вырвала руку.

— Я не знаю этого.

Я в ужасе открывала и закрывала рот. Моя сестра — моя Кортни — никогда не разговаривала со мной подобным образом. Она всегда выступала на моей стороне. Я ощущала себя так, словно кто-то прожег дыру у меня в груди, так больно мне было.

— Ты мне все портишь, — сказала она, наконец. — Они мои друзья. Ты моя сестра. Мне не все равно, когда они говорят гадости о тебе. Просто,

пожалуйста, забей на это и не открывай больше рот. Ты все мне усложняешь.

Я проглотила ответ и кивнула. Я могу сделать это ради нее.

После этого мы никогда больше не разговаривали о том, что случилось, но она очень долгое время странно вела себя со мной. Ее друзья не упускали случая похихикать, когда проходили мимо меня в коридорах нашей частной школы. А еще они распространяли слухи — рассказывали всем, что они застукали меня, мастурбирующей на вечеринке с ночевкой. Вот так, и Корт ни разу, ни слова не сказала в мою защиту. Да и я сама ни разу не произнесла ни слова в свою защиту. Я начала гадать, верила ли она им.

Несколько недель спустя все популярные ученики седьмого и восьмого класса стали утверждать, что я лесбиянка. Когда слухи, в итоге, достигли ушей моих родителей, они отправили меня в Библейский лагерь на все лето. Мне там понравилось. Там я познакомилась с сыном пастора и потеряла девственность в кустах за общей душевой. Домой я вернулась, убедившись, что предпочитаю мужчин. Конечно же, это не остановило слухи о том, что я лесбиянка, когда возобновилась учеба. Бритни

не поленилась сообщить каждой девочке в своем и моем классе, что они не должны раздеваться передо мной в раздевалке. Парни пихали друг друга локтями в коридорах, фыркая от смеха и отпуская шуточки, когда я проходила мимо. Это было ужасно больно. И, что самое обидное — Кортни не упрекала их. Наша с ней связь исчерпала себя и распалась под жестоким руководством «королев старшей школы». В некотором роде, я привыкла к этому, полагаю, что все происходило точно так же, как дома, где родители придерживаются политики невмешательства относительно меня.

Я не высывалась, встречалась с парнями из математического кружка, которые способствовали развитию моего интеллектуального уровня, а сама никогда не прекращала строить заговор против Бритни и ее лакеев. Я изменилась в тот год, и никто не заметил. Все они были слишком заняты изгнанием меня из общества, чтобы заметить, что у меня появилась грудь третьего размера. Я научилась делать укладку и макияж. Похудела, утратив детскую пухлость.

В том же году обе — моя сестра и Бритни — запали на одного парня по имени Пол. Они обе хотели его. Чтобы спасти свою дружбу, обе девочки отреклись от него в эмоциональном порыве,

настаивая, что ничто — особенно какой-то парень — не может встать на пути их дружбы. Бритни продержалась месяц, прежде чем переспала с ним. Моя сестра была раздавлена. Мне не нравилось видеть, что Кортни плачет. А она занималась этим целых две недели, а в один из дней я даже застучала ее в ванной с пузырьком со снотворным.

— Только не из-за парня, Кортни, — сказала я, выхватывая пузырек из ее пальцев. — Seriously, когда ты успела стать такой слабачкой?

Она беззвучно расплакалась, пока смотрела на меня, под ее глазами отчетливо были видны синяки. Я поняла, что она, наверное, всегда была слабой. Она противостояла нашим родителям, когда речь шла обо мне потому, что они оказывали предпочтение ей. Пренебрегать родителями вовсе не мужественный поступок, если они ни разу не подняли голос на тебя. Я отвела ее в ее спальню и уложила в кровать, подоткнув одеяло. Затем я забралась и легла рядом с ней, чтобы можно было следить за ней.

На следующий день я подкараулила Бритни возле ее шкафчика. Она официально считалась девушкой Пола, и теперь, когда она порвала отношения с моей сестрой, мне больше не нужно было молчать.

— Ты никудышная шлюха, знаешь это? — я ткнула ее в ключицу для большего эффекта.

Пол ждал ее в нескольких метрах от нас.

Бритни посмотрела на меня и отбросила мою руку в сторону.

— Эу! Не прикасайся ко мне, лесбиянка, — прошипела она. Я проигнорировала ее и обратила свое внимание на Пола. Я все спланировала. Пол стоял и улыбался. Я видела, как в его маленьком недоразвитом мозгу рождаются слова «*драка цыпочек*». Несколько человек собрались вокруг нас, чтобы посмотреть, что происходит.

— А ты, — сказала я, глядя на Пола. — Тебе понадобится это... — я швырнула ему презерватив. Пакетик отскочил от его груди и приземлился между его кроссовок. Он посмотрел на меня, затем на красный квадратик у его ног. — У нее герпес, ты, придурок.

Выражение, появившееся на его лице, стоило каждого комментария Бритни о том, что я лесбиянка, которые она распространяла последние два года. Перед тем, как уйти, я бросила взгляд на Бритни. Ее лицо стало пепельно-серым. Не предполагалось, что

я узнаю про герпес. Стены в моем доме очень тонкие, а она не один раз оставалась на вечеринку с ночевкой у моей сестры.

Уничтожение репутации Бритни, как и уничтожение моей, стало инструментом, который был необходим, чтобы ослабить мои оковы. Я начала с Бритни, а вскоре переспала с парнями всех девушек. Мне нравилось то, с какой легкостью я могла заставить парней последовать за мной, просто намекая им на секс. Мне нравилось, как их девушки приходили в школу с опухшими, красными от слез глазами, после того, как они узнавали, что их парни изменили им.

Я не присоединилась к кругу популярных девушек, как моя сестра, я была выше их ранга. Я взлетела высоко и не планировала останавливаться.

Глава 13

Настоящее...

— Мы вместе уже довольно долго, Кaleb.

— Да, — не глядя на меня, отвечает он.

Если бы все было как обычно, он бы ответил «Да, Рыжая» или «Да, любимая», но в этот раз его ответ просто «да».

Это его «да» звучит так одиноко.

— Помнишь, когда мы были в Лос-Анджелесе, мы ужинали в каждом пользующимся популярностью ресторанчике, в который удавалось попасть?

Он бросает на меня взгляд и продолжает просматривать почту. Кaleb любит поностальгировать. Он любит поговорить о событиях прошлого.

— Мы ничего не бронировали, — продолжаю говорить я, — но тебе удавалось договориться о столике в любом ресторане, в который мы хотели попасть.

Он молча слушает меня.

— Нам не встретилаcь ни одна знаменитость, но я чувствовала себя так, словно сама была знаменитостью всю неделю... просто потому, что я

была с тобой.

Я забираю из его рук конверты и, положив их на стойку, переплетаю наши пальцы.

— Кaleb, знаю, со мной одни неприятности. И ты это знаешь. Но ты делаешь меня лучше. У нас так много общего прошлого... так много любви. Пожалуйста, не игнорируй меня.

Его губы начинают двигаться.

— Мне вовсе не хотелось ходить в те вычурные рестораны, Лия.

— Что? — я качаю головой. Мне казалось, что это сработает. У меня даже нет запасного плана.

— Я ходил туда ради тебя. Я хорошо проводил время благодаря тебе, но я не такой.

— Я не понимаю, — говорю я. Он пытается разъединить наши руки.

— С тобой я был кем-то другим. Кем-то, кого я не понимал.

— Ну, тогда стань кем-то другим еще раз. Мне плевать. Мы изменимся вместе.

Калеб вздыхает.

— Не думаю, что тебе понравится тот, кто я есть.

— Испытай меня, Калеб. Я буду очень стараться, чтобы узнать нового тебя. Пожалуйста. Мы можем все исправить.

— Я не уверен, что мы можем сделать это, но мы можем попытаться.

Я вымученно улыбаюсь и обнимаю его. Я ощущаю секундное колебание с его стороны, а затем он тоже обнимает меня. Я делаю вдох, наслаждаясь его запахом. «*Мы можем попытаться*», повторяю я про себя. Слова, которые мне так хотелось услышать...они не вечны. *Мы можем попытаться...* до тех пор, пока мы больше уже не сможем пытаться. *Мы можем попытаться...* но это уже заранее обречено на провал.

Мне придется придумать, как сделать это «*попытаться*» более постоянным.

Следующие несколько недель прошли очень мирно. Я вытащила все кулинарные книги, которые мне подарили в качестве свадебных подарков, и занялась готовкой, стараясь больше не заказывать еду

на вынос. Если мой муж хочет сидящую дома маму и жену, он ее получит. Я умею быть обычной.

Мы стали обедать в столовой, которой никогда раньше не пользовались. Я даже привожу передвижную кроватку ребенка туда, чтобы она была рядом с нами. Ему нравится моя стряпня или он говорит, что нравится. Он съедает все, что я готовлю, и, кажется, искренне счастлив, что я пытаюсь что-то сделать.

Я съездила за девчачьей одеждой для ребенка и выбрала все желтое и зеленое. Я с гордостью раскладываю наряды на кровати, чтобы показать Калебу. Он рассматривает каждую вещь и одобрительно кивает.

— Она не будет носить это, — заявляет он, держа в руках маленькую футболочку с надписью *«Назначь мне свидание»*.

— Она забавная, — спору я, потянувшись к футболке. Он хватает ее быстрее меня и поднимает высоко над головой, так что я не могла дотянуться до нее.

Следующие несколько минут мы гоняемся друг за другом по спальне и пытаемся завладеть

футболкой. Мы не дурачились так уже очень давно. Ощущения очень приятные, такие же, как в самом начале наших отношений.

Сэм с удивлением наблюдает за изменениями в наших супружеских отношениях.

Однажды за завтраком, я спрашиваю Калеба, куда мы планируем поехать в отпуск в этом году.

— Наш отпуск должен быть ориентирован на ребенка, — отвечает он, потягивая чай. — Думаю Диснейленд и какие-нибудь пляжные курорты.

Я недоумеваю. Он, наверное, шутит. Сэм замечает выражение моего лица и с трудом подавляет смешок.

Я испуганно смотрю на Калеба.

— Я сгораю на солнце, — заявляю я.

Он криво улыбается.

— Прости? Ты думала, что мы поедем в Париж или Тоскану с крошечным ребенком?

Я киваю.

— Детям тоже нужны впечатления, Лия. Будет здорово, если мы покажем ей мир, но малышам нужнее Диснейленд и замки из песка. Разве у тебя нет детских воспоминаний о подобном?

Нет у меня таких воспоминаний. Всем классом мы ездили в Дисней в старшей школе. Я здорово напилась в компании двух парней накануне и весь следующий день мучилась от страшного похмелья в парке. Но Калебу я этого не расскажу.

— Кажется, — отвечаю я уклончиво. Эта обыденность начинает становиться все дерьмовее.

— Что, если ей понравится Париж? — с надеждой спрашиваю я. — Тогда мы можем поехать?

Он встает и целует меня в макушку.

— Да. Сразу же после того, как обеспечим ей нормальное детство.

— Ну, а пока она все еще маленькая, можем мы поехать куда-нибудь в нормальное место? Не похоже, чтобы ей было дело до Минни-Маус сейчас.

— Скорее всего, мы не поедem в отпуск в этом году. Она слишком маленькая, чтобы оставить ее или

взять с собой куда-нибудь. — я с недоверием наблюдаю, как он берет свой телефон. Он что, только что конфисковал мой отпуск?

— Это нелепо, — объявляю я, слизывая овсяные хлопья со своей ложки. — Много пар у которых есть дети ездят в отпуск.

— Есть вещи, от которых приходится отказаться, когда у тебя появляется семья, Рыжая. Ты только сейчас начинаешь это понимать?

— Давай откажемся от мяса... музыки... электричества! Но не от отпуска.

Сэм роняет охапку грязного белья, которое держит в руках. Я вижу, как его спина вздрагивает от смеха, когда он наклоняется, чтобы подобрать все.

Калевб игнорирует меня, просматривая что-то в телефоне.

Все мужчины в моей жизни обращаются со мной так, словно я посмешище.

— Я поеду в отпуск, — заявляю я им. Калевб смотрит на меня, выгнув бровь.

— Что ты сказала, Лия?

Он прикалывается надо мной. Не знаю, почему я проглотила наживку.

— Я говорю, что с тобой или без тебя, но я поеду в отпуск.

Я выхожу из комнаты, чтобы не видеть выражение его лица. Почему я чувствую себя как десятилетняя девочка? Нет, со мной все в порядке. Это все он. Он не хочет меня такую, какая я есть. Он хочет сделать из меня кого-то совершенно другого. Мы с Каледом играем в эту игру уже не первый год. Он задает стандарт, по которому я должна жить, а я не справляюсь с этой задачей.

Он следует за мной.

— Что ты делаешь? — он хватается меня за руку, когда я пытаюсь уйти.

— Ты пытаешься контролировать меня.

— Мысль о полностью подчиненной Лии мне не интересна, поверь мне. Тем не менее, быть частью семьи означает принимать совместные решения.

— О, пожалуйста, — шиплю я на него, — давай

не будем притворяться, будто кто-то, кроме тебя, принимает решения.

Я выдергиваю руку из его руки.

— Я устала принимать участие в спектакле, который постоянно должна разыгрывать перед тобой.

Я уже возле лестницы, когда слышу, как он произносит:

— Что ж, вот и все.

Я не оглядываюсь.

Наверху я вытаскиваю рисунок, нарисованный уличным художником, который Кортни привезла мне из своей поездки по Европе. Я храню его, завернутым в воощеную бумагу, в коробке. Я прикасаюсь к красному зонтику кончиком пальца. Раньше Кортни говорила, что я ее красный зонтик. Когда у нее были неприятности, все, что ей было нужно, просто подойти и встать рядом со мной, и я отгоняла их от нее. Это не совсем правда. Я подвела Кортни, подвела своего отца, и занята тем, что подвожу Калеба.

Я засовываю рисунок обратно в коробку и

вытираю слезы, стекающие по моим щекам. Услышав, что Эстелла проснулась и заплакала, я беру себя в руки, делаю глубокий вдох и отправляюсь к ней.

Глава 14

Прошрое...

Мы поругались в день, когда случилась авария. Можете себе представить? Ваш парень чуть не погиб, а за пару часов до этого вы сказали ему, что хотите расстаться. Я не имела это в виду. Это был шантаж — «делай мне предложение или сваливай отсюда» — жестокая попытка подтолкнуть его к браку. Только вот не стоит ставить Калебу Дрэйку ультиматум. Я вспоминаю, как выглядело его лицо, когда эти слова слетели с моих губ: брови приподняты, челюсть

сжата. За день до того, как он уехал в командировку в Скрантон, мы поругались на эту же тему. Я хотела чертово кольцо. Кaleb хотел убедиться, что я та, на чей пальчик он хочет это кольцо надеть.

Затем случился тот звонок. Я была на работе, когда изысканный голос Луки раздался на линии. У нас с Лукой нестабильные отношения: иногда между нами все отлично, а иногда мне хочется облить ее голову керосином и чиркнуть спичкой. Она говорила что-то о больнице и потере памяти. Я не понимала, пока она не сказала: «Лия, ты меня слушаешь? Кaleb в больнице! Он не помнит собственного имени!»

— Больница? — переспросила я. Кaleb должен покупать мне кольцо в ювелирном магазине.

— Несчастный случай, Лия, — повторила она. — Мы вылетаем утром.

Закончив разговор с Лукой, я сразу же начала проверять рейсы. Если я улечу сейчас, буду там к полуночи. Она полетит утром, вместе со Стивом, отчимом Калеба. Мне хотелось оказаться там первой. Мне надо посмотреть ему в глаза и заставить его вспомнить меня. Отец зашел в мой офис, держа в руках пачку документов. Курсор моей мышки завис над кнопкой оплаты. Ему всегда нужно, чтобы я что-

то подписывала.

— Что ты делаешь? — он посмотрел на меня поверх оправы очков.

— Калев попал в аварию, — ответила я. — У него сотрясение мозга и он не помнит, кто он.

— Ты не можешь уехать, — безапелляционно заявил отец. — У нас пробный запуск в разгаре. Ты нужна мне здесь.

Он бросил бумаги на мой стол и направился к двери. Я моргнула, глядя ему в спину, не уверенная, что он меня правильно расслышал.

— Папочка?

Он замер у двери, но так и не повернулся ко мне лицом. Вот такие у нас отношения: я разговариваю с его спиной, склоненной головой или газетой.

— Калев нуждается во мне, и я еду к нему. Я нажала на *«оплатить билет»* и встала, чтобы собрать свои вещи.

Я не смотрела на него, пока шла к двери, где он застыл на месте, глядя на меня.

— Джоанна ...

— Не называй меня так. Меня зовут Лия.

Протиснувшись мимо него, я с силой оттолкнула его от двери. Выглядела я храбрее, чем чувствовала себя на самом деле — в этом я хороша. Я только что бросила вызов отцу — мужчине, любовь которого я всю жизнь пыталась выиграть, заработать... заслужить?

Мне понадобилась вся моя сила воли, чтобы не обернуться и оценить силу его гнева. Я знала, если посмотрю на него, то побегу назад, вымаливая крохи его любви, как собачка. Он был в ярости... кипел. Иди, иди, иди — говорила я себе. Кaleb нуждается во мне. Он — то хорошее, что у меня есть, и я не позволю ему забыть меня. Какое значение имеет эта работа? Мой отец? Кaleb необходим мне больше, чем они.

Я поехала домой и закинула вещи в дорожную сумку. К тому моменту, как я приехала в аэропорт, меня трясло. Дальше все как в тумане — проверка службы безопасности, поиск своего выхода. Когда я добралась до него, оставалось еще тридцать минут до вылета. Я встала так близко к сотруднице, проверяющей билеты, насколько это было возможно.

Бегущая строка над ее головой гласила «Скрантон», но там вполне могло быть написано и «Калевб». Как только объявили начало посадки, я первая протянула свой билет. Усевшись на свое место, я прижала кончики пальцев к глазам, чтобы сдержать слезы. Вытащив свой Айфон, чтобы отвлечься, я погуглила *амнезию*. Я узнала, что существуют различные типы этого заболевания, но стюардесса попросила меня выключить телефон. Ненавижу это. У моего парня амнезия, мой отец собирается отречься от меня, как только я вернусь домой, а голубоглазая сучка беспокоится, что мой телефон выведет из строя наш самолет. Я убрала телефон и начала подушечкой большого пальца давить на ногти, один за другим — начиная с мизинца и до конца. Я не прекращала делать это в течение всего полета.

Когда, наконец, пришло время приземляться, я едва сдерживалась, чтобы не вскочить и не побежать в переднюю часть самолета. Я подумала обо всем, что могло пойти не так. Лука упомянула в разговоре, что потеря памяти Калеба классифицирована как ретроградная амнезия — это означает, что он не в состоянии вспомнить ничего из того, что случилось до аварии. Как можно просто... забыть все о своей жизни? Не верю в это. Не может быть, что он забыл меня. Мы были вместе каждый день... он любит меня.

Самое худшее в любви то, что как бы сильно ты не старался, забыть человека, владеющего твоим сердцем, не получится. До Калеба я не знала, что это означает. Я была королевой, которая встречалась с парнями и с легкостью их бросала.

Очередь продвинулась вперед, и я побежала от терминала к киоску по аренде машин. Тридцать минут спустя, включив обогрев в Форд Фокусе, я уже неслась к больнице, и подушечка правого большого пальца прижималась и прижималась, и прижималась к ногтям. За окном шел снег. А я взяла с собой только легкую куртку и пару легких свитеров. Придется померзнуть.

Прогулка до больничной палаты была самой долгой за всю мою жизнь. В груди болело, так как я беспокоилась, вспомнит он меня или нет. Его доктор — индеец с добрым лицом — встретил меня в коридоре.

— У него было небольшое кровоотечение в мозгу, которое мы смогли остановить. Он стабилен, но пребывает в замешательстве. Не расстраивайтесь, если он не узнает вас.

— Но что вызвало амнезию? Тысячи людей получают сотрясение мозга, но не теряют память, —

спросила я.

— Этому нет объяснений. Все, что вы можете сделать — быть терпеливой и оказать ему поддержку, в которой он нуждается. С таким типом потери памяти потребуется некоторое время, но память вернется.

Я испуганно посмотрела на дверь его палаты. Это действительно произойдет. Я войду в эту дверь, и единственный мужчина, которого я позволила себе любить, не узнает меня.

— Могу я увидеть его?

Доктор кивнул.

— Не тревожьте его сильно. Для него, это будет первый раз, когда он вас увидит. Если вы хотите обнять его, сначала попросите разрешение.

Я сглотнула комок в горле. Поблагодарив доктора, я тихонько постучала в дверь.

Я услышала, как он сказал:

— Войдите.

Войдя, сначала я увидела симпатичную

медсестру, которая проверяла его капельницу. Она флиртовала с ним. Моим первоначальным порывом было подойти прямо к Калебу и поцеловать его. Моя территория. Вместо этого я робко стояла у двери и ждала, когда он заметит меня.

Пожалуйста... пожалуйста...

Он поднял голову. Я улыбнулась.

— Привет, Калеб, — я подошла на несколько шагов ближе. В его глазах не отразилось ни капли узнавания. Каждую секунду мое сердце вздрагивало от осознания, что не будет никакого чуда, когда он увидит мое лицо: мои прекрасные рыжие волосы не вернут его воспоминания. Но я сделана из стали. Я сумею справиться с этим.

— Я — Лия.

Он перевел взгляд на медсестру, которая делала вид, что не замечает меня, и она кивнула, слегка коснувшись его руки, прежде чем отойти к двери.

— Привет, Лия, — ответил он.

— Ты — я оборвала себя на полуслове, прежде чем сказать что-то еще. Я не буду спрашивать,

помнит он меня или нет — нет — я покажусь неуверенной. Я просто объясню, кем прихожусь ему, и буду настаивать, чтобы он принял это.

— Я твоя девушка. Странно, объяснять все это тебе.

Он улыбнулся прежней улыбкой Калеба. Я выдохнула воздух, который сдерживала в легких. Боже, мне нужна сигарета.

Я приблизилась к его кровати. Ему прилично досталось. Над правым глазом пять швов, а лицо напоминает живопись Кандинского. *(Примеч. Васимлий Васимльевич Кандимнский — выдающийся русский живописец, график и теоретик изобразительного искусства, один из основоположников абстракционизма.)*

— Я так испугалась, — призналась я ему. — Я сразу приехала.

Он кивнул и посмотрел на свои руки.

— Спасибо.

Мускулы его челюсти напряглись, когда он сжал зубы. Я моргнула, неуверенная, что сказать дальше.

Мы что, снова начинаем все с начала? Разве я не объяснила ему, кем приходимся друг другу?

Успокойся, мое сумасшедшее сердце.

— Могу я... могу я обнять тебя? — меня трясло, пока ждала его ответа. Я дрожала от страха, представляя, какую потерю буду ощущать, если он откажет мне.

Нахмурившись, он посмотрел на меня и кивнул. Это был один из тех великолепных моментов облегчения, которые я никогда не забуду. Внутреннее напряжение спало, и я нагнулась к нему, обвивая его шею руками и рыдая у него на груди. Несколько секунд, только я обнимала его, но затем почувствовала, как его руки мягко легли на мою спину. Я заплакала сильнее. Все так запутано. Я должна утешать его, а вместо этого плачу.

Если бы он умер... о Боже... я бы осталась одна. Его мать сказала мне, что водитель машины погиб. Я встречалась с ним раз или два по работе Калеба.

Отстранившись от него, я не могла встретиться с ним глазами. Я вытащила пачку салфеток из сумочки и повернулась к нему спиной, вытирая слезы.

Я должна быть собранной. Думать позитивно. Скоро все закончится и будет похоронено в прошлом. Сейчас я должна быть тут, с ним. Вместе нам так хорошо. Даже если у него нет воспоминаний о прошлом, он узнает об этом вновь. Я должна заставить его понять. Я подавила рыдание. Почему это произошло? Прямо тогда, когда наши отношения, наконец, двинулись вперед.

— Лия.

Я замерла. Мое имя, произнесенное его голосом, звучало непривычно, будто он делает это впервые, осторожно произнося его по слогам. Я смахнула слезы и посмотрела ему в лицо... улыбаясь.

— Ты...? Боже... — он сжал кулаки, когда увидел мои влажные глаза. — Мне жаль.

Казалось, будто он тоже собирается заплакать, так что я села на край кровати, увидев в этом возможность быть полезной.

— Не переживай за меня, — произнесла я. — Я в порядке, пока ты в порядке.

Он нахмурился.

— Но я не в порядке.

— Значит, и я нет, но мы не в порядке вместе.

Глава 15

Настоящее...

Я сижу в гостиной и листаю журнал «Вог», а Калеб готовит ужин. Ребенок спит наверху, а по телевизору показывают какой-то мерзопакостный новостной канал. Звук включен достаточно громко, чтобы Калеб мог слышать. Я подумываю переключить канал и включить «Топ Модель по-американски», но вдруг слышу ее имя. Я вскидываю голову. Оливия Каспен. Вижу ее на экране: она стоит, в окружении репортеров. Я хватаю пульт, но не для того, чтобы сделать громче, наоборот, чтобы успеть переключить канал, прежде, чем Калеб увидит это.

— Не смей, — слышу позади себя его голос.

Зажмуриваюсь и, пожав плечами, увеличиваю громкость звука. Диктор — женщина. Помню, как-то раз я читала статистику, что шестьдесят процентов мужчин не слушают дикторов-женщин. К несчастью для меня, Кaleb не относится к их числу. Он подходит поближе к телевизору, все еще держа в руке нож. Костяшки на руках побелели. Взглядам я изучаю его руки и затем поднимаю глаза к лицу. Ниже носа, все будто высечено из мрамора. Все, что выше, готово взорваться от обуревающих его эмоций. Брови нахмурены, а в глазах такое выражение, будто он — заряженное ружье, готовое выстрелить в любой момент. Я перевожу взгляд на телевизор, так как боюсь, что если буду продолжать смотреть на него, то расплачусь.

— Судебный процесс над Добсоном Скоттом Очардом начнется на следующей неделе. Его адвокат, Оливия Каспен, которая до этого момента молчала о своем клиенте, недавно сделала заявление, сообщив, что взялась за это дело после того, как обвиненный в похищении и серии изнасилований связался непосредственно с ней и попросил стать его представителем в суде. Велика вероятность, что Оливия, которая получила степень бакалавра в том же колледже, что и одна из жертв, будет выдвигать заявление о «невиновности в связи с невменяемостью».

Шоу прерывается на рекламу. Я откидываюсь на спинку дивана. Изображение Оливии, которое они показали, было зернистым. Хорошо видны были только ее волосы, которые сейчас намного длиннее, чем были во время суда надо мной. Я медленно поворачиваю голову и вижу лицо Калеба. Он неподвижно стоит позади меня — глаза слегка прищурены — и неотрывно смотрит рекламу туалетной бумаги, как будто он не доверяет их трехслойной гарантии.

— Калеб? — зову я. У меня пропал голос, и я прочищаю горло. Слезы жгут глаза, и мне приходится использовать всю силу воли, чтобы они не покатались по щекам. Калеб смотрит на меня так, словно меня здесь нет. Меня тошнит. Насколько хрупок мой брак, если все, что ему нужно — посмотреть на нее, и я перестаю существовать? Выключаю телевизор и резко встаю, уронив то, что лежало у меня на коленях на пол. Хватаю сумочку, пытаюсь нащупать, где спрятала свои сигареты в ночь, когда ездила с Сэмом в «Матушку Готель». Вытаскиваю их, не заботясь, замечает ли он... желая, чтобы он заметил.

— Ты серьезно?

Его голос спокоен, но я вижу в его взгляде

неистовую злость.

— Ты не владеешь мной, — сообщаю я небрежно, но моя рука дрожит, когда я подношу зажигалку к сигарете. Это ложь. Кaleb владеет каждой моей мыслью и действием последние пять лет. Почему? Была ли я всегда такой продажной в любви? Сделав затяжку, я вспоминаю другие свои отношения. Нет, во всех отношениях до Калеба власть была у меня в руках. Я выдыхаю дым в его направлении, но он уже ушел. Я гашу сигарету. Почему я почувствовала нужду сделать это? Боже.

Я не иду спать. Сажу на диване всю ночь и пью ром прямо из бутылки. В самоанализе я не очень-то и преуспеваю. Вижу себя словно тщательно обработанную в фотошопе. Если начать соскабливать слои того, что я подавляю в себе, скрываю под красивой картинкой — все будет выглядеть довольно страшно. Не люблю думать о том, какая я на самом деле, но одиночество и алкоголь ослабляют мою сдержанность. Я звоню Сэму, чтобы отвлечься. Когда он отвечает, на заднем плане я слышу музыку.

— Погоди, — говорит он.

Он возвращается через несколько секунд.

— Эстелла в порядке?

— Да, — отвечаю я раздраженно и слышу вздох облегчения.

— Я плохая мать, — объявляю я. — Видимо, хуже, чем моя эгоцентричная мать, которая любит критиковать и пить джин с тоником.

— Лия, ты пьяна?

— Нет.

Я отставляю бутылку рома в сторону.

Прوماхиваюсь мимо столика, и она падает на пол. Хорошо, что она пуста. Я вздрагиваю.

— Тебе лучше прийти в себя, прежде чем ты отправишься к ребенку, — добавляет он.

Из моих глаз текут слезы. Я, правда, плачу. Все вокруг так любят осуждать.

Он слышит, как я всхлипываю, и вздыхает.

— Ты, действительно, довольно плохая мать, да. Но, тебе не обязательно быть такой.

— А еще Калев до сих пор испытывает сильные

чувства к Оливии.

— Ты можешь хоть раз перестать думать о Калебе? Ты одержима. Давай поговорим об Эстелле ...

Я прерываю его.

— Думаю, я всегда это знала, но не уверена. У меня десятки воспоминаний. В отдельном отсеке в моем мозгу, ключ к которому есть только у алкоголя. Большинство воспоминаний о взглядах, которыми он одаривал ее, а не меня, — я кусаю себя за коленку и начинаю раскачиваться из стороны в сторону.

— Знаешь что, мне пора идти, — говорит Сэм. — Увидимся завтра, — он сбрасывает звонок. Я швыряю телефон в сторону. Хренов Сэм.

На нее Калев смотрит совершенно иначе. Будто видит то единственное, что имеет значение. Мне плохо от того, что я знаю, как он смотрит на Оливию, потому что так смотрю на него я. Когда я встаю, комната начинает вращаться. Я так пьяна, что едва ли понимаю собственные мысли. Я тащусь наверх и захожу в гардеробную. Вытаскиваю сумки и чемоданы, пока меня со всех сторон не окружает Луи Виттон и тонкий роскошный запах кожи. (*Примеч.*

Луи Виттон — французский дом моды, специализирующийся на производстве чемоданов и сумок, модной одежды и аксессуаров класса «люкс» под одноимённой торговой маркой) Я собираюсь уйти от него. Я не заслуживаю такого отношения. Все так, как и сказала Кэмми. Меня любят лишь наполовину. Я закидываю какую-то одежду в сумку, и затем обессиленно растягиваюсь на полу. Кого я обманываю? Я никогда его не брошу. Если я его оставлю, она победит.

Я просыпаюсь на полу, вжимаясь в него лицом. С губ срывается стон, и я переворачиваюсь на спину, пытаюсь собрать воедино обрывки воспоминаний о прошлой ночи. Чувствую себя даже хуже, чем в тот день, когда рожала. Вытерев слюни с лица, я осматриваю беспорядок вокруг. Чемоданы и сумки валяются вокруг меня, будто мой шкаф сам высыпал их. Пыталась ли я достичь какой-то цели, когда делала это? К горлу подкатывает волна тошноты, и я мчусь в ванную, успевая как раз вовремя, чтобы опорожнить свой желудок прямо в унитаз. Я пытаюсь отдышаться, когда входит Калев, от которого пахнет чистотой и свежестью. На нем шорты и футболка, что странно, учитывая, что сегодня он должен работать. Он не обращает на меня внимания, надевает часы на руку и проверяет время.

— Почему ты так одет? — мой голос звучит хрипло, будто я всю ночь кричала.

— Я взял выходной.

Он не смотрит на меня и это плохой знак. Я пытаюсь вспомнить, чем могла обидеть его и тут улавливаю запах своих волос. Дым. Я выпускаю мысленный стон, когда вспоминаю события прошлого вечера. Это было так глупо.

— Зачем? — спрашиваю я осторожно.

— Мне надо подумать.

Он выходит из ванной, и я следую за ним вниз. Сэм кормит ребенка и удивленно выгибает брови, видя меня. Я смущенно провожу руками по волосам. К черту его. Это все его вина. С тех пор, как он появился, моя жизнь начала медленно рассыпаться на части.

Кaleb целует малышку в макушку, и выходит за дверь, будто куда-то опаздывает. Я бегу за ним.

— О чем тебе надо подумать? О разводе?

Он неожиданно останавливает, и я врезаюсь ему в спину.

— Развод? — уточняет он. — Считаешь, я должен развестись с тобой?

Я проглатываю гордость и возражения, которые вертятся у меня на кончике языка. Я должна быть умной. Недавно я позволила себе увлечься. Оттолкнула его, в то время как у меня был шанс все сделать правильно.

— Позволь мне пойти с тобой. — прошу я спокойно. — Давай проведем день вместе, поговорим.

Он кажется неуверенным, бросает взгляд в сторону детской.

— Она будет в порядке с Сэмом, — заверяю его я. — Я все равно мало что для нее делаю...

Мое заявление, кажется, помогает ему принять решение. Он кратко кивает, и мне хочется кричать от облегчения.

— Буду через пять минут, — обещаю я.

Он направляется к машине, собираясь подождать меня там, а я несусь вверх по лестнице, перепрыгивая

через две ступеньки. Вламываюсь в гардеробную, чудом не падая. Надеваю чистую пару джинсов, натягиваю футболку через голову. В ванной ополаскиваю лицо, стирая размазавшийся макияж, и набираю в рот жидкость для полоскания. Принимаю решение не наносить макияж.

Выбегаю через входную дверь, у меня чуть не случается маленький сердечный приступ, когда я понимаю, что его машины нет. Он оставил меня. Я готова упасть на подъездную дорожку и рыдать, когда его блестящий БМВ выворачивает из-за угла. Испытывая облегчение, я сажусь в машину и пытаюсь вести себя нормально.

— Ты подумала, что я оставил тебя, — говорит он. В его голосе слышны нотки юмора, и я киваю, радуясь, что он проявляет что-то помимо равнодушия. Он осматривает меня, и я замечаю удивление на его лице. Я смущенно осматриваю себя. Я редко позволяю ему видеть себя без макияжа, и никогда не ношу футболки.

— Куда мы едем? — интересуюсь я, пытаюсь отвлечь его внимание от того, как отвратительно я выгляжу.

— Ты не должна задавать вопросы, — отвечает

он. — Ты хотела поехать, вот мы и едем...

Понятно.

Он включает радио, и мы едем с опущенными окнами. Обычно я начинаю жаловаться, что ветер путает мои волосы, но сейчас мне все равно, мне нравится ощущать ветер на своем лице. Он едет по шоссе на юг. Если ехать в этом направлении можно выехать к океану, больше там ничего нет. Даже предположить не могу, куда он везет меня.

Около часа мы едем по дороге, покрытой гравием. Я сижу на сидении и смотрю по сторонам. Вокруг сплошная листва. Неожиданно, деревья расступаются, и я вижу зеленовато-голубую воду. Кaleb резко сворачивает влево и останавливает машину под деревом. Он молча выходит из нее. Когда он, как обычно, не обходит вокруг машины, чтобы открыть мне дверь, я выпрыгиваю из нее сама и отправляюсь за ним. Мы идем в тишине вдоль воды, пока не подходим к маленькой гавани. Я вижу четыре лодки, мягко покачивающиеся на волнах. Две лодки поновее на вид, видимо, принадлежат рыбакам. Кaleb проходит мимо них и направляется к старой Си Кэт, нуждающейся в покраске. *(Примеч. Си Кэт — торговая марка, занимающаяся выпуском транспортных суден)*

— Она твоя? — не веря своим глазам, спрашиваю я. Он кивает, и я мгновенно чувствую себя оскорбленной из-за того, что он никогда не рассказывал мне, что купил лодку. Я молча залезаю в нее без его помощи. Си Кэт — британская марка. Я не удивлена: обычно он покупает все европейское. Я с отвращением осматриваюсь. У меня аллергия на старье. Кажется, будто он уже начал чинить ее. Я ощущаю резкий запах герметика, и замечаю банку с ним рядом с люком.

Я решаю отпустить милый, нейтральный комментарий.

— Как ты собираешься назвать ее?

Кажется, ему нравится мой вопрос, потому что его губы раздвигаются в улыбке, пока он отвязывает веревку, которая крепит лодку к причалу.

— «Большие Надежды».

Мне нравится. Я была готова к тому, что мне не понравится название, но оно мне нравится. «Большие надежды» — название книги, из которой он выбрал имя Эстелле. Родив кричащего младенца, я очень даже неплохо начала относиться ко всему этому. До тех пор, пока это не имеет ничего общего с Оливией.

Не думай о ней, ругаю я себя. Это она в первую очередь виновата в том, что ты оказалась в беде.

— Так мы собираемся прокатиться на ней? — задаю я глупый вопрос. Его голова по-прежнему опущена, но он поднимает глаза, чтобы посмотреть на меня, пока его руки продолжают работать. Это то, что умеет только он. Мне это кажется невероятно сексуальным, и в животе у меня начинают порхать бабочки. Я сажусь на единственное сиденье, которое тоже порвано, и наблюдаю за движением мышц на его спине, пока он заводит двигатель и выводит лодку из гавани. Меня безумно тянет к нему. Даже в разгар ссоры мне хочется сорвать с него одежду и взобраться на него. Вместо этого я сижу, как истинная леди и наблюдаю, как мы плывем по воде. Мы долгое время находимся в таком состоянии: он за штурвалом, а я в ожидании. Он выключает двигатель. Справа от меня вдоль берега тянутся песчаные дюны и дома, а справа — темно-синий океан. Он направляется к рулевому колесу и смотрит на воду. Я поднимаюсь с сиденья, и делаю несколько шагов, чтобы присоединиться к нему.

— Завтра я уезжаю в Денвер, — вдруг говорит он.

— Я не впаду в послеродовой психоз и не убью

твою дочь, если это то, к чему ты клонишь.

Он слегка наклоняет голову и смотрит на меня.

— Она и твоя дочь тоже.

— Да.

Мы наблюдаем, как волны омывают борт лодки, никто из нас не озвучивает свои мысли вслух.

— Почему ты не рассказал мне о лодке? — я провожу ногтями по подушечке большого пальца.

— В конце концов, рассказал бы. Это покупка, сделанная под горячую руку.

Полагаю, это достаточно справедливо. Я тоже не сообщая ему, что покупала туфли, которые, вероятно, по стоимости не уступают лодке. Но, под горячую руку означает, что покупка была совершена под влиянием эмоций. То, что делаю я, когда пребываю в депрессии или о чем-то беспокоюсь.

— Что еще ты не рассказываешь мне?

— Вероятно, все то же, что не рассказываешь мне ты.

Я морщусь. Болезненная правда. Кaleb может видеть сквозь стены, как никто другой. Но, если он, правда, знает то, что я не рассказываю ему, он уедет завтра... и я ничего не смогу поделать.

Если он скрывает что-то еще — я узнаю это.

— Ты все обо мне знаешь — все мои секреты и семейные неурядицы. Что мне скрывать? — задаю я вопрос.

Он смотрит на меня мрачным взглядом. Похоже на предзнаменование. Меня бросает в дрожь.

— Я многого о тебе не знаю, — говорит он.

Я сразу же вспоминаю графики зачатия и Кломифен, который использовала, чтобы забеременеть. (*Примеч. Кломифен — препарат, способствующий развитию беременности*) Он напряженно думает. Я вижу, как огонь вспыхивает за радужками. Когда Кaleb думает, его глаза практически светятся. Ненавижу это. Преимущество лишь в том, что я всегда знаю, когда это касается меня. Сейчас его глаза нацелены на меня; он опускает взгляд на мой рот, и снова возвращается к глазам. Он щурится и наклоняет голову, будто читает мои мысли. Можно ли прочитать тайну на чьем-то

лице? Чертовски надеюсь, что нет.

— Когда ты пришла ко мне той ночью... в отеле... ты пыталась забеременеть?

Я отвожу взгляд в сторону и смотрю на воду. Черт побери, он все-таки может. Мои руки дрожат, и я сжимаю их в кулаки. А затем говорю ему правду.

— Да.

Не знаю, зачем сказала это. Я никогда не говорю правду. Черт возьми! Мне хочется забрать свои слова обратно, пока они не достигли его ушей, но уже слишком поздно.

Калеб сцепил руки за шеей. Он приподнял брови, от чего лоб покрыла сетка мелких морщинок. Он зол как черт.

Я вспоминаю о той ночи в отеле. Я пришла туда с целью. У меня был план. И он сработал. Я представить себе не могла, что меня раскусят. Но меня все равно раскусили. Я щелкаю пальцами.

Щелк.

Щелк.

Щелк.

Кaleb прикусывает внутреннюю сторону щеки. Кажется, будто он хочет убежать. Убежать, чтобы подумать. Заговорив, он буквально цедит слова сквозь зубы.

— Хорошо, — говорит он. — Хорошо. — Он смотрит на небо и на его лице отражается внутренняя борьба. — Я так сильно ее люблю... — его голос надламывается. Он опирается руками о край лодки и вместе со мной смотрит на воду. — Я так сильно люблю ее, — он снова пытается выразить мысль. — Мне не важно, как она появилась. Я просто рад, что она есть.

Я с облегчением вздыхаю и краем глаза бросаю на него взгляд.

Он сглатывает, один раз, два...

— Ты забеременела специально. А теперь, кажется, не хочешь ее.

Трудно это слышать... оба эти заявления. Холодные, правдивые и ужасные.

— Я думала, родится мальчик, — мой голос

настолько тих, что его заглушают волны, бьющиеся о борт лодки, но Кaleb все равно слышал меня.

— Если бы родился мальчик? Тогда тебе бы хотелось быть матерью?

Ненавижу, когда он заставляет меня думать. Хотела бы я? Или в этой роли я обречена на неудачу не важно, кто бы родился: мальчик или девочка?

— Не знаю.

Он поднимает голову и смотрит на меня. Я же разглядываю щетину на его подбородке, и мне хочется прикоснуться к ней.

— Ты хочешь ее?

Не говори ему правду!

— Я... Не знаю, чего хочу. Хочу сделать тебя счастливым...

— Но не Эстеллу?

Он произносит это резким голосом. Обычно резкость означает, что у меня крупные неприятности. Я пытаюсь выкрутиться.

— Конечно, я хочу ее. Я же ее мать...

Моему голосу не хватает убежденности. А раньше я была такой опытной лгуньей.

— То, что ты сделала после этого... тоже было частью плана?

Я вижу, как вздымается его грудь. Быстрые злые вздохи... он настраивается на мой ответ.

Я делаю очень глубокий вдох. Вдыхаю воздух, пока легкие не начинает жечь. Мне не хочется выпускать его. Я хочу удержать этот воздух, так же как признание, которого он добивается от меня. Я не должна говорить ему правду.

— Калеп...

— Боже, Лия, просто скажи мне правду...

Он проводит рукой по волосам, делает пару шагов влево, так что я могу видеть лишь его спину.

— Я была расстроена... Кортни —

Он прерывает меня.

— Ты сделала это, чтобы вернуть меня?

Я нервно сглатываю. Дерьмо. Если скажу «нет», он продолжит задавать мне вопросы, пока не подловит на лжи.

— Да.

Он бормочет ругательства, опускается на корточки и прижимает пальцы ко лбу, словно пытается удержать мысли внутри.

— Думаю, мне нужно время подумать.

— Нет, Калев! — я качаю головой из стороны в сторону. Он кивает своей вверх и вниз. Мы выглядим как парочка обезумевших китайских болванчиков.

Вот и начинается: меня охватывает паника, и я начинаю хныкать:

— Не бросай меня снова. Я не могу одна заботиться о ней, — я опускаю голову.

— Тебе не придется, Лия.

Я с надеждой смотрю на него.

— Я заберу ее с собой. Она моя дочь, я позабочусь о ней.

О Боже. Что же мне теперь делать?

Калевб встает, заводит двигатель Кэтс, и мы плывем обратно к берегу. Остатки моего здравомыслия улетучиваются.

Пока он привязывает лодку к доку, я выбираюсь на причал и быстро направляюсь к машине, в которой оставила свой телефон. Мне хочется выбраться отсюда. Пальцы не слушаются, пока я вожусь с экраном, тщетно тыча в него. Дозвонившись в службу такси, я сообщаю свое место положения. Меня трясет, несмотря на жару. Боже мой, о чем я думала, рассказывая все ему? Я едва могу дышать, пока наблюдаю, как он идет от доков к машине, где стою я, словно на скамье подсудимых. Даже в нынешней ситуации, мое сердце начинает учащенно биться при виде Калеба. Я так сильно люблю его, что сердце отзывается болью. Он не смотрит на меня. Не знаю, что это может означать, но когда он думает, это всегда плохой знак. Размышления разжигают опасный водоворот эмоций. Однажды эмоции чуть не утопили меня. Не хочу, чтобы это повторилось еще раз.

Гравий хрустит под его ногами, пока он идет ко мне. Я обнимаю себя руками за талию, будто пытаюсь удержать и не отпустить благоразумие. Он

останавливается в нескольких шагах от меня. Пришел проверить как я. Сейчас он ненавидит меня, но все равно пришел узнать, как я.

— Я вызвала такси, — сообщаю я. Он кивает и смотрит на воду, виднеющуюся за рощей деревьев, где припаркована его машина.

— Я собираюсь остаться здесь, — говорит он. — Когда вернусь, позвоню тебе, чтобы забрать Эстеллу.

Я резко вскидываю голову.

— Забрать ее?

Ах да, вот оно что.

— Я собираюсь забрать ее, чтобы она побыла немного со мной в моей квартире.

Стараясь дышать через нос, я борюсь с эмоциями, пытаюсь вернуть контроль над ситуацией.

— Ты не можешь забрать ее у меня, — цежу я сквозь сжатые зубы.

— Я и не пытаюсь. Ты не хочешь ее, Лия. Мне нужно немного времени, чтобы подумать, и будет лучше, если она останется со мной, — он трет лоб, а

я тем временем молча схожу с ума от паники.

Мне хочется крикнуть: «*Не думай! Не думай!*»

— Что насчет работы? Ты не сможешь заботиться о ней при твоём графике работы.

Я пытаюсь выиграть время. Я облажалась, но могу это исправить. Я могу стать хорошей матерью и хорошей женой...

— Она важнее работы. Я возьму выходные. На следующей неделе у меня поездка, после этого, я заберу ее.

Мысли ползут как черепахи. У меня не получается выдумать оправдание, благодаря которому он не может так поступить со мной. Я могла бы использовать ребенка в качестве рычага — угрожать ему — но это в конечном итоге может обернуться против меня же. Если ему нужно немного времени, может быть, я должна ему его дать. Может быть, мне тоже нужно немного времени.

Я киваю.

Он так сильно поджимает губы, что они белеют. Никто из нас не произносит ни слова следующие

двадцать минут. Он ждет со мной, пока не подъезжает сомнительное на вид такси, которое останавливается перед нами, обдав гравием наши ноги. Я забираюсь внутрь, отказываясь встречаться с ним взглядом. Возможно, он ждет, что я повернусь и скажу ему, что все это было ложью. Но я смотрю вперед.

Обратная дорога из Киз в Майами пролегает по узким дорогам вдоль темно-голубой воды. Я отказываюсь думать... всю дорогу до дома. Я просто не могу думать. Я сосредотачиваюсь на машинах, проезжающих мимо. Смотрю в окно и оцениваю пассажиров: сгоревшие на солнце семьи, возвращающиеся с каникул, усталые рабочие в формах с синими воротничками, какая-то женщина плачет, подпевая радио. Я отворачиваюсь, когда вижу ее. Мне не нужно лишнее напоминание о слезах.

Когда я возвращаюсь домой, Сэм укладывает ребенка спать. Он изучает мое лицо и открывает рот, с его губ готов сорваться вопрос.

— Ничего, мать твою, не говори, — рывкаю я. Его рот все еще открыт, пока я несусь вверх по лестнице и хлопаю дверь. Через несколько минут слышу, как его джип выезжает с подъездной дорожки, и выглядываю сквозь шторы, чтобы

убедиться, что он уехал. Я хожу по комнате, щелкаю пальцами, и пытаюсь решить, что делать с беспорядком, который создала Оливия. Затем внезапно срываюсь с места, бегу по коридору и проскальзываю в детскую. На цыпочках подхожу к кровати и заглядываю в нее, словно ожидаю увидеть там змею вместо спящего ребенка.

Эстелла лежит спине, голова повернута на бок. Ей удалось высвободить руку из пеленок, она сжала ее в кулачок и засунула в рот. Каждые несколько секунд, она начинает сосать его так сильно, что я боюсь, что она проснется. Я отступаю на несколько шагов назад, на случай, если она меня видит. Даже не знаю, может ли она уже меня видеть. Обычно матери болтают на эти темы — первая улыбка, первая отрыжка, первое, что бы это ни было. Я наклоняю голову и снова смотрю на нее. Она подросла, стала немного больше — фу. Я удивлена видеть в ее лице свои черты: такой же изгиб носа и острый подбородок. Обычно дети до четырех лет выглядят как шарики, но у этого ребенка на лице уже отражается характер. Полагаю, если какой-то ребенок и должен быть милее остальных, то это будет мой. Я задерживаюсь еще на мгновение, прежде чем уйти. Закрываю дверь, а потом снова открываю, вспомнив, что сегодня я сама по себе. Без Калеба. Без Сэма. Даже без своей эгоцентричной

матери-алкоголички. Я частенько наблюдала, как Сэм и Кaleb обращались с ребенком, и знаю основы. Кормишь ее, она срыгивает еду, ты вытираешь дерьмо, кладешь ее в кроватку... пьешь.

О Боже. Я сползаю вниз по стене, пока моя задница не ударяется о плитку, а голова не касается колен. Мне жаль себя. Я не просила такую жизнь — стать любовью номер два, вынужденно родить ребенка. Я хотела... хочу то, что есть у Оливии, то, от чего она отказалась — человека, который обожал бы меня, несмотря на то, что мои внутренности выются в клубки и жалят как ядовитые змеи. Нет! Думаю я. Я — не ядовитая змея. Это Оливия — змея. Все, что делается, делается по ее вине. Я невиновна. Так я и заснула, всхлипывая и вытирая нос о штанину, убеждая себя в своей невиновности и слушая дыхание своей дочери. Может быть, ей было бы лучше без меня. Может быть, мне было бы лучше без нее.

Просыпаюсь я от воя сирены. Пожар! Я резко вскакиваю, и мышцы протестующе ноют. Полностью дезориентированная, я не соображаю, где нахожусь. Темно, все еще ночь. Я прижимаю руку к стене и принохиваюсь, пытаюсь обнаружить дым. Не сирена... ребенок. От этого я не испытываю облегчения; вероятно, я предпочла бы пожар. Я направляюсь на кухню, в спешке опрокидывая вещи,

пытаюсь отыскать бутылочку и упаковку грудного молока. Ругаюсь вслух. Сэм, должно быть, переставил все, потому что я ничего не могу найти. И тогда я вижу записку на холодильнике.

«Закончилось грудное молоко. Тебе нужно сделать новый запас».

Черт. Я смотрю на молокоотсосник, который лежит на стойке. Уйдет около пятнадцати минут, прежде чем я наберу столько, сколько ей нужно, а она кричит так громко, что, боюсь, кто-то услышит и придет проверить. Я представляю себе, как в нашем доме появляется служба по защите детей и морщусь. Мне нежелательно иметь проблемы с законом.

Прыгая через две ступеньки, взлетаю наверх и останавливаюсь у двери детской. Делаю глубокий вдох, прежде чем открыть ее. Включаю свет и вздрагиваю. Внезапная вспышка света, кажется, ее тоже злит, поэтому я выключаю верхний свет и зажигаю маленькую лампу в углу. Помню, как выбирала эту лампу в Поттери Барн. Коричневый медведь... для моего сына. Я подхожу к кровати своей дочери. Она мокрая. Подгузник промок, перепачкав одежду и простынь. Уложив ее на пеленальный столик, стягиваю с нее боди. Как только я это делаю и переодеваю ее, она, видимо,

успокаивается, хотя не перестает плакать.

— Шшшш, — укоряю ее я. — Шипишь как кошка, — я беру ее на руки и иду к креслу-качалке за пять тысяч долларов, которое купила мне мама, и впервые сажусь в него. — Ты настоящая заноза в заднице, знаешь это? — я смотрю на нее, пока задираю футболку. Я отворачиваюсь, когда она присасывается к груди. Требуется вся моя сила воли, чтобы не отдернуть ее. Следующие тридцать минут кажутся мне настоящей пыткой. Я — человек-бутылочка. Скрестив ноги, я покачиваю стопой, чтобы не сойти с ума. Закрываю глаза и прижимаю к ним кончики пальцев. Ненавижу все это. Эстелла засыпает, все еще сося молоко. Я поднимаю ее к плечу, чтобы она срыгнула, но она обыгрывает меня и срыгивает мне в лицо. Я смеюсь потому, что это так отвратительно, и отношу ее в кроватку.

Отходя, я ощущаю чувство выполненного долга. Я все же могу позаботиться о ребенке.

— Хотела бы я посмотреть, как это делаешь ты, Оливия.

Постоянный цикл кормления продолжается до тех пор, пока лучи солнца не пробиваются сквозь листья пальм, светя ярко, как прожекторы. Я

прикрываю голову руками, когда свет начинает пробиваться сквозь шторы в детской, и солнечные лучи не начинают резать глаза. Я перебралась в ее комнату несколько часов назад и свернулась калачиком на маленькой кровати в углу. Сна нет ни в одном глазу — никакого. Вообще. Я переворачиваюсь на спину и смотрю в потолок. От меня пахнет кислым молоком. Я уже собираюсь встать, когда она снова начинает хныкать.

— О Боже, — устало бормочу я, пока плетусь к ее кроватке. — Пожалуйста, просто позволь мне умереть.

Глава 16

Прошлое...

Он с ней. Наверняка с ней. Я ходила к нему домой и звонила его родителям. Никто не видел его и не получал от него известий уже несколько дней. Я оставила с десятков сообщений на его голосовой

почте, но он так и не перезвонил. Моя жизнь напоминает неуправляемый поезд. Я стремительно мчусь на встречу чему-то плохому. Кaleb ускользает от меня. Мои пальцы, которые обычно переплетены с его, теперь хватают воздух. Мне нужно вцепиться во что-то, снова обрести контроль. Я собиралась попросить помощи у матери, но после того, как она сказала мне проследить за Калем до квартиры этой сучки, мне было слишком стыдно рассказывать ей про эту ситуацию что-то еще.

Кортни!

Я позвонила сестре и все ей рассказала.

— Боже, Лия. Что ты собираешься делать? — Кортни только недавно начала работать учителем. Она устроилась преподавателем математики в старшую школу в центральной части города. — Серьезно, ты должна найти его и поговорить с ним. Кто эта девушка? Очевидно, она знает о тебе, но ей все равно. Какая бессердечная сучка.

— Не уверена, что он послушает меня, Кортни. Он сам на себя не похож.

На заднем плане я услышала голоса.

— Мне пора идти, — сказала она. — У меня внеклассное занятие. Он — любовь всей твоей жизни. Ты должна бороться за него.

— Ладно, — согласилась я. — Но как?

Несколько секунд она молчала.

— Выясни, кто эта девушка. Если она всего лишь мимолетное увлечение, то не волнуйся, он вернется к тебе. Если же это что-то большее, то ты должна положить этому конец. Слышишь меня?

— Да, слышу.

Она нажала отбой. Я ощутила воодушевление. Остановилась возле Джамбо Джус и купила себе смузи, а затем поехала к жилищному комплексу, к которому приезжала на прошлой неделе, когда следила за Каледом. Его машины поблизости не оказалось. Я постучала в дверь и услышала, как лает собака. Я постучала еще раз, чуть громче. Если это чертово животное не прекратит шуметь, кто-нибудь обязательно обратит внимание. У меня под ногами лежал коврик с надписью «Добро пожаловать», а слева стояло небольшое растение в горшке. Но это мало чем скрашивало скучный серый коридор. Посмотрев по сторонам, я присела на корточки возле

горшка, приподняла и заглянула под него. Ничего.

Хмммммм.

Я засунула палец в землю и покопалась вокруг пока... не наткнулась на маленький пакетик на молнии. Смахнув прилипшую землю пальцем, я наклонилась ниже, чтобы лучше рассмотреть находку. Ключ. Я фыркнула. Встала, вставила ключ в замочную скважину и дверь открылась. Мои лодыжки немедленно атаковали. Я умудрилась прорваться, обойдя уродливое животное, и захлопнула дверь в квартиру, оставив его снаружи. Прижалась ухом к двери. Было слышно, как снаружи пес скулит, затем я услышала удаляющееся цоканье когтей по асфальту. Хорошо.

Глубоко вздохнув, я обернулась и стала осматривать квартиру. Там было мило. Скромно. Она приложила усилия, чтобы здесь стало комфортно. Я бродила по гостиной. Здесь сильно пахло корицей, и мне захотелось найти источник запаха. Я принялась и подошла к одной из розеток в стене и потыкала ее носком туфли. Какие женщины используют подобные электрические ароматизаторы? Я вот даже никогда и не думала купить подобный.

К черту. Хватит болтаться без дела.

Я отправилась в спальню. Именно там женщины прячут все свои секреты сначала... в общем, секреты. Я выдвигала ящики комода один за другим, проводила руками по рядам одежды. Когда я добралась до ящика с нижним бельем, я поморщилась. Пожалуйста, Боже, сделай так, чтобы Калеб не видел ее нижнее белье. Она носит кружево — черное, белое и розовое. Никаких украшений. Я закрыла комод и посмотрела на кладовку. Так, значит, она скучная. Калеб не любит скучное. Ну ладно, Калеб, которого я знаю, не любит скучное. Я покачала головой. Понятия не имею, каким стал этот новый Калеб. Хочу обратно старого Калеба.

Я включила свет в кладовке и увидела, что там все валялось в беспорядке. Обувная коробка лежала над полкой с одеждой. Я вытащила ее и сняла крышку.

Меня будто в живот ударили. С фотографии на меня смотрел совсем юный Калеб. Одной рукой он обнимал девушку, волосы которой были цвета воронова крыла. Я узнала ее. Это ее я видела тогда, когда проследила за Калебом. Что это может означать? Они давно знакомы? Калеб связался с ней до амнезии? Он пытался встретиться со своим

прошлым? Я порылась в фотографиях. Они были гораздо ближе, чем просто друзья. О Боже. Я замерла над фотографией, на которой они целовались, и коробка выпала у меня из рук.

Что происходит? Он знает кто она или —

Нет, это должно быть она. Она как-то прознала, что он потерял память, и объявилась, чтобы запутать его. О, Боже мой. А Калеб и понятия не имеет.

Прекратив трястись, я потянулась за коробкой. Внутри я обнаружила письмо, написанное косым почерком Калеба. Мои глаза загорелись, когда я прочла его. Его слова... обращенные к девушке, о которой я ничего не знаю. Кроме того, что это не просто какая-то девчонка. Она — «Черри Гарсиа». Я практически уверена в этом.

Я должна найти его, рассказать ему, как она поступила. Но сначала главное.

Я собрала в кучу, то, что могло бы мне пригодиться, и растолкала по карманам. Затем отправилась на поиски ножниц.

Настоящее...

Никто не пришел. К полудню я осознала, что разрушила свой брак, и что у Сэма сегодня выходной. Я распечатываю бутылку скотча. Я не очень люблю скотч, но по какой-то причине мне кажется, что он каким-то образом связывает меня с Калебом.

Маленькая паршивка, наконец-то, уснула. Недолго думая, я наливаю себе четверть стакана лучшего скотча Калеба. Она так взвинчена, что немного алкоголя ей не помешает. Я вижу свое отражение в зеркале в коридоре, пока взбираюсь по ступенькам вверх, чтобы принять душ. Я похожа на одну из оккупирующих скамейки в парке пухлых мамочек с неухоженными волосами и выражением полной безнадежности в глазах. И что, мне суждено стать такой же? Матерью-одиночкой в уродливых джинсах, поедающей крекер в виде золотых рыбок на ланч?

Нет — я распрямляю плечи. Если я и стану

такой, то в парк не пойду. Я поеду во Францию, буду кормить свою дочь икрой и паштетом из гусиной печенки. Я не буду как все. Мне по силам стать модной мамочкой.

Выходя из душа, я чувствую себя совершенно другим человеком. Неудивительно, что Калев пьет этот дорогой напиток. Я практически могу летать. Когда девчонка просыпается, я кормлю ее сцеженным заранее молоком. Она капризничает, как будто бутылочка ей не нравится, и она отказывается признавать, что в ней еда.

Я заталкиваю соску ей в рот до тех пор, пока она, наконец-то, с кряхтением не присасывается к ней, закрыв глаза.

— Что, проиграла эту битву? — спрашиваю я, откидывая голову на спинку кресла-качалки и тоже закрывая глаза. — Если ты думаешь, что я постоянно буду возиться с тобой, то ты заблуждаешься. Испорченная маленькая рыжеволосая паршивка.

Я просыпаюсь в кресле-качалке. Ребенок спит у меня на плече. Я ощущаю, как тепло ее тела просачивается сквозь мою одежду, и слышу ее крошечные вздохи. Как можно аккуратнее укладываю ее в колыбельку и проверяю телефон.

Звонков от Калеба нет, зато есть два пропущенных от Сэма. Я уже собираюсь перезвонить своему ни на что негодному няньке, когда от него приходит смс-ка.

Сэм: желудочный грипп, беру выходные на пару дней.

Прежде чем я успеваю осознать, что делаю, мой телефон уже летит в сторону чертовых мраморных ступенек. Я закрываю глаза, когда слышу, как он разбивается на кусочки. Вся моя жизнь разбита.

Слышу, как она начинает плакать и тоже плачу. Я разбиваю еще несколько бесценных произведений искусства и только после этого беру себя в руки. У меня есть чертов ребенок, о котором нужно заботиться. Когда я возвращаюсь в ее комнату, мои всхлипывания перерастают в хныканье, но я заранее подготавливаю грудь для кормления.

Сэм находит меня на моем обычном месте, на полу возле колыбельки. Он тыкает меня ногой по ребрам, и я отталкиваю его ногу от себя.

— Ты, что, прекратила мыться?

Когда я не отвечаю, он поднимает меня на ноги,

быстро заглядывает в кроватку и выводит меня из комнаты.

— Я не убила ее, — бормочу я, — если это то, что ты подумал.

Он игнорирует мое бормотание, подталкивая к спальне.

— То, что ты мать, вовсе не означает, что ты не должна заботиться о себе.

Я бросаю в его сторону полный отвращения взгляд. Очевидно, он понятия не имеет, что значит заботиться о ребенке. Он заталкивает меня в ванную и включает воду в душе.

— Калев звонил и сказал, что не вернется домой, — сообщает он, не глядя на меня. Я отпихиваю от себя его руки.

— Что еще он сказал?

Сэм не отвечает мне. Это плохо. Это очень-очень плохо. Калев не выставляет напоказ свое грязное белье. Раз он рассказал какому-то чертовому няньке что-то, значит уже принял решение. Я залезаю в душ и позволяю воде стекать по лицу.

Боже — ну почему я не думала об этих ужасных последствиях, когда рожала ему этого монстра? Неужели я, правда, считала, что сделаю больно только Калебу? Я сама себя обманула, а теперь эта бедная маленькая девчонка будет расти без отца.

Только если...

Я качаю головой. Как я могу даже думать об этом?

Глава 18

Прошное...

Кaleb вернулся ко мне. Я знала, что так и будет. Не потому, что мы были незаменимы друг для друга, а потому, что я была предана ему. Я боролась за то, чего хотела, и выгнала его прошлое из города. Она не вернется. Я уверена в этом. Она слишком труслива. Когда я нашла те фотографии и письма, на каком-то

уровне подсознания я понимала, что у нее к нему глубокие чувства. Женщина не станет хранить коробку с памятными подарками, если ничего не чувствует. Я использовала это в свою пользу. Сыграла на ее чувстве вины и, спасибо Господи, она среагировала. Если бы она боролась отчаяннее, что-то подсказывает мне, что я бы проиграла.

Он замкнулся в себе после того, как она ушла. Я наблюдала, как он печалился... молча. Это было ужасно. Я так ревновала, что едва могла дышать. Он не рассказывал мне, что произошло между ними, да и зачем бы он стал? Он пребывал в замешательстве. Выбора у меня не было, мне оставалось только ждать. Меня убивало то, что, очевидно, она была настолько безразлична ему до амнезии, что он до сих пор что-то испытывает к ней, несмотря на то, что ничего не помнит. Из этого могло бы получиться интересное психологическое исследование, если бы вся ситуация не была такой дерьмовой. Он очень часто смотрел в пространство перед собой после того, как я положила конец их маленькому роману. Все те дни я могла бы встать прямо перед ним, и он бы не заметил меня. Я гадала, что бы он сказал, если бы его воспоминания вернулись. Сказал бы он мне, что она девушка из его прошлого, или притворился, что ничего и в помине не было?

А затем его память восстановилась. Это случилось неожиданно, во вторник в апреле. Я была на работе, когда он позвонил мне.

— О Боже, — произнесла я, поднимаясь. Я обедала с коллегой в комнате отдыха, но хотела сразу же отправиться к нему.

— Как ты себя чувствуешь? — осторожно спросила я. Я вышла в коридор, чтобы поговорить без лишних ушей. Упомянет ли он Оливию? Злитесь ли вы?

— Я в порядке, — он замолчал. — Я рад, что все закончилось.

— Мы должны отпраздновать. Как только закончится рабочий день, мы можем встретиться.

Он заколебался на долю секунды.

— Конечно, Лия. Мне о многом нужно с тобой поговорить.

Мое сердце затрепетало. Что это означает? Теперь, когда он вспомнил, кто он, может быть он хочет дальше развивать наши отношения. Я отмахнулась от этой мысли. Нет смысла напрасно

надеяться.

— Хорошо. Увидимся после работы. И Калепб...
— я задержала дыхание. — Я люблю тебя.

Последовала небольшая пауза, во время которой мое сердце затеяло войну с желудком, и мне стало нехорошо.

— Я тоже люблю тебя, Лия, — он нажал отбой.
Я прислонилась к стене.

Он вспомнил, что любит меня. Я ждала несколько месяцев, чтобы услышать эти слова. Я начала плакать, а затем позвонила Катин и Кортни. Катин была в восторге, Кортни — не проявила энтузиазма.

— Значит, он просто все вспомнил... неожиданно-негаданно? — спросила сестра после того, как я рассказала ей.

— Да, наверное, так все и было.

— Боюсь, мне тяжело поверить, что можно забыть свою девушку на несколько месяцев, а затем, БАМ! Внезапно память возвращается.

— Ты не можешь просто порадоваться за меня?

— резко прервала ее я. — Мы, наконец, можем двигаться дальше в наших отношениях.

— Что, если он не захочет двигаться дальше, — предположила она. Мое сердце упало. Он сказал, что хочет поговорить со мной. Ведь эти слова частенько используются перед расставанием?

— Кортни, — зашипела я, — ты действительно злишь меня.

— Я просто пытаюсь все предусмотреть. У парня были отношения с другой женщиной, ради Бога. Проснись, Лия. Он не так идеален, как ты думаешь.

Я повесила трубку. Кортни жестока. Она недавно рассталась со своим парнем, и переносит свои чувства на Калеба. Я не позволю чему бы то ни было испортить мне настроение. Он вернулся и он мой.

Не постучавшись, я вошла в его квартиру. Теперь, когда он вспомнил, кто я, не нужно больше притворяться. Он стоял на кухне, пил пиво, его волосы были по-прежнему влажными после душа.

Я бросила сумку и побежала к нему. Он успел отставить бутылку на стойку, когда я врезалась в него. Он поймал меня и рассмеялся.

— Привет, Рыжая.

— Привет, Кaleb.

Мы с минуту смотрели друг на друга, а затем он отпустил меня.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо... великолепно. Я просто... просто так много...

Я накрыла его губы рукой.

— Ты не обязан ничего говорить. Я просто рада, что ты вернулся.

Прежде чем он успел что-то сказать, я приподнялась на носочки и поцеловала его. Сначала он удивился. Я почувствовала, как его руки легли на мои, пытаюсь оттолкнуть, но я обняла его за шею. Метила территорию. Бог знает, что он делал с этой женщиной. Я должна заклеить его, заставить целовать меня как прежде, как было до аварии. Он этого не сделал. Когда я попятилась, он старался не смотреть на меня.

— Кaleb, что не так? Ты же все вспомнил, верно?

— Да.

— Мне кажется, что ты по-прежнему ведешь себя так, будто не знаешь, кто я.

Он отошел, встал у окна, спиной ко мне. Я обняла себя руками и закрыла глаза. Почему мне вдруг стало холодно?

— Ты что, порываешь со мной?

Его поза показалась мне напряженной, но он повернул голову в мою сторону.

— Мы все еще вместе? Насколько я помню, ты порвала со мной в то утро, когда случилась авария.

Я сглотнула. Это правда.

— Благодаря аварии я увидела все в другом свете, — произнесла я аккуратно. — Я чуть не потеряла тебя.

— Благодаря аварии и я увидел все в другом свете, Лия. Это все изменило — то, что я хотел... что думал, смогу иметь...

Я покачала головой, не понимая, о чем он

говорит. Он имеет в виду ее?

Я стояла между ним и окном, поэтому ему пришлось посмотреть на меня.

— Калеб, до аварии ты хотел меня. Ты все еще хочешь меня?

Это были две самые долгие минуты в моей жизни. Я развернулась, чтобы уйти, но он схватил меня за руку.

Я почти плакала. Мне не хотелось, чтобы он видел.

— Лия, посмотри на меня.

Я посмотрела.

— Я был эгоистом.

— Мне плевать, — быстро произнесла я, — ты запутался.

— Я знал, что делаю.

Я смотрела на него.

— Что ты имеешь в виду?

Он выругался и запустил руку в волосы.

Раздался стук в дверь.

— Черт... черт! — он прижал пальцы к глазам, прежде чем пойти открыть дверь.

Пришли Люка и Стив. Я схватила сумочку и побежала в ванную, чтобы привести лицо в порядок прежде, чем они увидят меня. Если моя мать и научила меня чему-то в жизни, так только тому, что нельзя, чтобы заметили твои эмоции.

— Лия! — воскликнула Люка, когда я вышла из ванной. Она двинулась ко мне с кошачьей грацией. Я подавила желание попятиться. Разница между Люкой и моей матерью заключается в огромном количестве искренности и материнской любви. Эта женщина любит своего сына, а мне не понять этого. Любви без всяких условий. Я завидую ему в этом. Что-то постоянно заставляет ее обнимать меня, и я чувствую себя от этого не в своей тарелке. Мне кажется, что она оценивает меня всякий раз, когда обнимает, будто проверяет, достойна ли я ее сына. Я позволила ей обнять меня, глядя на Калеба поверх ее плеча. Он наблюдал за нами со странным выражением на лице.

Когда она отстранилась, она удержала меня за предплечье и посмотрела мне в глаза.

— Кaleb, эта девушка... — она оглянулась через плечо на него, затем снова на меня со слезами на глазах. — Эта девушка — редкость.

Видимо, на моем лице отразилось удивление. Она снова обняла меня.

— Спасибо тебе, Лия. Ты была так лояльна к моему сыну. Мать не может желать большего.

Но не только я была шокирована. На лице Калеба друг друга сменяли удивление и растерянность.

Когда я поймала его взгляд, он пожал плечами и улыбнулся.

Его родители остались почти до конца вечера, разговаривая и попивая шампанское, которое принесли, чтобы отпраздновать. Я ушла вслед за ними. У двери Кaleb схватил меня за запястье, останавливая.

— Лия, — его голос был хриплым. — Моя мать права. Не смотря ни на что, ты была лояльна ко мне. Даже когда...

Я покачала головой.

— Не хочу говорить об этом.

Не хочу говорить о ней.

Он прищурился. Мне показалось, что он смотрит на меня так, будто видит впервые за эти несколько месяцев.

— Ты не должна. Мне стыдно, что моей матери пришлось напоминать мне об этом.

— О чем ты говоришь, Кaleb?

— Я принимал тебя, как должное. Твою лояльность. Твое доверие. Мне очень жаль.

Он притянул меня к себе и обнял. Не знаю, значили ли его слова что-нибудь для нас, но чертовски уверена, что собиралась остаться и узнать.

— Я провожу тебя до машины.

Я кивнула, вытирая слезы кончиками пальцев.

Пожалуйста, Боже, пусть он не причинит мне боли.

Глава 19

Настоящее...

Сэм на моей стороне, или, по крайней мере, мне так кажется. Он не осуждает меня, и мне это нравится. Он знает суть того, что произошло между мной и Каледом. Пока он не задает никаких наводящих вопросов, а ведь мне хочется, чтобы он это уже сделал.

Я чувствую, что мы команда. Он убирает дом, кормит меня, стирает нашу одежду и подсказывает, когда нужно кормить ребенка.

Я кормлю ребенка.

Иногда я наблюдаю, как он купает ее, и подаю ему полотенце.

Быть матерью, оказывается, не так сложно, как мне казалось. Особенно, когда все происходит вот так.

Кaleb так и не позвонил.

Кaleb не звонит.

— Что это за татуировки? — однажды спросила я его. Его рукава были закатаны до локтей, пока он нежно промывал мыльные волосы ребенка. Он посмотрел на меня краем глаза. Я начала обводить рисунок пальцем. Никогда не делала подобного раньше... ни с кем. Какое-то нагромождение картинок: пиратский корабль, цветок лотоса и невероятно липкая паутина. Когда я дохожу до локтя, он приподнимает брови.

— Хочешь, я сниму рубашку, чтобы ты могла продолжить?

— Есть еще?

Он улыбается и вытаскивает ребенка из ванны.

— Если бы я не знал тебя так хорошо, то подумал бы, что симпатичен тебе.

Я хихикаю. И правда. Становится даже как-то неловко.

— Ты гей, Сэм. И без обид, но татуированный Курт Кобейн — не мое.

Сэм относит ребенка в детскую и укладывает на пеленальный столик.

— Надеюсь тогда, что хотя бы музыка Курта Кобейна — это твое.

Я сглатываю. Господи. У меня внезапно начинает кружиться голова.

Я киваю головой прежде, чем слова успевают сорваться с моих губ.

— Слушала, когда была моложе.

Он с недоумением смотрит на меня.

— Пойду, налью себе чего-нибудь попить... — я выскальзываю из комнаты прежде, чем он успевает еще что-нибудь сказать, но вместо того, чтобы пойти на кухню, иду в спальню. Я закрываю дверь как можно тише и забираюсь на кровать.

Дыши, Лия.

Я пытаюсь думать о счастливых мгновениях. Мгновениях, на которых мой терапевт заставляет меня фокусироваться, но слышу только громко звучащие у меня в голове слова одной из песен

«Нирваны». Мне хочется закричать.

Я кричу в подушку. Ненавижу это. Я как чертов хаос, но ничего не могу с этим поделать. Когда мое сердце перестает колотиться, я спускаюсь вниз и наливаю себе воды.

Следующие несколько часов я бездумно переключаю каналы, когда внезапно слышу имя Оливии. Я уже переключила дальше, поэтому мне приходится возвращаться назад. С тех пор, как Калев ушел, я отчаянно ищу любые новости о ней. Знаю, он смотрит. Я быстро моргаю ресницами и наблюдаю, как Нэнси Грэйс рассказывает о новых событиях, связанных с судебным заседанием по делу Добсона. Она произносит целую тираду. Я хихикаю. Обходила ли она когда-нибудь без тирад? Она отходит от Добсона. Мне требуется несколько минут, чтобы понять, что ее острый язычок нацелен на Оливию. Я увеличиваю громкость и наклоняюсь вперед. Да! Даешь взбучку Оливии! Это именно то, чего мне так не хватает, чтобы почувствовать себя хоть немного лучше.

Я откидываюсь на своем месте, чтобы внимательно наблюдать за происходящим в телевизоре. Полный бокал скотча запотеваает в моей руке. В одном углу экрана показывают жертв

Добсона. Они все разного возраста и сильно отличаются внешне, но у всех затравленный взгляд. Когда на экране появляется насильник, я чешу нос. На нем оранжевый комбинезон, наручники и кандалы. Должностные лица в штатском окружают его, пока он преодолевает то короткое расстояние, которое пролегает от автомобиля до здания суда. От его вида у меня появляется какое-то нервное возбуждение. Он просто огромный — размером с полузащитника. Полицейский рядом с ним выглядит ничтожно мелким. Меня поражает, как этому шуту удавалось втираться в доверие девушкам, которые ростом были всего лишь около ста пятидесяти сантиметров.

Внезапно, камера перемещается на Оливию. Мне хочется переключить канал, но я, как обычно, не могу отвести от нее взгляд. Нэнси размахивает рукой, усыпанной кольцами с драгоценными камнями. Она повышает голос, сообщая трем парням, стоящим рядом с ней, что они идиоты, раз приняли сторону Оливии. Я тянусь за пригоршней попкорна, не отрывая глаз от экрана. Нэнси права. Я испытываю к ней внезапную симпатию. Очевидно, она умеет читать людей. Затем слышу, что упоминается мое имя. Я выплевываю попкорн и наклоняюсь ближе.

Нэнси рассказывает о том, что *Оливия год назад*

выиграла дело, защищая богатую наследницу по делу о мошенничестве, связанном с клиническими испытаниями лекарственных препаратов. Нэнси обращается к кому-то из своих коллег, спрашивая: *«Она ведь выиграла это дело, Дэйв»?*

Дэйв дает краткую сводку о моем случае и подтверждает, что да, действительно, Оливия выиграла это дело.

Нэнси демонстрирует свое отвращение.

«Улик против той девушки было предостаточно», — говорит она, тыкая в стол пальцем.

Я переключаю канал.

Но следующим вечером я снова включаю его и смотрю весь 52-минутный выпуск с агрессивной блондинкой-ведущей. На третий вечер я звоню на шоу, представляюсь мисс Люси Найт из Миссури, и тоже выражаю свое отвращение к Оливии. Я признаюсь ведущей, что ценю то, что она делает для женщин. Называю ее чертовым героем. Нэнси слезно благодарит меня за то, что я ее фанатка.

К концу ее шоу я, как правило, уже пьяна. Иногда

Сэм смотрит его вместе со мной.

— Она красивая, — говорит он об Оливии. Я бросаю в него кубик льда, и он смеется. Сейчас малышка спит почти всю ночь. Я до сих пор сплю в ее комнате на случай, если она проснется. Сэм считает, что я, наконец, привязалась к ней, но я делаю эти лишь потому, что не хочу далеко идти посреди ночи. Калев должен вернуться из своей поездки в конце следующего дня. Он прислал мне смс, сказав, что заберет Эстеллу, как только вернется. С утра я планирую поездку в спа-центр. Если все пойдет по плану, он никуда не уедет.

— Значит, они учились вместе в колледже?

Я смотрю туда, где сидит Сэм, потягивая содовую.

— Какого черта?

— Что? — пожимает он плечами. — Я чувствую, будто смотрю мыльную оперу, но не знаю всю предысторию.

Я фыркаю.

— Да, они пару лет встречались в колледже. Но

это было не серьезно. Они даже не спали вместе.

Сэм приподнимает брови.

— Калеб застрял с девушкой, которая не занималась с ним сексом? — он громко присвистывает.

— Что это должно значить? — я подворачиваю под себя ноги, стараясь не выглядеть слишком заинтересованной. Отсутствие секса между Калебом и Оливией всегда смущало меня. Мне хотелось спросить об этом в те редкие моменты, когда всплывала подобная тема, но я боялась показаться ревнивой. Кроме того, Калеб усердно защищал свое прошлое, словно это была проклятая драгоценная корона.

Сэм выглядит задумчивым, пока жует вяленую говядину. Он ест так много этой фигни, что я уже начинаю ассоциировать с ним ее запах.

— Довольно длительный период, на протяжении которого парню — студенту университета — пришлось ждать. Думаю, единственным возможным ответом на вопрос о том, почему он столько ждал, будет безумная и даже немного зависимая любовь.

— Что ты подразумеваешь под *зависимой любовью*? — Кaleb самый не поддающийся зависимости человек, которого я знаю. Поэтому, слова Сэма вызывают во мне такое волнение. На протяжении года Кaleb может быть заядлым лыжником, а на следующий год, когда я бронирую поездку в домик в горах, он сообщает мне, что больше в этом не заинтересован. И во время наших отношений подобное случалось бесчисленное количество раз с ресторанами, одеждой... Он даже машину меняет каждый год. Все начинается одинаково: сначала он очень сильно что-то любит, а затем постепенно ему это надоедает.

— Не знаю, — отвечает Сэм. — Просто полагаю, что он готов был сделать все ради нее... даже, если это значило, что придется пойти против того, к чему он привык.

— Я тебя ненавижу.

Он игриво шлепает меня по ноге и встает.

— Просто пытаюсь немного прочистить твою головку, мамочка-монстр. Похоже, ты от него зависима как от наркотика, и это ужасно.

Я слежу за ним, пока он идет к двери. Такой

напыщенный осел.

— Увидимся завтра, — кричит он через плечо.
— Когда вернется твой Мистер Идеал...

Но, на следующий день Сэм звонит и говорит, что у него проблемы с машиной. Я отменяю спа. Я не проводила целый день с ребенком с тех пор, как Сэм свалился с гриппом. Я съедаю мини упаковку замороженной кукурузы, и только после этого иду за Эстеллой. Большую часть дня я просто повторяю все то, что делает Сэм, когда возится с ней. Мы проводим «время животика» в гостиной. (*Примеч. Время животика — время, когда ребенок лежит на животе*) Я вытираю ее лицо после того, как она поела. Я даже беру ее на мини прогулку в коляске, которой раньше никогда вообще не пользовалась.

Обнаружив, что у меня закончились памперсы, я в панике звоню Сэму. Он не отвечает. И почему, черт побери, никого нет рядом, когда действительно нуждаешься в помощи?! Как прикажете мне взять ребенка с собой в магазин? Должна же быть какая-нибудь служба, которая выполняет поручения новоявленных мамочек. Спустя час, который я провожу, споря сама с собой, я все-таки укладываю ребенка в машину и еду в ближайший продуктовый магазин. У меня уходит около десяти минут, чтобы

разобраться, как можно установить ее автокресло в продуктовую тележку. Я матерюсь себе под нос, пока ко мне не походит более опытная мама, желающая помочь мне. Я благодарю ее, не встречаясь с ней взглядом, и качу тележку в сторону магазина как раз в тот момент, когда начинается дождь. Когда холодный воздух кондиционера попадает на ребенка, она начинает хныкать. Я толкаю тележку в детский отдел и бросаю внутрь целых пять упаковок памперсов. Как говорится, береженого Бог бережет.

К тому моменту, как я подъезжаю к кассе, люди уже смотрят на меня, словно я самая ужасная мать на свете. Я выгружаю все товары на конвейер и достаю ребенка из автокресла. Прижимаю ее к груди, неловко поглаживая. Пока я вожусь со своим кошельком, одновременно стараясь укачивать ребенка, кассир — несовершеннолетний правонарушитель, надувающий пузырь из жвачки — спрашивает меня:

— Это все? — я смотрю на пачки подгузников, которые лежат в мой корзине, а затем перевожу взгляд на пустой конвейер. Он смотрит на меня мутными от марихуаны глазами, ожидая моего ответа.

— Эм, нет. Мне еще, пожалуйста, все это

невидимое дерьмо, — я указываю рукой на конвейер, но парень слишком тупой, чтобы даже посмотреть на него.

— Господи, — бормочу я, злобно проводя своей кредитной карточкой по сканирующему устройству. — Бросай курить план.

Моя дочь выбирает именно этот момент, чтобы обделаться. Не успела я убрать кредитку в карман, как содержимое ее пеленки просочилось мне на руки и на блузку. Я в ужасе осматриваюсь вокруг и пулей вылетаю из магазина.

Без памперсов.

Я отправлю за ними Сэма, когда он, наконец-то, соизволит перезвонить мне. Когда он появляется у входной двери, я по-прежнему в испачканной художествами своей дочери блузке, и в дополнение к этому у меня потекло молоко. Сэм качает головой.

— Каждый раз, когда я тебя вижу, ты выглядишь все хуже.

Я разражаюсь слезами. Сэм кладет памперсы на стойку и обнимает меня.

— Иди, прими душ, пока она спит. Я приготовлю что-нибудь поесть.

Кивая, я иду наверх. Когда спускаюсь вниз, он готовит спагетти.

— Садись, — предлагает он, указывая на барный стул. Я подчиняюсь, потянувшись к тарелке, которую он двигает ко мне.

— Ты теряешь самообладание, — сообщает он и накручивает спагетти на вилку, не глядя на меня.

Свои спагетти я разрезаю ножом на небольшие кусочки, чтобы удобнее было есть.

— Как мне убедить его вернуться домой?

— Стань другим человеком и научись уже, черт возьми, молчать, когда это необходимо.

Я бросаю на него страстный взгляд и заталкиваю в рот спагетти.

— Я тебя привлекаю?

Длинная пауза.

— Я гей, Лия.

— Что? Никогда бы не думала, что ты действительно гей.

— Ты сама говоришь об этом все время.

— Но, у тебя же есть дочь... Как ее зовут?

Он смеется.

— Кенли. Думаю, я сообразил, что я гей после ее появления.

Я опускаю голову на руки. Соблазнение гея — что-то новенькое для меня. Я тяжело вздыхаю и поднимаю голову.

— Калев все равно бросит меня. Я уверена в этом.

На секунду Сэм выглядит немного опешившим, но спустя мгновение он уже возле дивана и обнимает меня рукой за плечи.

— Возможно, — говорит он. Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на него. Разве гей не должен сочувствовать? В ту минуту, когда он объявил, что гей, я планировала использовать его, заменяя Катин. — Возможно. До сих пор не могу поверить, что он был с тобой все это время, — он

улыбается, видя выражение моего лица.

— Ты, правда, только что сказал это?

Он кивает.

— Может быть, этот парень и любит хороших сучек, но ты переступила тонкую грань между привлекательной сучкой и психом. Ты даже умудрилась провалить отношения с его дочерью. Скорее всего, он планирует бросить тебя и забрать ребенка.

— Ни в коем случае. Я не позволю этому случиться.

— Чему именно? Потере мужа или ребенка?

Я кусаю внутреннюю сторону щеки. Разве не очевидно, что я имею в виду мужа?

— Он не поверит в то, что я внезапно стала супермамой. Он видит меня насквозь.

Сэм выгибает бровь.

— Он не бросит меня. Он думает, что я распадусь на кусочки, если он уйдет.

— Это так ты хочешь удержать его?
Манипулируя его эмоциями?

Я пожимаю плечами.

— Я стараюсь об этом не думать, честно.

— Да, и это очевидно. Почему тебе просто не дать ему уйти? Ты сможешь найти кого-нибудь другого.

У меня появляется неудержимое желание ударить его по лицу. Но вместо этого я прикуриваю одну из своих тонких сигарет.

— Я никогда не отпущу его. Я слишком сильно люблю его.

Сэм улыбается мне и вырывает сигарету из моих пальцев, туша ее об гранит.

— Никогда?

— Никогда, — повторяю я. — Никогда в жизни.

Сэм указывает на меня пальцем.

— Это не любовь.

Я закатываю глаза.

— Да что ты знаешь о любви? Ты же гей.

Глава 20

Прошное...

Папочка называет меня своей правой рукой. Наверное, я должна быть польщена, но на деле к моему платью будто прицепили значок позора. Все знают о его строгой политике не приводить членов семьи в компанию, поэтому мое неожиданное появление озадачило и шокировало других сотрудников. Отец завербовал шпиона? Он планирует сократить штат компании и использует меня, чтобы докладывать, кто как работает? Они начинают рыться в документах, когда я прохожу мимо, делая вид, что заняты гораздо больше, чем на самом деле.

Некоторые очень мило ко мне относятся, надеясь добиться моей дружбы и защитить свою работу, в то время как другие ведут себя открыто враждебно. *«Зачем она здесь?»* — этот вопрос преследует меня во всех коридорах, куда бы я ни пошла. Это унижительно. Но что еще более унижительно, это размер моего кабинета. Помимо отцовского, мой кабинет — самое желанное помещение во всем офисе. Одна из стен полностью стеклянная: из кабинета открывается прекрасный вид на деловую часть Форт-Лодердейла. Если встать справа лицом к океану, то вдалеке можно увидеть здание, где работает Калев. Прежний владелец кабинета, которого все в «ОРИ» любили, был уволен за неделю до моего появления. Он работал в компании двенадцать лет и заслужил офис, который в итоге достался мне. На металлической табличке на моей двери вполне можно было написать жирными розовыми буквами «Титулованное Отродье». Я зарабатываю в пять раз больше, чем в банке. Внешне моя привилегированная жизнь просто прекрасна. Но внутри, под блестящим внешним фасадом я сломлена.

Мой отец устроил меня на престижную должность в своей компании, чтобы доказать, как мало думает обо мне. Мой парень улыбается мне, хотя улыбка не затрагивает его глаз. Любовь моей

матери ко мне настолько ничтожна, что скорее напоминает тщательно скрываемое презрение. Если бы кто-нибудь сказал мне: «Лия, это просто твои домыслы...» мне бы оставалось только отправить этих глупцов к тем трем дорогим мне людям, которые на самом деле не хотят видеть меня в своих жизнях.

Мой ассистент заглянул в мой кабинет.

— Мисс Смит, все ждут вас в конференц-зале.

Вот черт. Я забыла об этом. Схватив свой ноутбук и Джамба Джус, я выбежала за дверь. Я так увлеклась тем, что жалела себя, что на десять минут опоздала на супер важную встречу. Ненавижу это. Я небрежно зашла в зал, избегая взгляда отца, и села на свое место.

Подняв взгляд, я ожидала увидеть Брюса Говина, который обычно сидел рядом со мной, но вместо него ослепительно белой улыбкой меня поприветствовала какая-то блондинка.

Куда делся Брюс? Мы с Брюсом оба любим подкалывать. Я поворачиваю голову и осматриваю сидящих за столом, пока не натыкаюсь на взгляд отца.

— Лия, я так рад, что ты, наконец-то, решила присоединиться к нам. Если ты ищешь мистера Говина, то его больше нет с нами. Вместо него теперь Кассандра Уикхэм.

— Можешь звать меня Кэш, — представляется она, протягивая руку. Кэш... как в Голливуде.

Ее волосы длиной до подбородка стильно подстрижены, видимо с целью скрыть этот самый подбородок. А губы, вероятно, обработали коллагеновыми инъекциями не меньше пяти раз. Она невероятно... сексуальна. Я сразу же почувствовала угрозу, поэтому улыбнулась ей как можно искреннее. Я должна взять себя в руки и повернуться к отцу, который пристально наблюдает за мной. Кэш, очевидно, его новая игрушка. Интересно, уволили ли Брюса лишь за тем, чтобы освободить ей место.

— Давайте начнем, должны ли мы... — отец включил проектор и все головы повернулись к нему, будто мы запрограммированы так делать. И мы, правда, запрограммированы. Чарльз Остин Смит не стесняясь ругает всех, кто осмеливается разговаривать или клевать носом во время собраний. Он вслух отчитывал мою мать за то, что она часто высказывала свое мнение, и теперь у нее его нет. Король Смит. Раньше Смитокиус, но эта часть его

нищенской жизни в прошлом. Когда король говорит, его подданные молчат и слушают.

Эти собрания — способ пообщаться всем отделам «ORI Gem». Так как я начальник администрации, в мои обязанности входит скоординировать Кэш на ее должности химика. Так как большинство химиков либо самоучки, либо научились всему под руководством опытных исследователей, Кэш станет очень важным сотрудником в компании. Фармацевтической рок-звездой, если позволительно так сказать. Не знаю, какие чувства испытываю к своей новой подопечной. Хочу, чтобы вернулся Брюс.

После собрания я пошла в кабинет своего отца, чтобы узнать, куда исчез Брюс. Закрыв за собой дверь, я заняла единственный свободный стул напротив его стола. Дождалась, пока он оторвется от своего компьютера, и только потом заговорила.

— Что случилось с Брюсом, папочка?

Отец снял очки для чтения и положил их на стол.

— Мистер Говин не сумел проявить себя. У меня крупные проекты, которые позволят нам выйти на рынок фармацевтических компаний. Нам нужны

свежие взгляды. Я верю, что ты возьмешь мисс Уикхэм под свое крыло.

Я кивнула... слишком охотно. Он нахмурился.

— Ты будешь тесно сотрудничать с ней, пока мы разрабатываем и тестируем новое лекарство. Ты несешь ответственность за весь этот проект.

У меня отвисла челюсть. Но я быстро взяла себя в руки, стерла глупую улыбку с лица, стараясь выглядеть, как и положено вице-президенту. Это важное задание. Какими бы мотивами не руководствовался мой отец, когда привел меня в компанию, все отошло на задний план благодаря этой новости. Он доверяет мне запуск нового препарата. Это потрясающе!

— Спасибо, папочка. Это такая честь для меня.

Он отпустил меня взмахом руки, и я вышла из его кабинета. Первое, что я сделала — позвонила Калебу.

Он тяжело дышал, когда ответил. Я предположила, что он только что вернулся с пробежки.

— Вау, Рыжая. Я так горжусь тобой. Заберу тебя вечером после работы и мы отпразднуем.

Я засветилась от его похвалы и сказала, что буду готова к семи. Нажав отбой, я разгладила юбку. Я решила пойти в лабораторию, где будет располагаться офис Кэш. Поскольку мы будем работать вместе, в моих же интересах познакомиться с ней поближе. Когда я повернулась к двери, она уже стояла там.

— Лия, — сказала она. — Могу я зайти?

Кивнув, я жестом предложила ей сесть.

— Я подумала, может нам стоит пообедать вместе и лучше узнать друг друга.

Я решила не говорить ей, что собиралась сделать то же самое. Пусть думает, что это она преследует меня. Я босс; мне следует поддерживать профессиональную дистанцию. Она сидела напротив меня, а я изучала ее. Мы с ней почти одного возраста. Ее кожа кажется сухой, будто последние несколько лет солярий был ее лучшим другом. И, хотя я уважаю третий размер груди, но когда его заталкивают во второй с половиной это уже слишком напоминает Джессику Рэббит. (*Примеч. Джессика Рэббит —*

сексуальный мультипликационный персонаж из фильма-мультика «Кто подставил кролика Роджера») Кэш, определенно, носит второй с половиной.

— На самом деле я пока не очень хорошо знакома с городом, — сообщила она, скрестив ноги.
— Я только что переехала из Вашингтона.

Что надо говорить в таких случаях? Меня совершенно не волнует, откуда она. Я улыбнулась.

— Если хочешь, поехали завтра со мной?

Она кивнула и встала. На лодыжке у нее я заметила татуировку дельфина. Необычно для кого-то из Вашингтона.

— Отлично, увидимся завтра, — она приостановилась у двери. Я думала, она собирается сказать что-то, но в последнюю минуту она вышла и повернула за угол, будто убегала от чего-то.

Я наблюдала, как она идет по коридору и нажимает кнопку вызова лифта. Есть в ней что-то подозрительное. Калевб, вероятно, сможет это выяснить. Он хорош в этом. Я почти соблазнилась мыслью устроить их встречу, но потом вспомнила,

как женщины реагируют на Калеба и отбросила эту идею. Последнее, что мне нужно, это блондинка, флиртующая с моим парнем. Но мне стоит держать ухо востро и присматривать за ней.

В шесть часов я выскользнула в уборную, чтобы освежиться перед свиданием с Калебом. К счастью, на мне новый белый костюм от Шанель. Я вытащила шпильки из волос, и они рассыпались по спине. Рыжий потрясающе смотрится на белом. Я прекрасна. Я знаю это: мужчины постоянно делают мне комплименты, а большинство женщин завидует. Завидуют до такой степени, что почти невозможно поддерживать дружеские отношения.

Калеб зашел в мой кабинет на десять минут раньше, источая аромат хвои и мне захотелось его съесть. Он всегда приходит заранее. Я изобразила удивление, будто не я провела последние двадцать минут, прихорашиваясь в ванной. Я встала, чтобы поцеловать его, и в животе у меня запорхали бабочки, когда его язык скользнул мне в рот.

— Мне это нравится, — сказал он, проводя пальцем по краю материала, который обрамлял декольте. Он говорил про костюм, но Калеб всегда подразумевает что-то иное.

— Почему бы тебе не снять его и не посмотреть, понравится ли тебе то, что под ним, — выдохнула я ему в рот. Мне нравилась идея пометить мой новый офис.

Он обдумывал мое предложение, когда в дверь постучали.

Я в раздражении отстранилась от его груди.

— Входите.

Открылась дверь и показалась Кэш. Она покраснела, когда увидела нас.

— Боже мой, мне так жаль, — извинилась она и попятилась. — Я собиралась спросить тебя, не знаешь ли ты, как добраться до ближайшей «Panera». *(Примеч. «Panera Bread» — сеть кафе-ресторанов быстрого питания, специализирующихся на выпечке.)*

Она разглядывала нас, уделяя немалое внимание лицу Калеба.

Мне не понравилось, как она смотрит на него. Я прижалась поближе, обнимая его руками за шею, как ленивец-собственник.

Мой.

Она, кажется, поняла язык моего тела. Уголки ее губ слегка дрогнули. Наступила неловкая пауза, во время которой я ждала, пока она уйдет. Кaleb кашлянул. Конечно, нужно представить их друг другу.

— Кассандра Уикхэм, а это мой парень, Кaleb,
— я была вынуждена представить их друг другу.
Кaleb отошел от меня, чтобы пожать ей руку. Мне не хотелось, чтобы он касался ее. Она держала за его руку на несколько секунд дольше положенного, застенчиво улыбаясь.

Она разве не видит, что я стою прямо здесь?

— Ты новенькая? — спросил Кaleb, отпуская ее руку. Он наклонился ко мне, а я прижалась к нему. Он знает о моих слабых местах, одной из которых является неуверенность. Всякий раз, когда он улавливает исходящие от меня волны, он компенсирует их усиленным вниманием. Идеален, он просто идеален.

Кэш кивнула.

— Переехала неделю назад.

— Кассандра работает со мной над новым проектом, — сообщила я натянуто. Больше не хочу называть ее Кэш.

Я мгновенно поняла, что случится дальше. Кaleb — джентльмен. Если кто-то не знает дорогу и говорит, что голоден —

— Ты должна присоединиться к нам за ужином. Мы собираемся отпраздновать.

Я вздрогнула. Она, казалось, не заметила, может быть, потому, что не отрывала взгляда от моего парня.

— Ненавижу навязываться...

Да, чертовски правильно.

— Конечно, ты не навязываешься, — быстро сказала я. — Мы будем рады, если ты присоеди́нишься к нам.

Она стрельнула в меня взглядом, и я ничуть не сомневаюсь, что она поняла, что я имела в виду на самом деле.

— Хорошо, тогда я возьму свою сумочку.

Как только она вышла из офиса, Калев поцеловал меня в лоб... затем в губы. Его привлекала доброта, даже заводила — именно поэтому я чувствовала неуверенность. Я точно не в списке Санты «хорошие дети». Он либо этого не почувствовал или его слишком отвлекали мои сиськи, чтобы волноваться об этом. Они, и правда, у меня хороши.

Мы встретились с Кэш в холле, и она напросилась поехать с нами. Мне пришлось оттолкнуть ее в сторону, чтобы занять место спереди. Калев отвез нас в «Seasons 52». (*Примеч. «Seasons 52» — сеть гриль-баров.*) Мы заказали вино, и после первого бокала Кэш узнала о моем парне больше, чем я за год.

— Значит, эта девушка — твоя бывшая — не спала с тобой. Извини, что говорю это, но ты такой чертовски сексуальный, как это возможно? Она была лесбиянкой?

Калев криво усмехнулся, и я гадала, какие секреты он прячет за своими чувственными губами.

Он провел языком по нижней губе и посмотрел на Кэш.

— Кое-кто ранил ее эмоционально. К

сожалению, так же поступил и я.

— К сожалению? — она поморщилась, и ее глаза дернулись в мою сторону.

Я ощутила его боль, даже не видя выражения лица. Вся эмоциональность Калеба отражается на его челюсти. Я заметила, что сейчас он сжал ее довольно сильно. Я потянулась к его руке под столом и переплела наши пальцы. Он думал, я предлагаю поддержку, но на самом деле, мне просто нужно было знать, что он все еще мой. Я хотела напомнить ему, что я та, кто сидит с ним за этим столом, не она.

Он поерзал на сидении. Кэш оценила то, как мы встретились. Как только она узнала, что он неохотно пошел на свидание вслепую со мной, она захотела узнать, почему.

— Что насчет тебя, Кэш? Какая у тебя история? — ресницы Кэш затрепетали. Я подавила улыбку и приготовилась к жесткому допросу. Кaleb очень ловко умеет вытягивать информацию. Уверена, что к концу ужина, мы узнаем всю историю ее жизни.

Она подняла наманикюренный пальчик, чтобы убрать прядь волос за ухо. Кэш явно что-то скрывает. Я знаю, как выглядит женщина, у которой есть тайна;

каждый день я вижу одну такую в зеркале. Все секреты можно узнать по женским глазам, и если уделить внимание, можно заметить, как в разговоре в них мелькают эмоции.

Калеб спросил, переехала ли она во Флориду одна, и я поймала ее быстрый взгляд вниз, прежде чем она бодро ответила:

— Да.

Я посещала уроки психологии в колледже, на которых изучала язык тела. Одна из лекций называлась «Искусство лжи». Нам необходимо было провести эксперимент, прочитав главу, по которой мы задали ряд вопросов человеку, которого не было в классе во время чтения. К моему удовольствию, я обнаружила, что человек, который пытается вспомнить действительно существующие факты, смотрит вверх или вправо, а человек, использующий часть мозга, отвечающую за воображение — ложь — смотрит вниз и влево. Кэш много раз опускала вниз свои глаза. Лживая. Маленькая. Обманщица.

— Где живет твоя семья? — поинтересовался Калеб. Он потер прядь моих волос пальцами. Кэш посмотрела с завистью.

— Они живут недалеко, — ответила она, отмахиваясь от вопроса.

— Недалеко отсюда?

— Мой отец живет здесь. Мать — в Нью-Йорке.

— Ты часто с ним видишься?

Она покачала головой.

— Не очень.

Еще одна долбанутая семья, без сомнений. Я почти кивнула в поддержку.

— Я бы хотела, чтобы у меня было больше времени, — быстро сказала она. — Я просто была занята переездом. На самом деле, мы очень близки.

Она приоткрыла рот, чтобы выдать еще одну ложь, но пришел официант с едой. Жаль. Я бы с удовольствием послушала.

Оставшуюся часть ужина мы просто болтали. Так, значит, она близка с отцом? Должно быть мило.

Настоящее...

Калеб скрывал от меня лодку. Что еще он скрывает? Мысль, что может быть, что-то еще, неотступно преследует мозг. Это все, о чем я в состоянии думать, задыхаясь от собственной подозрительности. Я так часто хмурюсь, что, наверное, когда все закончится, мне понадобится инъекция ботокса. Одно я знаю точно: я должна выяснить, скрывает ли он что-то еще, даже если для этого придется вторгнуться в его личное пространство. Калеб ненавидит, если кто-нибудь находится в его кабинете, когда его там нет. Я всегда предоставляла ему пространство, с учетом того, что вся остальная часть дома принадлежит мне, но сегодняшний вечер располагает к шпионажу. Я отпускаю Сэма сразу же после того, как он укладывает Эстеллу спать. Обычно, я заставляю его оставаться на несколько часов и смотреть со мной телевизор, но, как только часы показывают семь часов, я практически выталкиваю его за дверь.

Открываю дверь в кабинет Калеба, не переставая жевать стебель сельдерея, и включаю свет. Я крайне редко захожу сюда. Вся комната пропахла им. Я делаю глубокий вдох, и мне сразу же хочется расплакаться. Я привыкла быть окруженной этим запахом каждую ночь, а теперь...

Я оглядываю разложенные повсюду стопки книг. Даже не знаю, когда он находит время читать. Когда он дома с нами, он готовит и общается... несмотря на тот факт, что по всему дому где-нибудь лежат книги, я, правда, никогда не видела, чтобы он читал. Однажды я убиралась и, пока несла книги, которые он разбросал по всему дому к нему в кабинет, из одной книги выпала закладка. Наклонившись поднять ее, я увидела что-то очень напоминающее монетку размером с пенни — или, по крайней мере, когда-то это был пенни. Теперь же, на нем выгравирована поговорка о поцелуях. Этот пенни странной формы, немного выгнутый и удлиненный. Я положила его обратно в его книгу, но в следующий раз, когда ездила за покупками, купила Калебу настоящую книжную закладку. Кожаную, привезенную из Италии. Я заплатила продавцу пятьдесят долларов, предвкушая, как Калеба впечатлит моя заботливость. Когда я преподнесла ему ее тем вечером за ужином, он вежливо улыбнулся и поблагодарил меня, не выказав ожидаемого

энтузиазма.

— Я просто подумала, что тебе она нужна. Ты пользуешься этим странным пенни, и он, наверное, постоянно выпадает—

Его взгляд мгновенно метнулся к моему лицу.

— Где он? Ты ведь не выбросила его? — я моргнула и в замешательстве посмотрела на него.

— Нет, он в твоём кабинете, — я не сумела скрыть боль, прозвучавшую в моем голосе. Взгляд его глаз смягчился и, обойдя вокруг стола, он поцеловал меня в щеку.

— Спасибо, Лия. Это хорошая идея, серьезно. Мне нужно что-то получше, чтобы напоминать мне о месте.

— Месте?

— Где я остановился в книге, — он улыбнулся.

Я больше никогда не видела пенни, но подозреваю, что он убрал его куда-то, чтобы не потерять. Кaleb чрезмерно сентиментален.

Столкнув стопку книг на пол, я, для начала,

направляюсь к секретеру и начинаю вытаскивать документы. Счета, какие-то бумаги по работе — ничего важного. Потом приходит очередь шкафа для документов. Я просматриваю все папки, перечисляя названия документов вслух.

— Колледж, поставщики, документы на дом, документы по карточкам....

Я возвращаюсь к папке с документами на дом. У нас есть только один дом, помимо кондоминиума Калеба, который он захотел оставить. В папке лежат документы на три дома. Первый адрес это адрес нашего дома, второй — кондоминиума, а третий...

Я сажусь и перечитываю каждое слово... каждое имя. Мне кажется, что я пытаюсь прорваться сквозь стекло. Мой мозг прекращает взаимодействовать с глазами. Я заставляю себя читать дальше. Закончив читать, я уже не в состоянии сфокусироваться ни на чем. Я опускаю голову на стол, по-прежнему сжимая документы в руках. Мне становится трудно дышать. Плачу, но это не слезы жалости, скорее, слезы злости. Я поверить не могу, что он так поступил со мной. Не могу.

Встаю я уже в ярости. Я готова сделать что-нибудь безрассудное. Хватаю телефон, собираюсь

позвонить ему — мне хочется накричать на него. Но успеваю сбросить звонок, прежде чем проходит звонок. Согнувшись пополам, я прижимаю руки к животу, и с моих губ срываются стоны. Почему мне так больно? Со мной поступали и хуже. Мне больно. Так больно. Мне хочется, чтобы кто-нибудь вырезал мое сердце из груди, чтобы я больше не чувствовала эту боль. Он обещал, что никогда не сделает больно. Обещал заботиться обо мне.

Я догадывалась, что он никогда не любил меня так, как ее, но все равно хотела его. Догадывалась, что его любовь ко мне носила условный характер, но все равно хотела его. Знала, что я запасной вариант, но все равно хотела его. Но это уже слишком. Спотыкаясь, я выхожу из кабинета в коридор и обвожу взглядом наш дом — мой красивый маленький мир. Неужели я создала его, чтобы скрыть, насколько ужасна моя жизнь? На столике возле двери стоит яйцо филигранной работы. Это произведение искусства Калев привез для меня из своей поездки на Кейп-Код. Оно обошлось ему в пять тысяч долларов. Я хватаю его и, крича, швыряю через всю комнату. Оно ударяется о плитку и разбивается на миллион кусочков, как и моя жизнь.

Я подхожу к нашей свадебной фотографии, которая висит над диваном. Пару секунд я

раздумываю, вспоминаю тот день — предположительно, самый счастливый день в моей жизни. Затем хватаю метлу, которая стоит, прислоненная к стене, и из всех сил бью по стеклянной рамке. Разбившись, обломки рамы падают на мебель, а фотография — лицевой стороной на кофейный столик.

Эстелла начинает плакать.

Тыльной стороной руки я вытираю слезы, струящиеся по щекам, и отправляюсь наверх. В какой-то степени я рада, что девчонка проснулась. Мне нужно что-нибудь подержать в руках.

Глава 22

Прошлое...

День моей свадьбы напоминал скорее коронацию, нежели свадьбу. В каком-то смысле для

меня это и была коронация. Я выиграла свою корону. Заполучила самого сексуального и привлекательного мужчину в мире. Победила злую ведьму с волосами цвета вороного крыла и испытывала триумф. Мне казалось, что ожидаемое счастье так близко.

Я думала обо всем этом, пока стояла перед зеркалом. На мне надето платье цвета слоновой кости с лифом сердечком и юбкой «русалка», а волосы уложены в высокую прическу в виде ракушки, и по бокам украшены потрясающе красивыми белыми цветами.

Мне хотелось распустить волосы, но Калев попросил сделать высокую прическу, а я на все что угодно готова ради Калеба.

Я выглянула в окно на задний двор дома своих родителей. Гости уже начали прибывать и швейцары помогали им занять их места. Смеркалось, и на деревьях зажглись тысячи гирлянд, на которых настояла я.

Слева установили огромный шатер, где будет проходить торжество, а справа находился бассейн олимпийских размеров. Мои родители заказали стеклянное покрытие, которым накрыли поверхность бассейна, и именно там мы с Калевом произнесем

наши клятвы. Мы как будто будем гулять по воде. Даже думая об этом, у меня кружится голова. Вокруг бассейна расставили стулья. Нас будут окружать наши гости. Калеб рассмеялся, когда увидел это накануне. Он ненавидит, что моя семья пытается превзойти Джонсов.

— Любовь проста, — заявил он. — Чем пышнее свадьба, тем меньше искренности.

Ненавижу подобные высказывания. Свадьба запоминается на всю жизнь. Если вспоминать нечего, то зачем она вообще нужна?

Мы смотрели на стеклянное покрытие добрых пятнадцать минут, прежде чем я, в конце концов, сказала,

— Мне всегда хотелось быть Русалочкой, — сначала он рассмеялся, а затем его лицо приняло серьезное выражение. Он потянул за один из моих локонов. — Это будет прекрасно, Ли. Ты будешь Русалочкой. Прости, я такой мудака, что сказал это.

Моя мать зашла в комнату за десять минут до начала церемонии. Я увидела ее впервые за весь день. Она наклонилась ко мне, пока Кортни наносила помаду мне на губы. Катин, которая вносила

последние штрихи в свой макияж в другом углу комнаты, встретила со мной взглядом в зеркале. Она слишком хорошо знакома с моей матерью и ее выходками. Я подавила поднимающуюся тошноту, когда Кортни промокнула мои губы салфеткой.

— Привет, мам, — поздоровалась я, с улыбкой поворачиваясь к ней.

— Зачем ты выбрала этот цвет, Лия? Выглядишь как вампир.

Я посмотрела на себя в зеркало. Кортни наредила мне губы ярко-красной помадой. Пожалуй, для свадьбы это выглядит немного вызывающе. Я потянулась за салфеткой, стерла ее и указала на розовый тюбик.

— Давай попробуем эту.

Мама с удовлетворением наблюдала, как мы наносили помаду другого цвета.

— Почти все уже собрались. Это будет самая впечатляющая свадьба года, гарантирую тебе.

Я засияла.

— И самая красивая невеста, — отметила моя

сестра, нанося румяна мне на щеки.

— И самый сексуальный жених, — бросила Катин через плечо.

Я захихикала, благодарная за их поддержку

— Да, ну что ж, будем надеяться, что в этот раз она сможет его удержать, — сказала мама. Катин уронила щеточку от туши.

— Мама! — рявкнула Кортни. — Так «вовремя». Может, прекратишь вести себя как сучка?

Я никогда бы не осмелилась сказать нечто подобное. Мама нахмурилась, глядя на свою любимую дочь. Я чувствовала, что назревает конфликт, поэтому положила руку Кортни на плечо. Не хочу, чтобы сегодня были ссоры. Хочу, чтобы все было идеально. Я проглотила свою боль и улыбнулась маме.

— Мы любим друг друга, — заявила я уверенно. — Мне не нужно никого удерживать. Он мой.

Она приподняла свои идеальные брови и поджала губы.

— Всегда найдется что-то, что они любят больше, — сказала она. — Будь это женщина или машина, или...

Она не договорила, но я мысленно закончила предложение за нее — *или другая дочь...*

Кортни, которая понятия не имела, что является любимицей отца, нанесла еще немного румян мне на щеки.

— Ты отвратительна, мама. Не все мужчины такие.

Мама снисходительно улыбнулась младшей дочери и погладила ее по щеке.

— Нет, дорогая, — сказала она, — для тебя не все.

Я прекрасно поняла подтекст. А вот Кортни нет. Я посмотрела на руку матери на щеке сестры, и мне стало больно. Она никогда не прикасалась ко мне, кроме моментов, когда вынуждена была это делать. Даже когда я была маленькая, можно было считать счастьем, если меня обнимали на мой день рождения. Отвернувшись от них, я подумала о нас с Каледом, и мне сразу стало легче. Сегодня мы создадим свою

собственную семью. Я никогда, никогда не стану обращаться со своим ребенком так, как она со мной. Что бы ни случилось. Кaleb будет самым лучшим отцом. А я с грустью буду вспоминать прошлое, наслаждаясь розовым туманом счастья своей новой жизни. Кaleb. Он мой. Может быть, мне принадлежит только он, но мне вполне достаточно только его.

За пять минут до начала церемонии, в дверь постучали. Моя мать уже ушла, и в комнате остались лишь я, Катин и Кортни.

Кортни побежала посмотреть, кто пришел, а Катин помогала мне надеть туфли.

Она вернулась назад с полуулыбкой на губах.

— Это Кaleb. Он хочет поговорить с тобой.

Катин покачала головой.

— Черт, нет! Ему еще нельзя видеть тебя. Я разведена, и знаешь что? Я позволила придурку увидеть меня прежде, чем мы поженились, — возмутилась она, как ни в чем не бывало, как будто это была единственная причина, из-за которой ее брак рухнул.

Я посмотрела на дверь и мое сердце учащенно забилося. Я не против, чтобы он увидел меня.

— Вы двое идите вниз. Увидимся через минуту.

Катин сложила руки на груди, будто не собиралась никуда идти.

— Катин, — позвала я, — Брайан бросил тебя, потому что ты спала с его братом, а не потому, что он увидел тебя в свадебном платье. Теперь уходи.

Кортни схватила Катин за руку и прежде, чем та смогла возразить вывела ее из комнаты.

Я бросила быстрый взгляд на себя в зеркало и разгладила платье, прежде чем направиться к двери. О чем он хочет поговорить со мной? Неожиданно, мне стало плохо. Что, если он хочет все отменить? Какая еще причина может быть, если жених настаивает на разговоре с невестой перед самой свадьбой?

Я приоткрыла дверь.

— Ты не должен видеть меня, — сказала я.

Он засмеялся, и я мгновенно расслабилась. Если мужчина смеется, не может быть, чтобы он пришел

бросить невесту.

— Отвернись, — предложил он. — И я зайду спиной вперед.

— Ладно.

Я повернулась спиной к двери, и сделала пару шагов в сторону. Затем услышала, как зашел Калёб. Он подошел, и прижался спиной к моей спине, взял меня за руки, и мы стояли так около минуты, пока он не заговорил.

— Я собираюсь развернуться... — сообщил он.

— Нет!

Он засмеялся, и я поняла, что он шутит.

Я сжала его ладони. Он сжал мои в ответ.

— Лия, — он произнес мое имя так, что мне захотелось закрыть глаза. Все, что слетает с его губ звучит прекрасно, но лучше всего звучит мое имя.

— Да? — отозвалась я мягко.

— Ты любишь меня или идеальный образ, который создала из меня?

Я замерла, а он большими пальцами поглаживал кончики моих пальцев.

Мне хотелось отдернуть руки, развернуться и увидеть его лицо, но он крепко держал меня, не позволяя отстраниться.

— Просто ответь мне, любимая.

— Я люблю тебя, — ответила я уверенно. — Ты... ты не чувствуешь того же?

О Боже. Он собирается отменить свадьбу.

Я почувствовала, как в горле образуется комок. Опустив голову, я сделала несколько глубоких вдохов.

— Я люблю тебя, Лия. Я бы не просил тебя выйти за меня замуж, если бы не любил.

Тогда почему мы ведем этот разговор?

— Тогда почему мы ведем этот разговор? — мысленно я звучала увереннее. На деле мой голос дрожал.

— Одной любви не всегда достаточно. Мне просто хотелось убедиться...

Он не договорил. Он имел в виду Оливию? Мне захотелось закричать. Она здесь, с нами, на нашей свадьбе. Я хотела сказать ему, что она уехала! Она двигается дальше. Она... она... никчемная сука, которая его не заслуживает.

Люблю ли я его?

Я задрала подбородок. Да, люблю — в любом случае, больше, чем она. Если ему нужно, чтобы я объяснила ему это, я объясню.

— Калев, — позвала я нежным голосом. — Есть кое-что, о чем я тебе никогда не рассказывала. Это касается моей семьи.

Я вздохнула, и с моих губ сорвались слова правды. Сейчас или никогда. Мое признание наполнено стыдом и болью. Калев, почувствовав что-то, крепче сжал мои руки.

— Меня удочерили.

На сей раз уже он попытался развернуться, но я удержала его на месте. Сейчас я не могу смотреть на него. Мне нужно просто рассказать все. В любую минуту за нами могут прийти, а я должна успеть до того, как нам помешают.

— Просто, не поворачивайся, ладно? Просто... слушай.

— Хорошо, — согласился он.

— После того, как родители поженились, они три года пытались завести ребенка. Доктора сказали матери, что она никогда не сможет иметь детей, поэтому они решились на усыновление, хоть и неохотно. Мой отец грек, Калевб. Ему нужен был наследник. Они решили не ждать, пока подойдет очередь усыновления у нас в стране, ведь на это могли уйти годы. У моего отца были связи в российском посольстве.

— Лия...

Мое сердце чуть не рухнуло вниз от звука его голоса.

— Просто молчи, — попросила я. — Это правда трудно, просто дай мне договорить.

Я старалась не расплакаться. Мой макияж не стоит того.

— Моей настоящей матери было шестнадцать и она работала в борделе. Я не мальчик, которого они

хотели, но они взяли меня с собой. Мне было всего шесть недель. Через месяц мама поняла, что беременна. Но у нее случился выкидыш... полагаю, это был мальчик. Отец винил во всем меня. Видимо, со мной было очень сложно, колики и все такое. Через несколько месяцев она забеременела Кортни, но отец уже потерял своего мальчика. Думаю, с тех пор он ненавидит меня. Из ребенка, которого они хотели, я превратилась в ребенка, который убил их желанного малыша... я стала помехой — ведь я ребенок проститутки.

В дверь громко постучали.

— Еще несколько минут, — крикнула я. Развернувшись, я заставила Калеба посмотреть на меня. Он обнял меня и нахмурился. Я чувствовала, как его тепло передается мне. Долгое время он молчал.

— Почему ты не рассказала мне?

— Боже, Калеб, это маленький грязный секрет моей семьи. Мне было стыдно, — мне пришлось сильно отклонить голову назад, чтобы посмотреть ему в глаза. С ним я ощущала себя маленькой, но защищенной.

— Тебе нечего стыдиться. Это они должны — я даже представить не мог.

Он покачал головой.

— Так твой отец не ведет тебя сегодня к алтарю по этой причине? — прищурился он и я покраснела. Ранее я наврала ему, что у отца разыгралась подагра. Больше никакой лжи. Я кивнула. На прошлой неделе отец сообщил, что не поведет меня к алтарю. Я, правда, и не ожидала, что он это сделает.

Калев выругался. Он крайне редко ругался в моем присутствии. Я поняла, что он здорово разозлился.

— Так вот почему он дал тебе работу, — это было утверждение. Он сложил все кусочки воедино. Я снова кивнула. Он выглядел таким разъяренным и я поняла, мой план работает.

— Калев... не бросай меня, — мои губы дрожали. — Пожалуйста... я люблю тебя.

Он почти грубо схватил меня и притянул к себе. Я вцепилась в него, больше не заботясь о макияже или волосах. Это путь к его сердцу. Я играла на его сострадании, на его нужде защищать что-то

сломанное и потерянное.

В дверь снова постучали. Кaleb отстранился на расстояние вытянутой руки и посмотрел на меня. Что-то изменилось в его глазах. Поделившись с ним секретом, я стала для него чем-то большим. Догадывалась ли я, что это произойдет? Намеренно ли не рассказывала правду, приберегая ее для такой ситуации как сегодня?

Он нежно провел пальцем от волос по лбу к носу, по моим губам и дальше вниз по шее.

— Ты ошеломляющая, — сказал он. — Могу я проводить тебя к алтарю?

Мое сердце пропустило удар, взлетело, упало... станцевало чертовски счастливый танец. Он собирается жениться на мне.

— Да, пожалуйста.

— Лия...

— Да?

— Я не обижу тебя. Я буду заботиться о тебе. Ты веришь мне?

— Да, — солгала я.

Настоящее...

Оливия ни капли не изменилась. Волосы цвета воронова крыла свободно ниспадают до талии. Она похожа на цыганку в своих сине-зеленых льняных брюках и облегающей блузке кремового цвета, которая небрежно обнажает одно рельефное плечо. Я рассматриваю ее золотые серьги-кольца, размером с мою ладонь. В них она выглядит экзотично и даже немного опасно. Из-за нее я всегда чувствовала себя простушкой.

Ее взгляд скользит по посетителям ресторана в поисках знакомых лиц: пожилой мужчина, парочка, тесно прижавшаяся друг к другу, два официанта заворачивают серебряные приборы в салфетки ... и я.

Я вижу на ее лице шок — рот приоткрылся, глаза округлились, демонстрируя белки. Неожиданно она напряглась. Ее глаза осматривали каждый столик ресторана, и я поняла, что она выглядывает его. Я качаю головой, давая понять, что его здесь нет, и

делаю глоток кофе, поджидая пока она подойдет.

Она целенаправленно двигается ко мне. Когда она подходит к столику, за которым сижу я, она не садится, а просто стоит, смотрит на меня и ждет.

— Старый клиент? — сухо спрашивает она.

— Ну, так и есть, разве нет? — жестом я предлагаю ей сесть. Я отправила анонимное сообщение ей в офис, утверждая, что я старый клиент и у меня жуткие неприятности с законом. Договорилась о встрече с ней за обедом у «Тиффани». Я понятия не имела, придет она или нет, но лучше так, чем появляться в ее офисе.

Она осторожно садится на диванчик напротив меня, не сводя с меня взгляда.

— Что ж, что тебе, черт возьми, нужно?

Я вздрагиваю. В «лабутенах» или нет, но она все та же белая шваль, что и раньше.

— Я подумала, что ты могла бы просмотреть для меня один документ, — я лезу в сумочку и вытаскиваю документы, которые украла из секретера Калеба. Положив их на стол, я подталкиваю их к ней.

— Что это? — интересуется она, глядя на меня с отвращением. Как смеет она смотреть на меня подобным образом? Она собственноручно разрушила мою жизнь. У меня могло бы быть все, если бы не ее коварные загибающие руки.

Хотя, если бы не она, то, возможно, я была бы в тюрьме. Я затапливаю эту мысль подальше. Сейчас не время для благодарностей. Пришло время отвечать на вопросы. Я толкаю к ней документ.

— Взгляни. Взгляни своими глазами.

Даже не повернув головы, она бросает взгляд на бумаги, потом обратно на меня. Идеальное, жесткое, поразительное запугивание. Стоило бы восхититься языком ее тела.

— И зачем бы мне это делать? — спрашивает она.

Ей удалось заставить меня почувствовать себя отвергнутой. Я вспоминаю, как стояла на свидетельской скамье, и мое сердце вылетало из груди. Я решаю попробовать, смогу ли достичь такого же эффекта.

— Это документы Калеба, — сообщаю я, едва

шевеля губами.

Не знаю, то ли из-за упоминания его имени, то ли из-за того, что я копировала ее поведение, но она напряглась.

К нашему столику подходит официант. Оливия протягивает руку за документами.

— Принесите ей кофе с двойными сливками, — делаю я заказ, отсылая его прочь. Он спешно удаляется. Оливия, которая читала бумаги, поднимает на меня взгляд. Почти каждый день в течение девяти месяцев я была рядом с ней. Я помню, что она любит.

Я потягиваю свой кофе, пока она читает, и наблюдаю за выражением ее лица.

Приносят ее кофе. Не глядя, она снимает крышечки с пакетиков со сливками и выливает их в чашку.

Она поднимает кружку к губам, но на полпути ее рука замирает. Кофе проливается, когда она со стуком ставит кружку обратно на стол. Внезапно она встает.

— Где ты это взяла? — она отходит от стола, качая головой. — Почему там указано мое имя?

Я провожу языком по зубам.

— Я надеялась, что ты сможешь мне это объяснить.

Она быстрым шагом идет к двери. Я встаю, бросаю на стол банкноту в двадцать долларов и отправляюсь за ней.

Я догоняю ее на парковке и прижимаю к стене возле газетного киоска.

— Тебе не уйти от объяснения, почему твое имя указано на документе рядом с именем моего мужа!

С ее лица сходят все краски. Она качает головой.

— Не знаю, Лия. Он никогда... Я, правда, не знаю.

Она закрывает лицо ладонями, и я слышу, как она всхлипывает. Это только злит меня еще сильнее. Я угрожающе делаю шаг в ее сторону.

— Ты спишь с ним, да?

Она убирает руки от лица и внимательно смотрит на меня.

— Нет. Конечно же, нет! Я люблю своего мужа, — ее явно оскорбило то, что я посмела обвинить ее в подобном.

— А я люблю своего мужа! Итак, за что же он любит тебя?

Она смотрит на меня с неприкрытой ненавистью.

— Он не любит, — отвечает она просто. — Он выбрал тебя, — очевидно, ей больно произносить эти слова. Я ощущаю, как от ее кожи буквально волнами исходят эмоции.

Я вытаскиваю договор и трясущимся им перед ее лицом.

— Он купил тебе дом. Почему он купил тебе этот чертов дом?

Она выхватывает договор из моих рук и тычет пальцем в дату.

— Ты упускаешь одну маленькую деталь! Задолго до тебя, Лия, — она швыряет его мне

обратно на грудь. — Но ты сама прекрасно знаешь это. Так зачем ты обманом заставила меня прийти?

Я сглатываю, что является показателем того, что я нервничаю. Она замечает это и безжалостно улыбается.

— Мне следовало позволить им засадить тебя за решетку, и ты прекрасно это знаешь.

Она отворачивается и идет к своей машине. Ее заявление взбесило меня. Я снова иду за ней, вонзив ногти в ладони и дыша через нос.

— Так ты могла получить его? — не сдержавшись, спрашиваю я. В ушах бешено шумит кровь. Я постоянно задаюсь этим вопросом. И я снова повторяю его.

— Если бы ты проиграла дело, он бы остался с тобой?

Она останавливается и оглядывается на меня через плечо.

— Да.

Я не ожидала, что она скажет правду, и это

пугает меня. Я открываю рот и заставляю себя произнести эти слова.

— Я думала, ты любишь своего мужа.

Она выдыхает через нос. Это действие напоминает мне поведение взбудораженной лошади. Она поднимает взгляд с моих туфель и с отвращением останавливает его на моем лице.

— Твоего я тоже люблю.

Глава 24

Прошлое...

До свадьбы я практически не позволяла своим родителям находиться рядом с Калемом, потому что боялась, что их мнение повлияет на него, и он начнет относиться ко мне так же, как и они. Большинство моих парней не понимали их завуалированные оскорбления и холодное ко мне отношение. Калек же умен, он видит их насквозь, видит насквозь меня —

он мог начать задавать вопросы. Я не хотела вопросов или возможного расставания, которое могло за этим последовать: «Лия — сплошное разочарование». Она ненадежная, второсортная дочь.

Мне не хотелось, чтобы кто-то узнал обо всем этом. Поэтому все два года, что мы встречались, я очень аккуратно приводила его на светские мероприятия, которые устраивала моя семья. По большей части, это было утомительно — следить, чтобы никто не сказал лишнего и разговор долго не задерживался на одной теме. После свадьбы все изменилось. Может быть, я чувствовала себя более уверенно после своего признания или, может быть, из-за того, что я, наконец, рассказала ему правду о том, откуда я.

Нас официально пригласили на ужин к родителям через неделю после того, как мы вернулись из свадебного путешествия. Кaleb все еще сердился из-за того, что мой отец не повел меня к алтарю.

— Я не хочу идти, Лия. Его поведение — неуважение к тебе. Ему повезло, что я не наорал на него на свадьбе. Не позволю ему так с тобой обращаться.

Мне понравились его слова. За эти пять секунд я почувствовала себя более важной, чем за долгие годы своей жизни.

— Пожалуйста, — я приподнялась на носочках и поцеловала его в подбородок. — Давай просто сохраним мирные отношения. Я люблю свою сестру и не хочу стать причиной раскола в семье.

Он схватил меня за предплечье, мягко сжал и прищурился.

— Если он скажет хоть слово, Лия, хоть одно слово, которое мне не понравится...

— Ты ударишь его по лицу, — уверенно сказала я.

Он криво улыбнулся и грубо поцеловал меня — так, как мне нравится.

— Я ударю его, если подадут утку. Ненавижу утку.

Я захихикала у его губ.

— А если он будет рассказывать шутки о подводном плавании?

— Это тоже — за эти шутки он тоже получит...

Мы продвигались в сторону спальни, не переставая целоваться.

Я запустила пальцы ему в волосы, все мои мысли растаяли и исчезли и все, о чем я могла думать, это его прикосновения и хриплый голос, звучащий у меня в ушах.

Позже, тем же вечером, мы рука об руку подошли к двери моих родителей. После двух недель на Мальдивах мы загорели и расслабились, и все еще пребывали в блаженной неге нашего отпуска. Мы смеялись, целовались и прикасались друг к другу так, словно один из нас может исчезнуть в любой момент. Калеб, наконец, стал моим. Как только моя рука коснулась дверной ручки, я мысленно на мгновение вернулась к своему злейшему врагу и улыбнулась так широко, что Калеб удивленно склонил голову на бок.

— Что? — спросил он.

Я пожала плечами.

— Я просто счастлива, вот и все. Все идеально.

Мне бы хотелось, чтобы я могла сказать: Пам-парам, ведьма мертва...

Но ведьма не умерла. Она в Техасе — что тоже, в принципе, неплохо.

Мои родители и сестра сидели в гостиной. Когда мы вошли, они выжидающе посмотрели на Калеба, словно ожидали, что он объявит, что бросает меня. Тридцать секунд прошли в неловкой тишине, а затем моя сестра вскочила, чтобы обнять нас.

— Как прошел отпуск? Расскажи мне все, — она схватила меня за руку и повела к дивану. Я посмотрела на Калеба, который пожимал руку отцу. Папочке нравился Калев. Он нравился ему так сильно, что мне интересно, что бы он сказал, если бы узнал, что Калев ненавидит его. Я ощущала болезненное удовольствие, зная, что настроила Калеба против него. Мой папа считал, что мог управлять всеми, и он на самом деле желал, чтобы все вокруг обожали его... кроме меня.

— Все было прекрасно, — заверила я ее. — Очень романтично.

Я быстро посмотрела на Калеба.

Она наклонилась ближе ко мне.

— Они жаловались все утро на то, во сколько им обошлась свадьба, — призналась она. — Не обращай внимание.

Я ощутила, как щеки залила краска. Типичное поведение для моих родителей. Конечно, они заплатят за свадьбу своей старшей дочери. Само собой, она будет экстравагантной и сногшибательной, чтобы впечатлить друзей. Несомненно, они будут жаловаться потом о том, как много денег они потратили на кого-то, с кем не состоят в кровном родстве. Но, что еще они могли сделать? Никто не знал на самом деле, что я им не родная дочь. Они не могли допустить, чтобы на их идеальный образ любящих родителей упала тень.

Пожалуйста, Боже, пожалуйста, не дай им сказать что-либо в присутствии Калеба.

В руках сестра держала бокал с красным вином. Я забрала его у нее и сделала большой глоток.

Мама направлялась в нашу сторону, и с каждым ее маленьким шагом в моем сознании вспыхивал страх.

— Тебе лучше держаться подальше от солнца, Лия, — сказала она, садясь напротив меня. Я посмотрела на свою загорелую руку. Несмотря на то, что у меня светлая кожа и рыжие волосы, я загорела как итальянка.

— Ты выглядишь глупо с этим загаром. Такое впечатление, будто ты воспользовалась одним из этих спреев для искусственного загара.

— Она хорошо выглядит, мама, — рывкнула моя сестра. — То, что ты боишься солнца, не значит, что и мы должны тоже его бояться.

Я послала сестре благодарный взгляд и напряглась в ожидании следующего язвительного замечания.

— Кaleb хорошо выглядит, — похвалила она, бросив взгляд в ту сторону, где Кaleb все еще беседовал с моим отцом. — Такой красивый. Я всегда полагала, что он будет хорошей парой для тебя, Кортни.

У меня закружилась голова, зрение затуманилось. Кортни злобно зарычала.

— Это совершенно неуместно, — зашипела она.

— Идеальный парень *совсем* не мой тип, а Лия и Кaleb подходят друг другу гораздо лучше, чем любая другая пара, которую я знаю. Все так говорят.

Мама приподняла брови. А ко мне вернулся дар речи.

— Зачем ты вообще такое говоришь? — спросила я ее. — После всего, что ты сделала, чтобы помочь мне...

Она фыркнула и сделала глоток вина.

— Женщина не должна так сильно бороться за то, чтобы быть с мужчиной. Он просто должен хотеть ее...

Взгляд сестры заметался между нами.

— О чем вы говорите?

Мать молча послала мне предупреждающий взгляд.

— Ужин уже должен быть готов, — предположила она. — Почему бы нам не пройти в столовую?

Маттиа по-прежнему готовила для родителей.

Она работала у нас с того времени, когда я была маленькой девочкой. Я всегда с нетерпением ждала ее стряпню. Сегодня она приготовила лосось с рисом и медово-горчичной подливкой. Она сжала мое плечо, когда ставила передо мной тарелку.

— Поздравляю, — шепнула она мне. Я улыбнулась ей. Мне хотелось, чтобы она пришла на свадьбу, но мои родители посчитали, что это было бы неуместно.

— У меня есть кое-что для тебя, — сказала она, — небольшой подарочек. Я оставила его на кухне для тебя.

Я кивнула ей, надеясь, что мама не услышала. У моей мамы дар выставляют искренние поступки в глупом и нелепом свете.

Поставив последнее блюдо, Маттиа вышла из комнаты, и я снова сосредоточилась на разговоре между моим отцом и Калевом. Несмотря на свои нынешние чувства к моим родителям, Калев был спокоен и уважителен, отвечал на вопросы и вел себя безупречно.

Он гений общения. Я объясняю это тем, что он умеет понять сущность человека при первом

знакомстве и, соответственно, понимает, как управлять им. Я видела, как он забрасывает незнакомцев вопросами, пока их защита не рухнет. Первоначально, тот, кто ему интересен, кажется слегка настороженным и выдает информацию дозированно. Но Калевб перемежает свои вопросы шутками и самоуничижительными замечаниями, от чего человек расслабляется. Он никогда не осуждает. Он прищуривает глаза, когда наступает черед говорить собеседнику — чудесный фрагмент языка тела, который словно сообщает: ты такой интересный, продолжай говорить. Мне нравится наблюдать, как он общается с людьми. Нравится наблюдать, как они поддаются его очарованию. К концу разговора с Калевбом люди обычно так очарованы им, что даже кажутся огорченными тем, что разговор окончен. Ему на самом деле не все равно — в этом и заключается разница между Калевбом и обычным любопытствующим. Люди быстро покупаются на это.

Калевб мой. Наконец-то, он мой. Я улыбнулась лососю, лежащему на моей тарелке, и Кортни пнула меня под столом ногой.

— Что? — спросила я с набитым ртом.

Она улыбнулась и покачала головой.

После ужина мы вернулись в гостиную. Мой отец старомоден: он вытащил бокалы и сигары, как только мы сели. Кaleb вежливо отказался от сигары, но взял бокал со скотчем.

Я села рядом с ним, а мама и сестра удалились в другую часть дома. Наступило время для мужчин, но я не собиралась оставлять своего мужчину рядом с отцом. Не тогда, когда он зол на меня из-за денег, которые спустил на свадьбу.

— Какие планы? — спросил отец, намеренно игнорируя меня и глядя на моего мужа. Он сдул кусочек табака с губы, и я отвела взгляд. Его поведение раздражало меня.

Кaleb облизнул губы.

— Мы подали объявление о покупке дома. Ожидаем ответа.

— Надеюсь, ты не намереваешься держать Лию дома. Она нужна мне в офисе.

Кaleb напрягся. Я понимаю язык его тела, как будто это оно мое собственное. Я хотела услышать, что он ответит великолепному всемогущему Смиту.

— Я не намереваюсь нигде ее удерживать, — ответил он. — За пределами моей кровати, она вольна приходить и уходить, когда пожелает.

Я подавилась слюной. Мне хотелось рассмеяться от выражения лица отца. Отец часто бывает груб, я слышала, как он отпускает подобные шуточки, но комментарий Калеба обезоружил его. Кaleb, вероятно, знал, что так и будет — он великолепно умеет манипулировать.

Отец прочистил горло, и на его губах заиграла легкая улыбка.

Мой муж повернулся ко мне.

— Ты планируешь вернуться обратно на работу, Лия?

Отец к такому не привык. Мне хотелось бросить на него взгляд, чтобы увидеть, как он реагирует на то, что у его неродной дочери спрашивают ее точку зрения.

— Я не знаю, — ответила я. — Но можно подумать об этом...

Почему он хочет, чтобы я вернулась? У него

целое полчище сотрудников, с которыми он может играть в корпоративные игры. Может быть, таким образом он пытается? Ну... стать мне отцом? Моим босом? Меня вообще удивляет тот факт, что он предложил мне вернуться на работу, ведь он считает, что после того, как женщина выходит замуж, ей следует сидеть дома.

Мой отец изменил тактику в последний момент. Повернувшись лицом ко мне, он отвернулся от Калеба и сосредоточил все свое внимание на мне.

Мило.

— Что скажешь, Лия? Ты была такой активной, когда начала работать. Нам нужно, чтобы ты закончила этот проект.

Хотя мне очень сильно хотелось отказаться, я не могла. Вините алкоголь или мучительную потребность удовлетворить единственного мужчину, который не хотел меня, но я не могла просто взять и уйти, когда он просил меня вернуться. Мне нужно доказать, что он ошибался на счет меня. Я не ребенок никчемной шлюхи, а ценный член его семьи.

Я кивнула, ощущая себя слабой из-за того, что покорила ему. Он использует меня для чего-то, но

пока не могу понять, для чего. Мое чертовое сердце болит. Кaleb наблюдал за мной. Я улыбнулась ему, но в глазах, очевидно, отразилось мое беспокойство, а Кaleb видит меня насквозь, вплоть до того места, где бьется мое сердце. Слава Богу, он достаточно благороден и не упомянул об этом.

По пути домой Кaleb спросил меня, действительно ли я хочу вернуться.

— Ты говорила, что с тебя хватит.

Я раздраженно смотрела в окно, считая огни автомобилей, проезжающих мимо.

— Знаю.

— Тогда почему возвращаешься? Ты ему ничего не должна, Лия.

— Просто позволь мне это сделать, не анализируя причины, побуждающие меня сделать это.

Он посмотрел на меня уголком глаза.

— Хорошо. Но пообещай мне кое-что.

Я посмотрела на него. Кaleb не может просить

дать ему обещание.

— Если он выкинет такую же штуку, как на свадьбе, ты уйдешь, не оглядываясь.

— Окей, — согласилась я.

Я посмотрела на свои колени, где лежал подарок Маттии, завернутый в жемчужно-белую бумагу, на которой были нарисованы колокольчики. Разорвав ногтем упаковку, я сбросила ее на пол и вытащила набор, состоящий из сахарницы и кувшинчика для сливок. Дешевый стеклянный наборчик с серебряными ручками — такой можно купить в «Marshalls» — но его подарила Маттия, и мне он нравится. (*Примеч. «Marshalls» — американская сеть недорогих магазинов «все для дома».*)

Маттия — единственный человек в моем доме, кто обнимал меня. Я рассчитывала на ее объятия. Я собиралась выключить радио, но именно в этот момент Калев увеличил громкость.

Играла группа «Coldplay», и он слушал их так, будто они нашептывали ему правду. Я никогда не понимала, почему они ему нравятся. Они всегда стараются украсить свои концерты импровизированным аккомпанементом на

фортепиано. Я барабанила пальцами по подлокотнику, выжидая, когда закончится песня. Как будто один человек может починить другого. Если бы это было правдой, то Калебу не нравилась бы песни Дебби Даунер, он бы слушал веселые дерьмовые песенки, олицетворяющие наши отношения. (*Примеч. Дебби Даунер — герой вечерней музыкально-юмористической передачи на американском телевизионном канале НБС.*) Когда мы только встретились, он захлебывался в чувствах к какой-то женщине, которая разбила его сердце. Несколько лет я провела, пытаясь вытащить его из этого состояния, только для того, чтобы добиться периодического удовлетворения, которое, то появлялось, то исчезало, в зависимости от настроения. Бывали недели, когда мы были счастливы друг с другом, а затем, внезапно, ветер менял направление, и Калек снова становился задумчивым, мрачным парнем, с которым я впервые столкнулась на вечеринке на яхте.

Но прямо сейчас... в это мгновение... сегодня — он счастлив. Я посмотрела на его лицо, пока он подпевал песне, и переплела наши пальцы. Он сказал, что я могу доверять ему.

Настоящее...

Со встречи с Оливией я еду домой, попеременно, то всхлипывая, то проклиная все на свете. Весь мир будто расплывается вокруг, пока я обдумываю, насколько велики шансы, что мой муж уйдет от меня. Слова Оливии крутятся у меня в голове, и я чуть не врезаюсь в мусорный бак. Войдя в дом, я пулей вылетаю во двор, где на одеяле расположились Сэм с Эстеллой. Я беру ее на руки и прижимаю к груди. Она извивается и издает вопль протеста. Сэм забирает ее у меня, и она сразу же прекращает плакать. Я снова забираю ее у Сэма.

— Возьми выходной, — приказываю я, изучая ее сморщенное лицо. — Пришло время ей научиться, черт подери, любить меня.

Сэм удивленно приподнимает брови. Я уже собираюсь сказать ему, что мне не нравится выражение его лица, но он разворачивается и уходит.

Я наблюдаю за ним сквозь стеклянные двери. Он хватается свои ключи с кухонной стойки и, не оглядываясь, уходит. Я снова смотрю на Эстеллу.

— Может быть, мы попробуем еще разок. Если мы поймем, как понравиться друг другу, может быть, твой папочка останется.

Она размахивает кулачками и моргает, глядя на меня. Она и правда, в некотором роде, забавная.

Я вытягиваю ноги и кладу ее на колени. Последующие полчаса я беседую с ней о жизни, пока она не начинает кричать на меня. Затем мы заходим в дом, чтобы пообедать. Уложив ее в кроватку, я надеваю самый сексуальный комплект кружевного белья и жду. Сорок минут спустя я слышу, как Калевб открывает двери своим ключом.

Когда я спешно выхожу в коридор, Калевб уже закрывает за собой входную дверь. Я замираю, и когда он смотрит на меня, не знаю, кто из нас выглядит более смущенно.

— Я пришел только чтобы забрать кое-какие вещи.

Он старается не смотреть на меня. Я делаю

несколько шагов в его направлении. Мне хочется прикоснуться к нему, сказать ему, как мне жаль.

— Калерб, поговори со мной... пожалуйста.

Он смотрит на меня, и в его взгляде я больше не вижу ни капли тепла. Я вздрагиваю. Неужели все, что было между нами, исчезло?

— Я вернусь за ней завтра. Я просто хочу взять кое-какие вещи, — снова повторяет он.

Я кладу ладонь ему на грудь, и он замирает.

Он хватается меня за запястье.

— Не надо, — теперь он смотрит мне в глаза. — Ты используешь секс, как оружие. Мне это не интересно.

— Но ты нормально воспринимаешь, когда Оливия использует его с той же целью, лишь бы не я, да? — слова слетают с губ, прежде чем я успеваю подумать.

— Что ты имеешь в виду?

Я вспоминаю наш разговор с Сэмом. Если я хочу узнать о его отношениях с Оливией, то сейчас,

наверное, самое время спросить, поскольку он и так зол на меня.

— Почему ты вообще спал с ней?

Калеб реагирует мгновенно: схватив меня за плечи, он отодвигает меня в сторону и быстро направляется к лестнице. Я следую за ним.

— Да ладно тебе, Калеб. Ей ты разрешаешь использовать секс или его отсутствие, как оружие. Почему?

Он смотрит на меня.

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

— Возможно. Но это потому, что ты никогда не говоришь о ней. А я хочу точно знать, что произошло между вами двумя.

— Она бросила меня, — выдает он. — Конец истории.

— А во второй раз? — с вызовом спрашиваю я.
— Во время амнезии?

— Она снова бросила меня.

Его признание глубоко ранит меня.

— Почему ты никогда не рассказывал мне о том, что она сделала? Когда она вернулась обратно и лгала тебе?

— Почему ты никогда не спрашивала? — парирует он.

— Я не хотела знать...

Он отворачивается.

— А теперь хочу, — заявляю я.

— Нет.

— Нет? — я снова иду следом за ним вверх по ступенькам. — Хочу понять, почему ты нанял ее адвокатом для меня... почему не злился на нее за то, что она солгала тебе.

Он разворачивается так быстро, что я чуть не падаю.

— Я нанял ее адвокатом для тебя, потому что был уверен, что она выиграет дело. Я был зол на нее... и я по-прежнему зол.

— Почему? — кричу я ему вслед, но он уже ушел.

Глава 26

Прошное...

Обо мне следует знать кое-что: я люблю «копать». Если я не могу найти нужную информацию — я начинаю «копать» еще глубже и сильнее. Единственное, в чем я не копаюсь — мой собственный разум. Не хочу знать, что там.

Мой отец вел себя странно даже для него. Дважды я видела, как он глотал пригоршню каких-то таблеток. Я никогда раньше не видела, чтобы он принимал что-то кроме витаминов. Эти точно витаминами не были. Я нашла пузырек в верхнем ящике его стола.

На этикетке пузырька я прочитала «Вазодилататор» — препарат от высокого давления,

но в этом же пузырьке я заметила еще одну таблетку, в которой признала успокоительное «Клонопин». Мой отец чем-то обеспокоен. Мне хотелось узнать, почему и как долго он их принимает. Мой отец самый здоровый человек, которого я когда-либо встречала. Ему шестьдесят, а у него накачанные кубики пресса. Конечно же, это пресс пожилого человека, но все же. Он высмеивает тех, кто страдает от депрессии или беспокойства, относится к ним с иронией, ведь это он поставляет им лекарства.

Я позвонила матери.

На другом конце линии раздалось ее щебетание, когда я спросила ее про таблетки.

— Он в порядке, — заверила она. — Ты же знаешь, как обстоят дела в конторе. Он постоянно находится в напряжении из-за испытаний нового препарата.

Я прижала телефон плотнее к уху. Теперь все зависит от того, что я скажу. Это либо завершит разговор, либо я получу ту информацию, которая мне нужна. Я включила систему «Манипулятор матерью 101».

Насколько я знаю, тестирование нашего нового

препарата «Пренавен» проходит успешно. Каждый день я подписываю кучу документов, которые отец или Кэш приносят мне в кабинет. Этот препарат тестируется уже более пяти лет. Мы уже на финальной стадии и собираемся заняться маркетингом. С чего бы отцу нервничать из-за успешного проекта?

— Представляю себе, как он переживает, — сказала я, стараясь изо всех сил, чтобы в моем голосе прозвучало сочувствие. Я могла себе представить, как она кивает головой на другом конце линии.

— Жаль, что я не могу ударить этого ужасного человека, — прошептала она в трубку, — который пожаловался, что «Пренавен» стал причиной сердечного приступа. Знаешь, твой отец нанял частного сыщика. Этот мужчина просто ходячий инфаркт. У него в роду часто случались инфаркты, к тому же он весит почти сто сорок килограмм. Она произнесла *сто сорок килограмм* так, словно это какое-то ругательство. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы мой мозг уцепился за ее слова о *сердечном приступе*.

Охренеть!

Почему я ничего об этом не знаю? Сердечный

приступ во время тестирования препарата это же очень серьезно! Этого достаточно, чтобы приостановить тестирование, пока формула препарата не будет переработана. Сложно сказать что-то после такого сообщения. Почему? Почему он рискует всем? Не желая дать ей понять, что она только что рассказала то, о чем я, очевидно, знать не должна, я слушала ее болтовню еще несколько минут. Я хотела использовать ее, чтобы получить еще какую-нибудь информацию. Я проглотила предательство, комом вставшее в горле и сказала матери, что у меня на линии другой звонок.

Почему он скрыл от меня такую информацию? Почему тестирование не приостановили? Я подумала, не позвонить ли Кэш, но она, очевидно, лояльно относится к отцу, раз до сих пор ничего мне не рассказала. Мне придется самой разузнать все. Деньги. Видимо дело в них. На последнем совещании по продажам, он отметил спад продаж наших препаратов. «Пренавен» — способ вернуть компанию в прежнее русло. Неужели мы все так отчаянно надеялись, что этот новый препарат сможет помочь компании, что теперь готовы рискнуть всем?

На следующее утро я рано приехала на работу. Отец приезжает в офис ровно в шесть часов. В моем распоряжении час, прежде чем он появится. У меня

есть запасной комплект ключей от его кабинета. Я открыла дверь и зажгла свет. Подошла к компьютеру, включила его и ждала, барабанив пальцами по столу. Уровень доступа в систему у отца гораздо сложнее, чем у меня. Мне понадобится его пароль, чтобы получить доступ к файлам. Выругавшись, я ввела дату свадьбы своих родителей, и на экране высветилось «Неправильный пароль». Это была глупая идея — он далеко не сентиментальный человек.

Я попробовал ввести даты дней рождения, сестры и свой. Безрезультатно. Наконец, я попробовала ввести координаты местоположения его охотничьего домика в Северной Каролине. Система волшебным образом приняла пароль, и я увидела на экране огромную схему нашей компании. Я нажала на иконку, на которой было написано «Пренавен» и погрузилась в чтение.

Это правда. О Господи, это оказалось правдой. К тому моменту, когда я закрыла дверь его кабинета, у меня было достаточно информации, чтобы прикрыть компанию отца и засадить его в тюрьму на всю оставшуюся жизнь. Самое ужасное, что мне именно так и хочется поступить. Но я не стану. Он ведь мой отец... ну, в какой-то мере. Он вырастил меня. Или этим занималась Маттия. Я уже ни в чем не уверена.

Пока я шла к лифту в голове что-то пульсировало. Я решила, что скажусь больной. Не могу смотреть всем этим людям в глаза, зная то, что я знаю. Мне нужно все выяснить. Найти способ и узнать, кто принимает участие во всем этом, а от кого все держится в секрете, как от меня. Я стояла возле лифта, опустив голову, когда двери открылись. Я подняла голову и увидела напротив себя отца, с зажатой под мышкой газетой. Черт, почему я не додумалась пойти по лестнице?

Я расправила плечи и заставила себя улыбнуться.

— Доброе утро, папочка.

Он кивнул мне, выходя из лифта. Затем неожиданно остановился.

— Почему так рано на работе?

Ложь с легкостью слетела с моих губ.

— Я себя сегодня неважно чувствую. Я просто приехала взять кое-какую работу домой. Беру выходной.

Он прищурился.

— Ты не выглядишь больной. Езжай домой,

переоденься и возвращайся. Ты мне сегодня нужна.

— Мне плохо, — повторила я, словно он не слышал меня в первый раз.

— У нас фармацевтическая компания, Джоанна. Пойди, возьми себе какие-нибудь образцы на складе и вылечись.

Добрых несколько минут я рассматривала пустой коридор, после того, как он зашел в свой кабинет. Это все происходит на самом деле? Конечно же. Мой отец ни разу не брал больничный за двадцать лет своей работы, с чего же я взяла, что болезнь может оказаться допустимым извинением, чтобы не прийти на работу? Я шагнула в лифт и дверь закрылась. Если поспешу, то смогу вернуться уже через сорок минут.

Глава 27

Настоящее...

Кaleb забирает ребенка к себе на следующий день после того, как приезжал за одеждой. Он с мрачным и решительным выражением лица стоит в дверях, пока я прощаюсь. Я целую рыжий пушок на ее голове и беспечно улыбаюсь. Я отношусь ко всей этой ситуации так, будто они уезжают в супермаркет, а не съезжают навсегда. *Нужно выждать. Дать ему увидеть, как тяжело заботиться о ребенке одному.* Я чувствую себя уверенно, когда они выезжают с подъездной дорожки. Иногда небольшая разлука хороша для души. Кaleb — хороший семьянин. Через несколько дней, он вернется, и я буду лучше стараться. Все сработает. Эстелла — моя гарантия. Она будет поддерживать связь между нами, как бы плохо не обстояли дела.

Когда машина исчезает из виду, я открываю морозилку и достаю два пакета замороженных овощей. Выложив их на стол, я пальцем проделываю дырки в полиэтилене и начинаю закидывать горох в рот. Я могу сделать кое-что, чтобы повернуть ситуацию в лучшую сторону. Катин водит своих детей на занятия в «Мамочка и Я». Они садятся в кружок, поют, и стучат в чертовы бубны. Я тоже могу сделать это.

Звенит дверной звонок. Я засовываю несколько горошинок в рот и танцующей походкой направляюсь

к двери. Может быть, Кaleb уже передумал.

Но на пороге стоит не мой муж. Я смирываю взглядом мужчину, который стоит там.

— Чего ты хочешь?

— Приехал проверить, в порядке ли ты.

— Почему я должна быть не в порядке? —
рявкаю я.

Я пытаюсь закрыть дверь, но он протискивается мимо меня и заходит в фойе.

— Тебе не следует находиться здесь, — с тем же успехом мои слова могли быть дуновением ветра. Он не слышит их или у него есть ко мне какое-нибудь дело, как и всегда.

Он оглядывается через плечо на меня и улыбается мне такой знакомой улыбкой, что у меня кружится голова.

— Конечно, я должен быть здесь. Я навещаю свою золовку. Так должны поступать родственники, особенно учетом того, что мой брат бросил тебя.

Я захлопываю дверь так, что висящая на стене

картина, начинает дрожать.

— Он не бросал меня, ты, отвратительный мудака, — я прохожу мимо него и сажусь за стол, где лежит мой горошек.

Он ходит туда-сюда и начинает рассматривать фотографии на стене, будто видит их впервые. Я наблюдаю за ним и ем горошек, забрасывая в рот по одной штучке.

Наконец он садится напротив меня, положив руки на столешницу.

— Что ты натворила на этот раз?

Я отвожу взгляд от его лица, на котором застыло самодовольное выражение.

— Ничего я не натворила. Все нормально. Он не бросал меня.

— Слышал, награда «Мама Года» прошла мимо тебя.

Я прикусываю щеку изнутри и решаю не отвечать. Сэт встает, проходит к бару и наливает себе скотча Калеба.

— Если ты продолжишь в этом же духе, мой младший братик может подать на развод. Ни один мужчина не станет терпеть твои бесконечные выходки.

Я пытаюсь испепелить его взглядом.

— И затем что, Сэт? Ты переедешь сюда и начнешь жить его жизнью?

На этот раз я мне удастся вывести его из состояния равновесия. Он подносит бокал к губам, не отводя от меня взгляда. В отличие от брата, глаза у Сэта серые. Сейчас они почти дымятся от злости.

— Наступила на большую мозоль, старший брат? Снова хочешь то, что есть у Калеба?

Я встаю и намереваюсь пройти мимо него, но он хватается за предплечье. Я пытаюсь высвободиться, но он сжимает руку, пока я не успокаиваюсь.

Он прижимает губы к моему уху.

— Может быть, мне рассказать ему, что у меня уже есть то, что принадлежит ему.

Я выдергиваю руку и освобождаюсь.

— Убирайся из моего дома.

Он ставит стакан на стол и, подмигнув мне, направляется к двери.

— Пожалуй, пойду навещу свою малышку-племянницу. Пока-пока, Лия.

Дверь закрывается.

— Сукин сын, — злюсь я, в буквальном смысле имея это в виду. Я иду на кухню и беру телефон. Мне надо выбраться отсюда, что-то сделать, но... не что-то разрушительное. Я пролистываю имя Катин в списке контактов и в итоге останавливаюсь на Сэме.

— Как дела, гей? — здороваюсь я.

— Звучит в некотором роде оскорбительно, Лия.

— Я тут подумала, что мы могли бы пройтись по магазинам. Может, пообедаем вместе?

— То, что я гей, не означает, что я собираюсь быть твоим преданным приятелем.

— Ох, ну пойдем. Тебе нравится вино! Мы можем взять немного вина... сходить к Армани...

— Я сегодня занят, — сообщает он. — Должен выполнить несколько поручений.

— Я поеду с тобой. Приезжай и забери меня.

Он вздыхает.

— Хорошо. Но, тебе лучше быть готовой, когда я просигналю.

— Ты подойдешь к двери, как джентльмен, — отвечаю я, прежде чем повесить трубку.

Я иду наверх переодеться, и спускаюсь обратно вниз как раз, когда раздается неприятный вой гудка его джипа.

Я сажусь на диван и расправляю складки на платье. Меня не будут вызывать наружу клаксоном автомобиля. Я жду минуту или две, ожидая услышать стук в дверь, но вместо этого слышу, как джип выезжает с подъездной дорожки. Прежде чем он уезжает, я вскакиваю и выбегаю наружу.

— Ты такой козел, — сообщаю ему я, забираясь на переднее сидение. Он морщится, демонстрируя свое недовольство.

— Я не играю с тобой в игры, Лия. Ты еще не

устала от вечных попыток выиграть?

— Неа, — отрезаю я. — Проиграв, я стану лузером.

Он качает головой и увеличивает громкость музыки, чтобы не слушать то, что я могу сказать еще. Я молча сижу и курю. Не знаю, куда мы направляемся, но я рада, что вырвалась из дома, который хранит так много воспоминаний. Мне хочется... я должна побыть без Калеба несколько часов. Вернутся к своим корням.

Я выключаю радио. К черту «Coldplay». Чем они, черт возьми, околдовали всех? Наркоманы-выпендрейники. Когда Кaleb вернется, заставлю его выбросить все их диски.

— Давай повеселимся.

Сэм устало проводит рукой по лицу.

— Я сейчас отвезу тебя домой и можешь сидеть в своем большом, пустом доме и рыдать о своей жалкой пустой жизни. Ты меня поняла?

— Боже, да ты брюзга. — я снимаю кусочек табака с языка и выбрасываю его в окно джипа.

Его слова причиняют мне боль. Сэм всегда говорит то, что думает, но прямо сейчас, мне следует взять себя в руки и доказать ему, что я хорошая.

Через десять минут мы останавливаемся на парковке возле Уолмарта. (*Примеч. Уолмарт — крупнейшая сеть магазинов розничной торговли повседневными товарами.*)

Я резко опускаю ноги, которые до того лежали на приборной панели.

— О, черт возьми, нет! Я не пойду туда!

Он пожимает плечами и выходит из машины.

— Сэм! — кричу я ему вслед. — От Уолмарта у меня чесотка.

Через несколько секунд я выбираюсь из машины и плетусь за ним. Я следую за ним в дальнюю часть магазина, где он закидывает десяток зеленых бутылок в тележку, и на бешеной скорости несется в продуктовый отдел.

— Зачем тебе столько бутылок Перье? — я наблюдаю, как он загружает бутылки в тележку, раскладывая их на дне, чтобы они не разбились.

(Примеч. Перье — французский бренд минеральной воды класса премиум. Выпускается в небольших зеленых бутылках.)

— Они для Кэмми, — отвечает он.

Я округляю глаза.

— Ты — ты... ты должен отвезти их ей?

— Да, потом мы едем к ней.

Я испуганно дергаюсь за его спиной, пока он идет к кассам.

— Ты не мог бы сначала забросить меня домой?

Последнее, чего мне хочется, это видеть лицо этой самодовольной блондинки. Сучка.

— После магазина мы едем туда. Она устраивает вечеринку, и забыла купить минералку.

— Какой хороший младший братик, — бормочу я себе под нос. Зачем я позволила ему убедить меня поехать? Мне стоило просто остаться дома, как я и хотела.

Пока бутылки двигаются по ленте конвейера, я

бросаю на нее упаковку мятных пастилок. Когда Сэм бросает на меня взгляд, я пожимаю плечами.

Все пятнадцать минут нашей поездки я напряженно сижу на сиденье. Сосу пастилку за пастилкой, пока не опустошаю всю коробку и у меня не немеет язык. Сэм отбирает у меня коробочку и широко распахивает глаза.

— С ума сошла? Это пастилки для освежения дыхания, а не шоколад.

Я засовываю руки под себя и смотрю в окно. Мы в Бока. Дом Кэмми находится в престижном, охраняемом районе. Сэм останавливается возле дома с цветочными ящиками на окнах и выскакивает из машины. Я сползаю вниз по сиденью, хотя в открытом джипе особо не спрячешься.

— Эй, — он стучит по машине с той стороны, где сижу я. — Помоги немного.

Я недоверчиво смотрю на него. Он, правда, считает, что я помогу ему отнести туда сумки? Видимо, считает. Вот дерьмо.

Он несет сумки к дому, открывает калитку, которая, я предполагаю, ведет на задний двор.

Думаю, задний двор я вытерплю.
Я выбираюсь наружу и беру пару сумок из багажника. Мне немного любопытно в честь чего вечеринка. Завернув за угол, я сразу же натываюсь на Кэмми.

Она смотрит на меня широко распахнутыми глазами и зовет Сэма. Он подбегает, держа в руках коробки.

— Что это? — спрашивает она с негодованием.
— Что здесь делает Рыжая?

Я бросаю сумки к ее ногам. Сэм роняет коробки и грозно смотрит на Кэмми.

— Калев ее бросил, — объясняет Сэм, обняв меня за плечи. — Будь милой.

— Он не бросал меня, — заверяю я Кэмми.

Кэмми упирается руками в бедра.

— Меня не волнует, кто кого бросил. Поставь эти чертовы бутылки туда, — она указывает на стол и я несу их в том направлении. Украдкой осматриваюсь по сторонам. Просторный двор. Бассейн в форме фасолины и джакузи. Мужчины

устанавливают на лужайке столы, накрывая их белыми льняными скатертями.

— Привет.

Я испуганно вздрагиваю. Возле меня стоит мужчина и держит в руках огромную акустическую колонку. Он ставит ее на стол и улыбается мне. Я неуверенно смотрю на него. Не знаю, будут ли на меня кричать, если я заговорю с ним. Кэмми немного сумасшедшая. А он привлекательный. Смуглый и темноволосый, только глаза голубые. Интересно, он часть обслуживающего персонала для вечеринки или нет.

Он протягивает мне руку и я, не подумав, пожимаю ее.

— Ну и кто тут у нас? — спрашивает он, поскольку я не называю себя. Он ухмыляется мне, словно находит меня забавной.

— Она никто. — Кэмми появляется около нас и разрывает наше рукопожатие.

— Кэмми! — упрекает ее он. Он с нежностью смотрит на нее, а затем снова переводит взгляд на меня. Ее парень? Нет. Она не во вкусе этого парня.

Кэмми зовет Сэма. Он появляется из-за угла с большим пакетом чипсов в руках.

— Отвези ее домой! — приказывает она, бросив на меня испепеляющий взгляд.

Голубоглазый мужчина склоняет голову на бок. Он смотрит на Сэма и, кажется, пытается прийти к какому-то умозаключению. Вернувшись взглядом к моему лицу, он видимо соединяет все кусочки картинки воедино. Его лицо озаряет догадка.

— Ты Лия, — изумленно произносит он. Он носит очки. Мне хочется, чтобы он снял их, чтобы я могла получше рассмотреть его глаза.

— А ты?

Он снова протягивает мне свою руку. Прежде чем я успеваю снова пожать ее, Кэмми отводит мою руку в сторону.

— Приятель, — говорит она, глядя на него. — Давай не будем играть в эту игру.

Он игнорирует ее.

— Я — Ной, — представляется он.

Меня поражает его доброта. Поражает его — О Боже! Это же муж Оливии!

Я пытаюсь взять себя в руки, чтобы не застонать вслух. Эта вечеринка в честь Оливии. Я в доме ее лучшей подруги, смотрю в лицо ее мужу. О. Боже. Мой.

— Я лучше пойду, — бормочу я, глядя на радостное лицо Ной. Кэмми энергично кивает головой. Ной отрицательно качает своей.

— Ты не выглядишь и в половину такой чокнутой, какой я представлял тебя.

Он, правда, только что это сказал?

— Оливия говорила что-то о рыжеволосой горгулье с клыками.

Я моргаю. Значит, Оливия рассказывала ему обо мне. Я задаюсь вопросом, упоминала ли она небольшой погром в ее квартире... или о том, что я выгнала ее из города... или суд? По какой-то странной причине, мне не хочется, чтобы он думал, что я плохой человек.

— Ной, — зовет Кэмми, дергая его за руку. — Не

мог бы ты не общаться с врагом? У нас есть дела.

— Она не враг, — отвечает он, не отводя от меня взгляда. — Она просто нечестно дерется, — ага, значит знает. Мне начинает казаться, что я в транс. Чтобы ни велел мне сделать этот парень, я, вероятно, сделаю это. Мать твою. *Я совершенно точно* поверю любой его лжи.

Оливия замужем за сексуальным Ганди. Не удивительно, что она любит своего мужа. Я прочищаю горло и осматриваю двор.

— Значит эта вечеринка для нее?

Где-то что-то пронзительно кричит Кэмми. Ной кивает.

— Да, ее день рождения. Это сюрприз.

Как мило. Никто не устраивал вечеринок в честь моего дня рождения. Я тяжело сглатываю и отхожу от стола.

— Было приятно с тобой познакомиться, — говорю я. — Сэм?

Через секунду он появляется возле меня, и, схватив за локоть, тащит к калитке. Я оглядываюсь

через плечо на мужа Оливии. Он возится с колонкой. Возле него стоит Кэмми и размахивает руками, без сомнения, выражая свои чувства по поводу меня, но он игнорирует ее.

Черт подери! Что есть у этой женщины, чего нет у меня? Почему такие мужчины, как Ной и мой муж, влюблены в нее?

Глава 28

Прошлое...

Ситуация на работе изменилась после того, как я обнаружила фальсификацию результатов исследований «Пренавена». Отец словно почувствовал, что я раскрыла его секрет, и теперь старался заставить меня заплатить. Неожиданно он начал уделять мне внимание, которого я всегда так жаждала. Правда, это ничем не напоминало теплую

отцовскую любовь, на которую я рассчитывала. Он был настроен враждебно и стал очень требовательным, часто оскорблял меня в присутствии персонала. Несколько раз я ловила на себе его пристальный взгляд; выражение лица было настолько злым, что у меня кружилась голова. Мне хотелось найти какую-нибудь норку, в которую я могла бы забиться, пока он не забудет о моем существовании. Безопаснее было находиться вне поля зрения. Самый важный вопрос, который интересовал меня: как он узнал?

Это Кэш. Скорее всего она. Я задала ей тысячу вопросов о ходе тестирования, требуя подробностей. Должно быть, она доложила об этом моему отцу. Но еще хуже то, как мой отец относился к ней — как к давно потерянной и недавно найденной чертовой дочери.

Каша заварилась за неделю до моего дня рождения. Отец созвал экстренное семейное собрание дома. Калев посчитал это странным, но я понимала, что происходит. Я собиралась подготовить его по пути в машине, но потом подумала, что пусть лучше сам Чарльз Остин расскажет о своем фармацевтическом мошенничестве. Тогда я смогу прикинуться дурочкой и сделать вид, что знать ничего не знаю о его махинациях.

Когда мы приехали к ним, нас уже ждали в гостинной. Я села на двухместный диванчик рядом с Калемом, который со всевозрастающим подозрением осматривал собравшихся. Он бросил на меня взгляд, желая понять в курсе ли я, но я пожала плечами. Сестра, сидевшая рядом с матерью, посмотрела на меня и внезапно на ее лице вспыхнула догадка.

— Ты беременна, да? Все из-за этого.

Я покачала головой, шокированная тем, что сестра не различает эмоциональной настрой. Ее никогда не затрагивало плохое. На какую-то секунду я испытала острую зависть, которая чуть не достигла максимальной отметки по двадцатибалльной шкале.

— Джоанна не беременна, — отмел ее предположение отец. — Боюсь, все гораздо серьезнее.

На долю секунды я задумалась, что может быть важнее ребенка. Позволит ли он когда-нибудь моему ребенку называть его дедушкой? Калем напрягся. Когда отец отпустил замечание на счет ребенка, он схватил меня за руку и сжал ее.

Заговорив, отец перевел взгляд на Калеба. Он всегда так поступает. Если в помещении есть

мужчина, то он будет смотреть только на него — даже если он при этом собирается сообщить своей жене и дочери о приближающейся кончине.

Я слушала его, сжав руку мужа, словно это единственная зацепка, не позволяющая мне сойти с ума. Несмотря на гнев, который испытывала к отцу, я надеялась, что его не ждут самые худшие неприятности. Но разве это возможно, когда скрываешь, нечто подобное?

Он рассказал нам об исследованиях и, когда перешел к фальсификации результатов, я почувствовала, что Калеб застыл. Отец закончил свой рассказ так, что меня словно в живот пнули.

— Мне предъявлено обвинение. Джоанна также под подозрением.

Калеб вскочил.

— Что? Какое отношение имеет к этому Лия?

— Ее подписи стоят на всех документах. Ни одно тестирование не проходило без ее подписи. Тоже самое касается выпуска препарата.

Я сдавленно пискнула от испуга. Калеб

посмотрел на меня, его глаза горели как два янтарных шара. Он прищурился.

— Это правда? Ты знала, что происходит?

Я покачала головой.

— Я просто подписывала то, что он велел мне подписывать. Я ничего не знала о том, какие результаты на самом деле.

Он резко повернул голову и посмотрел на моего отца.

— Вы скажете им, — он ткнул пальцем в его сторону. Не припоминаю, чтобы Калевб хоть раз в жизни тыкал в кого-нибудь пальцем.

Отец сразу же отрицательно помотал головой.

— Это ничего не изменит, Калевб.

Я почувствовала свою никчемность. Пенни. Я — просто камешек, отброшенный прочь — грязный кусочек метала, прилипший ко дну подстаканника, диванная подушка, старый кошелек и нечто среднее между сморщенной виноградиной и непонятно чьим волосом под холодильником — вот кто я. Для него я не представляю ценности, кроме тех случаев, когда

он может использовать меня в случае, если результаты его не устраивают.

Черт. Чертчертчерт.

Голос Калеба звучал так, словно твердый камень измельчается в гальку. Я не могла понять, что он говорит, пока не стало слишком поздно. Я услышала слова *«Она же ваша дочь»*, как раз перед тем, как он рванулся вперед. Я увидела, как по лицу отца прошла дрожь ужаса, когда мой красивый, светловолосый муж нанес удар кулаком, который одобрил бы кивком сам Тайсон. Моя сестра и мать закричали. Я закрыла уши руками. Вы бы, наверное, подумали, что они никогда не видели, как человека ставят на место. Мне хотелось, чтобы Калев ударил его еще раз, в основном за то, что он не любил меня, но также, потому что я официально по уши в дерьме.

— Калев! — я схватила его и потянула назад. Он по-прежнему стоял лицом к отцу, словно хотел ударить его еще раз. — Пойдем. Я хочу уйти.

Калев выглядел пугающе. Серьезно. Лучше поместите меня в комнату с сотней голодных горных львов, чем в комнату с Калевом в таком состоянии.

Он схватил меня за руку. Мой отец, великий

Чарльз Остин Смит рухнул на спину на кушетку, из-под пальцев, прикрывающих нос, текла кровь, а лицо побагровело. Прежде чем мы ушли, я остановилась. Я дышала так же часто, как билось мое сердце. Кaleb вопросительно на меня посмотрел, но я покачала головой. Я посмотрела на свою семью. Все трое вместе сгрудились над лицом отца, по которому текла кровь. Глаза матери распахнуты в ужасе, пока она пытается промокнуть кровь с помощью салфетки из-под стакана со спиртным. Сестра плачет и неустанно повторяет «*папочка*». Я чувствовала себя отторгнутой и испуганной, пока смотрела. Впервые мне не хотелось иметь к ним никакого отношения. Мне не хотелось быть частью их кровоточащего съездившегося трио.

— Папочка? — он поднял голову, и я увидела, как его налитые кровью глаза нашли меня. Сестра и мать прекратили завывать и тоже обратили на меня внимание. — Папочка, — повторила я. — Я больше никогда не назову так тебя снова. Тебе скорее всего все равно, и это нормально, потому что мне тоже. Лучше я буду незаконнорожденной дочерью проститутки, чем твоей кровью и плотью.

Кaleb сжал мою руку, и мы ушли.

А через два дня отец умер.

Глава 29

Настоящее...

Я разыскала Кэмми на Фейсбуке. Клянусь, глупые блондинки только и делают, что выкладывают фотографии своего ланча. Ненавижу это. Я надеюсь обнаружить на фотографиях Калеба или эту шлюху Оливию. Захожу на свой редко используемый аккаунт и ввожу в поиске имя Кэмми. Мне хочется увидеть, разместила ли она фотографии со дня рождения Оливии. Нужно выяснить присутствовал ли там Калев. *Это глупо*, твержу я себе. Оливия замужем за сексуальным Ганди. Не может такого быть, чтобы Калев был приглашен. Но я все равно просматриваю все фотографии, пытаюсь обнаружить на них его руки или ноги, или волосы. Но я вижу только фотографии Оливии. Кто-то сделал снимок момента, когда она пришла на вечеринку-сюрприз. Ее рот приоткрыт, и, если не

знать ее лучше, то можно подумать, что кто-то наставил на нее ружье, а не кричит «С днем рождения»! На ней узкие джинсы и топ без бретелей. Я фыркаю, пока перелистываю фотографии. Оливия обнимает Ноя, Оливия смеется с Кэмми, Оливия задувает свечи на пирамиде из капкейков, Оливия стреляет в кого-то из водяного пистолета, Оливию сталкивают в бассейн...

На самой последней фотографии Оливия открывает подарок. Она сидит на стуле, на ее коленях лежит открытая коробка. Выражение ее лица, какое угодно, но не счастливое. Ее брови сведены вместе, а губы скривились в знаменитой хмурой улыбке. Я смотрю на коробку, пытаюсь разглядеть, что в ней, но мне удастся увидеть только фольгу голубого цвета. Кэмми подписала фотографию: «Не догадываешься от кого это? Признавайся или не получишь открытку».

Я с подозрением изучаю коробку. Что же там внутри, что у нее такое перепуганное выражение лица? Я продолжаю листать фотографии дальше, но ни на одной из них Оливии нет. словно она испарилась после того, как открыла подарок. Я забрасываю в рот пригоршню замороженных мини-морковок. Откатившись на стуле от стола, я отправляюсь на поиски Сэма и обнаруживаю его в

детской, где он складывает белье. Кaleb забрал ребенка, но Сэм все равно приходит, чтобы помогать мне.

— Ты ведь был на той вечеринке?

— Какой вечеринке? — он открывает комод, складывает туда стопку ползунков и закрывает его, даже не взглянув на меня.

— Вечеринке в честь Оливии, Сэм, — он переводит взгляд с моих скрещенных рук на мою ногу, которой я нервно постукиваю по полу.

— Я не собираюсь подкармливать твои склонности к преследованию.

— Что было в голубой коробке, которую открыла Оливия?

Сэм смотрит мне в глаза.

— Как ты узнала об этом?

— Я посетила... эм...Фейсбук.

Сэм изумленно качает головой.

— Я не знаю. Коробка была без открытки. Она

только заглянула в эту штучку и убежала в дом. Я больше не видел ее после этого. Думаю, Ной увез ее домой.

— А что случилось с коробкой? — почему меня это так интересует?

— Думаю, Кэмми забрала ее.

Я хватаю его за руку.

— Спроси у нее.

Он выворачивается из моей хватки, на лбу у него образуются три глубокие морщины. Я указываю на его лоб.

— Тебе действительно стоит задуматься о Ботоксе.

— Я не собираюсь раскапывать для тебя информацию ради навязчивой идеи о подарке Оливии.

— У меня вовсе не навязчивая идея касательно нее, — возражаю я. — Я просто хочу выяснить, что ее так расстроило.

— Разве ты и Нэнси не достаточно критиковали

Оливию?

Я морщу нос. Разве может наступить такой момент, когда будет достаточно критики в адрес Оливии? Этой женщине следует носить на спине знак, на котором написано: «Голодранка, Воровка Парней».

— Говори что хочешь, Сэм, но ведь она не пыталась разрушить твою жизнь.

Я направляюсь в гостиную, когда слышу слова, которые он выкрикнул мне в след.

— Судя по тому, что я слышал, она спасла твою.

Я резко разворачиваюсь и бросаю на него мрачный взгляд. Поверить не могу, что он только что сказал это. Меня тошнит, просто тошнит от того, что меня вынуждают чувствовать благодарность к этой хитрой сучке за то, с чем справился бы любой. Я могла нанять любого адвоката, которого захотела бы. Оливию мне навязали.

— Тебе Кэмми это рассказала?

Он убирает последнюю чистую бутылочку в шкаф и смотрит на меня.

— Так это правда случилось? Она взялась тебя защищать и выиграла дело?

— Ради всего святого! Это ее работа.

— Почему она взялась за твое дело?

Я итак бледная, но когда кто-нибудь задает мне этот вопрос, например, моя мать, сестра, друзья....я чувствую, как кровь полностью отливает от щек. Почему она согласилась взяться за мое дело? Потому что Калев попросил ее. Почему Калев попросил ее? Сначала, я думала, что причина в том, что она солгала ему. Он заставил ее защищать его жену, надавив на чувство вины, чтобы заставить ее заплатить за то, что она ввела его в заблуждение. Но затем я перехватила один взгляд. Просто взгляд. Как долго вообще может длиться взгляд? Он может длиться секунду, чертову безопасную секунду, и при этом рассказать длинную запутанную историю. В одном взгляде длиной в секунду можно прочесть историю длиной в три года. Можно также увидеть желание. Я не знала этого, пока не увидела своими глазами. Лучше бы я никогда не видела этого. Не хочу больше никогда видеть взгляд, которым обмениваются два человека, у которых есть своя история.

— Мне кажется, что ты благосклонна преимущественно не к тем, к кому следовало бы.

— Что ты имеешь в виду? — выпаливаю я.

— О, не знаю. Ты всегда любила своего отца, хотя он, очевидно, относился к тебе, как к куску дерьма, а затем ты отшвырнула собственного ребенка в сторону, так словно от нее тебе одни неприятности.

Я оставляю его обвинение без внимания.

— До конца дня можешь быть свободен.

Сэм приподнимает брови.

— Тогда увидимся в понедельник.

Я не провожаю его, когда он уходит. Вместо этого иду проверить Эстеллу и затем понимаю, что ее нет. Последнее время я часто делаю это, ожидая, услышать или увидеть ее, когда вхожу в детскую. Но я не испытываю облегчения, что ее нет, как несколько месяцев тому назад. Я чувствую....

А что я чувствую? Ненавижу это все. Я определенно не хочу думать о своих чувствах.

Направляюсь к холодильнику и вытаскиваю

пакет с фасолью. Несколько секунд я взвешиваю пакет в руке, а затем неожиданно швыряю его обратно, так, будто швыряю копье.

Схватив ключи от машины с крючка на кухне, бегом бегу в гараж. В гараже стоит моя быстрая машинка: вишнево-красный кабриолет с откидным верхом, который познал столько часов веселья до появления ребенка. Я хлопаю его по крыше, перед тем как сесть внутрь. Затем я проезжаю мимо автомобиля для мамочек, мимо почтовых ящиков и еду вниз по улице.

Остановившись на парковке возле супермаркета, я чувствую себя потерянной. Потерянной и очень злой. Быстрым шагом вхожу внутрь, не теряя ни минуты, хватаю корзинку и направляюсь в кондитерский отдел. Я опустошаю полку с изюмом в шоколаде и добавляю в корзинку пригоршню Твизлерс. (*Примеч. Твизлерс — лакричные конфеты с различными вкусами.*) Когда я выкладываю все это на ленту на кассе, парнишка, который должен обслужить меня, смотрит на меня, широко раскрыв глаза.

— Это все —

— Это все, — выкрикиваю я. — Если только вы

не хотите продать мне новую жизнь.

Он все еще с удивлением смотрит на меня, когда я хватаю свои покупки и бегу к машине.

Первое, что я делаю, когда возвращаюсь домой — освобождаю морозилку от овощей. Вскрываю пакет за пакетом и высыпаю разноцветные маленькие зернышки в мусорное ведро. Я напеваю что-то в процессе. Затем делаю глоток водки прямо из бутылки, сбрасываю туфли и открываю коробку изюма с шоколадом. И все катится по наклонной с этого момента. Я открываю коробки и ем, пока меня не начинается тошнить. В два часа ночи я звоню Калебу. Когда он, наконец, отвечает, его голос звучит невнятно.

Никакого кормления в два часа ночи, думаю.
Счастливчик.

— Что ты хочешь, Лия, — спрашивает он.

— Хочу обратно своего ребенка, — я жую Твиззлерс и жду.

Он молчит секунд десять.

— Зачем?

Я фыркаю.

— Потому что, хочу, чтобы она знала, что есть конфеты в порядке вещей.

— Что? — его голос звучит отрывисто.

— Не «чтокай». Верни мне ребенка. Завтра же утром, — и я вешаю трубку.

Хочу своего чертового ребенка. *Хочу* своего ребенка.

Глава 30

Прошлое...

Суд оказался самым невероятным событием в моей жизни не только потому, что моим адвокатом стала бывшая девушка моего мужа, но и потому, что меня еще никогда ни в чем не обвиняли. Впервые в

жизни у меня были настоящие проблемы.

Я не соглашалась с тем, что Оливия будет моим адвокатом. Боролась, пока Калеб не спросил меня в лоб:

— Ты хочешь выиграть или нет?

— Почему ты так уверен, что она выиграет это дело? И почему ты думаешь, что она захочет? Забыл, как она притворялась, что не знакома с тобой, когда ты потерял память?

Она хочет тебя вернуть — она вполне может проиграть намеренно.

— Я знаю ее, — ответил он. — Она будет бороться изо всех сил... особенно, если ее попрошу я.

Вот и все. Вопрос закрыт. Не решена только моя проблема. Она как стеклянное новогоднее украшение в руках моей основной соперницы. Я вынуждена доверять ему, доверяя ей, больше некому. Обычно отец вытаскивал меня из неприятностей, но в этот раз, я попала в неприятности из-за него, а он взял и умер от сердечного приступа.

Я не доверяла ей. Она огрызалась на меня.

Считается, что адвокаты должны подбадривать клиентов — даже если им приходится лгать о шансах на победу. Оливия же избрала единственной целью своей жизни заставить меня поверить, что я иду ко дну. Я замечала, что когда мой муж оказывался рядом, она становилась угрюмой и напряженной. Даже когда он обращался с вопросом непосредственно к ней, она притворялась, что занята чем-то и не смотрела на него, когда отвечала.

Я ненавидела ее. Ненавидела каждый день в течение всего года, который ей понадобился, чтобы с меня сняли все обвинения. За весь год был только один день, когда я не испытывала к ней ненависти.

День, когда она вызвала меня давать показания, стал худшим в моей жизни. Все были против — считали, что из-за этого мы проиграем дело.

Все в фирме единогласно советовали ей позволить мне свидетельствовать против себя. Но Оливия отвергала все советы, пока готовила меня к даче показаний. Я замечала взгляды, которыми обменивались на мой счет. Даже когда старший юрист Берни подошла к ней, Оливия послала ее.

— Черт побери, Берни! Она справится с этим, — сказала она. — Я веду это дело и хочу, чтобы она

давала показания.

Я была в ужасе. Моя судьба в руках злой, коварной женщины. Я не могла решить, это хорошо или плохо, была убеждена, что она специально пытается проиграть дело. Я поделилась с Калемом свое точкой зрения, когда он просматривал почту в кухне. Он даже не взглянул на меня.

— Делай, что она говорит.

Что?

— Что ты имеешь в виду под «делай, что она говорит»? Ты даже не слушаешь меня.

Он отложил письма и подошел к холодильнику.

— Я слышу тебя, Лия.

— Я ей не доверяю.

Он достал пиво и повернулся ко мне, но по-прежнему не смотрел на меня.

— А я доверяю.

И все. Мой единственный союзник — женщина, которой гораздо выгоднее, чтобы меня засадили за

решетку.

Она натаскивала меня для дачи показаний, задавала вопросы, которые будет задавать обвинение. Задавала свои собственные вопросы, кричала на меня, когда я вела себя нервно, материлась, когда я запинаясь в ответах. Она была сурова и нестигаема, но некая часть меня это ценила. Маленькая-премаленькая часть меня — в целом же я ненавижу эту суку и хочу, чтоб она сдохла. Но я доверяла Калебу, а он доверял Оливии. Я либо с треском провалюсь, либо выйду из здания суда свободной женщиной.

В день дачи показаний я была одета в невзрачную одежду. Я надела то, что Оливия принесла мне: платье с узором из нежных персиков и сирени, волосы я собрала в хвост, а в уши вдела жемчужные сережки-гвоздики. Надевая их, я задалась вопросом, принадлежали ли они ей. Жемчужины были поддельными, так что, скорее всего да. У меня дрожали руки, пока я разглаживала платье и разглядывала себя в зеркале. Я выглядела уязвимой. Чувствовала себя уязвимой. Может быть, в этом заключается ее план. Калев сказал, что доверяет ей.

Я пыталась поймать ее взгляд, когда села на

скамью и сложила руки на внезапно ослабших коленях. За все недели подготовки я научилась понимать ее по глазам. Я знаю, что, если они распахнуты, а брови слегка приподняты, значит, у меня хорошо получается.

А если она смотрит, будто сквозь меня, значит, мысленно ругает меня и мне нужно поскорее изменить тактику. Мне было противно, что я изучила ее так хорошо. Я одновременно ненавидела и была благодарна за то, что знаю ее так хорошо. Мне всегда было интересно, умеет ли Калевб понимать ее по глазам, так же, как и я. Вероятно. Не знаю, что хуже — уметь понимать Оливию по глазам или чувствовать гордость за то, что умею это делать.

Она встала передо мной вместо того, чтобы ходить туда-сюда, как обычно это делают в фильмах, и выглядела расслабленной в своем светло-коричневом костюме. На ней было яркое, синеголубое ожерелье, от чего ее глаза светились.

Я вздохнула и ответила на ее первый вопрос.

— Я проработала в OPI Gem три года.

— И какую вы занимали должность?

Я посмотрела на ожерелье, перевела взгляд на ее глаза, обратно на ожерелье, затем снова на глаза...

Это был не совсем синий цвет. Что же это за оттенок?

— Я занимала должность вице-президента по внутренним делам компании...

И так целых сорок минут. Ближе к концу, она начала задавать мне вопросы, от которых я вся вспотела. Вопросы о моем отце. Мама сидела рядом с Каледом. Она пристально смотрела на меня, сжав ладони под подбородком наподобие молчаливой молитвы. Я знала, что это предупреждение.

Не унижай свою семью, Лия. Не рассказывай им, откуда ты пришла. Молилась богам дурно ведущих, внебрачных, облажавшихся дочерей.

Оливия не хотела, чтобы она приходила из страха, что мать запугает меня, и я не расскажу правду. Но, она настояла и пришла.

— Какими были ваши отношения с отцом вне работы, миссис Смит?

Мать опустила голову вниз, так что ее

подбородок коснулся груди. Моя сестра заправила пряди волос за уши и искоса посмотрела на мать. Кaleb стиснул зубы и смотрел в пол. Боги внебрачных облажавшихся дочерей метали громы и молнии в облаках.

Подавив слезы, я выпрямилась — эти ненавистные слезы демонстрируют мою слабость.

Я вспомнила, что Оливия сказала мне, когда мы спорили по некоторым ее вопросам всего неделю назад. Я сказала ей, что не собираюсь чернить имя своего отца со скамьи для дачи показаний. Ее лицо посерело, а крошечные ладошки сжались в кулачки.

— Где он, Лия? Он, мать его, втянул тебя в неприятности и умер! Ты говоришь правду или отправляешь в тюрьму.

Затем она подошла ближе ко мне и шепотом, чтобы никто не услышал, сказала:

— Используй свой гнев. Вспомни свои ощущения, когда ты уничтожала мои вещи, после того как я пыталась у тебя кое-что украсть. Если ты проиграешь это дело, я могу снова забрать его у тебя.

И этот трюк сработал. Я была так зла, отвечая на

все ее вопросы — даже на самые трудные. Весь оставшийся день на ее лице светилось самодовольное выражение.

Теперь мне снова следует разозлиться. Я представила ее с Каледом. Большого не потребовалось.

Она повторила свой вопрос:

— Лия, какими были ваши отношения с отцом вне работы?

— Между нами не было никаких отношений. Мы общались только на работе. Дома я для него была чем-то вроде помехи.

После этих слов все пошло по наклонной.

— Ваш отец славился тем, что никогда не нанимал на работу никого из родни, верно?

— Да, — ответила я. — Я первая, кого он нанял.

Я отважилась взглянуть на мать. Она не смотрела на меня.

Вступительная речь Оливии также включала в себя эту информацию. Она стояла перед присяжными, сложив руки за спиной, словно предупреждала их, что обвинение, собирается

представить меня хитрой, манипулирующей особой, но на самом деле я просто пешка в отчаянном плане своего отца спасти свою компанию от банкротства.

— Он использовал и манипулировал собственной дочерью ради финансовой выгоды, — заявила она.

После этих ее слов я уже не могла сдерживать свои тщательно контролируемые эмоции и сразу же разрыдалась.

Она кашлянула, возвращая меня к реальности.

— Ваш отец просил вас подписать документы, не просматривая их?

— Да.

— Что он обычно говорил, чтобы не дать вам просмотреть документы?

Обвинение выдвинуло протест. Оливия перефразировала вопрос.

— Как обычно вы подписывали документы для отца?

— Он говорил, что подпись нужна ему срочно и

оставался в кабинете, пока я подписывала все.

— Вы когда-нибудь говорили отцу, что вам неудобно подписывать документы, не читая их?

Еще одно возражение. Задавайте наводящие вопросы.

Оливия казалась раздраженной. Судья отклонил протест. Она повторила вопрос, выгнув одну бровь. Я не хотела отвечать на этот вопрос. Ответив, я буду выглядеть безответственной и глупой. *Лучше глупой, чем сесть в тюрьму*, рявкнула Оливия, когда я вчера озвучила свои сомнения. Я проглотила гордость.

— Нет.

Я поерзала на скамье, стрельнув взглядом в сторону Калеба, чтобы увидеть его реакцию. Он бесстрастно смотрел на меня.

— Значит, вы просто подписывали документы? Документы, которые могли выпустить смертельное лекарство на рынок и убили троих человек?

Я открыла и закрыла рот. Этого мы не репетировали. Я была на грани слез.

— Да, — произнесла я.

— Я хотела угодить ему, — сказала я тихо.

— Простите, миссис Смит, вы не могли бы говорить громче, чтобы присяжные слышали вас.

Ее глаза сияли как ее чертово ожерелье.

— Я хотела угодить ему, — громко повторила я.

Она повернулась к присяжным, чтобы они увидели выражение ее лица, гласящее *«Вау, это очень важно»*.

К тому времени, как Оливия заняла свое место, мама прикрывала рот рукой и плакала.

Вероятно, она больше никогда со мной не заговорит. По крайней мере, у меня остается моя сестра. Она папина любимица, но она знала о натянутых отношениях между мной и отцом. Когда я закончила давать показания, я поймала взгляд своего адвоката. Ее глаза больше не сияли, теперь они казались уставшими. Я поняла, что, наверное, очень тяжело делать то, что она только что сделала — особенно, если ей хотелось, чтобы я очутилась за решеткой и она могла получить моего мужа.

Ожесточенно, она вела себя так ожесточенно. Вероятно, она стала таким хорошим борцом, благодаря тому, что в прошлом она была голодранкой. Я посмотрела на нее, чтобы проверить одобряет ли она мой ответ. Она явно одобряла. На секунду, нет, даже на долю секунды мне захотелось обнять ее. Затем это чувство прошло, и я снова хотела, чтобы она сдохла и гнила в земле.

Мне хотелось позлорадствовать после того, как я выиграла суд. Хотелось, чтобы она знала, что он мой, и всегда будет моим. Она должна знать. Мы праздновали победу в ресторане. Оливия приехала поздно. Честно, я даже не знаю, зачем она пришла. В чем бы она ни была виновата перед Калемом, она свою вину искупила. Она выиграла мне свободу, и я была безумно рада, что наши пути разошлись — я была уверена, что никогда ее больше не увижу. Но, тем не менее, она здесь, на моем празднике победы, бродит в своем коротком платье и туфлях на каблуках.

Я направилась к ней, намереваясь выразить свое неудовольствие ее присутствием здесь. Я бросила взгляд на Калеба, который был чем-то занят в другом конце комнаты. Мне не хотелось, чтобы он видел, как я с ней разговариваю. Мне хотелось, чтобы она ушла, прежде чем он увидит, что она приходила.

Когда она заметила, что я иду к ней, улыбка исчезла с ее лица. Следует отдать ей должное — сучка выглядела экзотично.

В руке она держала бокал шампанского и, когда я подошла, она вопросительно приподняла бровь и скривила губы. Она свысока посмотрела на меня. Я привыкла к этому во время суда, но сегодня это взбесило меня. Сегодня мой день... и Калеба.

Я и слова не успела сказать, как она взглянула на меня и сказала:

— Возвращайся к мужу, пока он не осознал, что все еще влюблен в меня.

Я испытала шок.

Почему

Она

Так

Думает?

Это неправда. Она одержима им. Кто может винить ее? Я посмотрела на Калеба. Он все, что мне нужно. Он защищает меня. Уважает. Он

единственный мужчина, который пообещал, что никогда не причинит мне боль.

Он рассмеялся над чем-то, что сказал кто-то из тех, с кем он общался. Мое сердце словно набухло от одного его вида. Оливия устала бороться за него, и теперь он весь мой.

Я посмотрела на своего Калеба, уверенная в это мгновение, что между нами сильная связь, что мы пара. Он, казалось, почувствовал на себе мой взгляд. Я ощутила, как в животе запорхали бабочки, только от того, что он посмотрел на меня. Улыбнулась. Мы обменивались подобными интимными взглядами еще в суде. Когда мне было страшно, я смотрела на него, он встречался со мной глазами, и мне сразу же становилось легче. Но в этот раз все было иначе. Я ощутила замешательство. Стены комнаты будто сжались.

Трепетание крылышек умерло. Он смотрел не на меня.

Так же внезапно, как он посмотрел на нее, улыбка на его лице исчезла. Я видела, как его грудь поднимается и опадает под пиджаком, как будто он делает глубокие вдохи. За эти пять секунд я проследила, как все мысли Калеба отразились на его

лице, словно кто-то сделал тысячи маленьких надрезов и все чувства одновременно просочились наружу: тоска, любовь, вера. Я повернулась, чтобы посмотреть, куда он смотрит, хотя знала, что лучше не делать этого. Но, как я могла не посмотреть? Ответ оказался слишком очевиден для меня. Мне захотелось закрыть глаза и раствориться под покровом темноты. Он смотрел на Оливию. Я чувствовала себя так, словно он столкнул меня с самого высокого здания. Чувствовала себя уничтоженной. Каждая клеточка меня уничтожена. Лгунья. Воровка. Мне хотелось прямо там, свалиться на пол, признавая свое поражение. Снова и снова умирать. Умереть и забрать Оливию с собой. Умереть.

Я уже открыла рот, чтобы закричать на нее. Наградить ее всеми оскорблениями и прозвищами, повстречавшимися на моем пути за двадцать девять лет. Все они вертелись на кончике языка, готовые обрушиться на нее. Я собиралась выплеснуть шампанское ей в лицо и выцарапать ее глаза, пока не потечет кровь. Пока Кaleb не посчитает ее такой уродливой и искалеченной, что больше никогда не посмотрит на нее.

И тогда она ошеломила меня. Ее рука задрожала, будто она больше не могла удерживать изящный

бокал, и она поставила его на столик. Затем она опустила голову и, прижав подбородок к груди, ушла.

Я вздохнула — это был глубокий, удовлетворенный вздох — и пошла к Калебу. Мой. Он мой. Только так и не иначе.

Глава 31

Настоящее...

Я раскачиваюсь из стороны в сторону после разговора с Калемом по телефону. Что со мной не так? Как я могла поклоняться земле, по которой ходил мой отец после всех этих лет пренебрежения? Я кажусь себе жалкой. Ненавижу себя за это, но знаю, что сделала бы так снова. И этот ребенок — она мой единственный кровный родственник, а я делаю все, чтобы держаться от нее подальше. Она не сделала ничего плохого. Что я за человек, если отдаляюсь от собственного ребенка?

Как изюм в шоколаде смог внести такую ясность в мои мысли? Конечно же, это не изюм в шоколаде. Я прекрасно понимаю это. Об этом мне говорил Сэм, что-то о том, что я дарю преданность не тем людям. Единственный человек, на самом деле заслуживающий моей преданности — маленькая девочка, которая росла у меня в животе. Но все равно, я не могу собрать воедино правильные чувства к ней. Я открываю ноутбук и ищу в интернете информацию по постродовой депрессии. Читаю о симптомах, кивая сама себе. Да, наверняка, у меня депрессия. Не может быть, чтобы я была настолько плохим человеком. Мне нужно начать принимать лекарства. Со мной определено что-то не так.

Утром Калеб привез мне мою девочку. Я прижимаю ее к груди и, уткнувшись носом в ее головку, делаю глубокий вдох. Он стянул копну ее рыжих волос розовой лентой. Посмотрев на ее клетчатое платье, я бросаю на него неодобрительный взгляд.

— Зачем ты одеваешь ее как Мэри Поппинс? — спрашиваю я кисло. Он ставит сумку с ее памперсами и детское кресло у двери, и собирается уходить.

— Калеб! — кричу я ему. — Останься. Пообедай

с нами.

— У меня есть дела, Лия, — он замечает разочарование на моем лице и продолжает уже более мягко. — Может быть в другой раз, да?

Я чувствую себя так, будто кто-то протянул руку и залепил мне пощечину. Не из-за его реакции на предложение пообедать, а из-за этого простого «да?» в конце его предложения. Это «да» — неприятное воспоминание, засевшее в недрах моей памяти. Я вспоминаю Кортни и то лето, которое она провела в Европе. Она вернулась и стала разговаривать так, словно она урождённая англичанка.

Пойдем завтра в торговый центр, да?

Та блузка, которую ты одолжила у меня, все еще у тебя, да?

Ты худшая сестра в мире, да?

Я и, правда, худшая сестра в мире. Кортни, которая всегда защищала меня, всегда напоминала родителям, что я живой человек ... где моя преданность Кортни? Я не навещала ее с...

Я захлопываю дверь ногой и несу Эстеллу в

детскую. Снимаю с нее платье Мэри Поппинс. Она пускает пузыри и дергает ножками, будто рада освободиться от него.

— Ага, — воркую я. — Если позволишь папе одевать тебя так в средней школе, то вряд ли у тебя получится завести друзей..

Она улыбается.

Я зову Сэма. Слышу его тяжелые шаги, пока он быстро взлетает по лестнице.

— Чт...? — с трудом говорит он, задыхаясь. — Она дышит?

— Она улыбается! — я хлопаю в ладоши.

Он заглядывает мне через плечо.

— Она уже давно умеет улыбаться.

— Но раньше она улыбалась не мне, — возражаю я.

Он смотрит на меня так, будто у меня выросла вторая голова.

— Вау, — говорит он. — Вау. У тебя появилось

сердце, и для этого понадобилось всего семь коробок изюма в шоколаде.

Я краснею.

— Как ты узнал?

— Ну, начнем с того, что я вынес утром мусор. И они все валялись на полу.

Я молчу и одеваю Эстеллу в более модный наряд. Похоже, что я одеваю осьминога — все ее конечности двигаются одновременно. Раздумываю, не рассказать ли Сэму, что именно его слова немного привели меня в чувство, но решаю не делать этого. Вместо этого рассказываю ему про Кортни.

— Сэм, у меня есть сестра.

Он приподнимает бровь.

— Отлично. У меня тоже...

— Я серьезно, Сэм! — взмахом руки он предлагает мне продолжать.

Я расчесываю волосы Эстелле.

— Я очень давно ее не видела. Она даже ни разу

не видела Эстеллу. Как думаешь, может это быть связано с моим... послеродовым периодом? — я осторожно произнесла последнее слово, наблюдая за ним краем глаза, чтобы увидеть его реакцию.

— Я не врач.

— Пока что, — уточняю я.

— Пока что, — улыбается он. — Но все возможно. Ты довольно неприятное человеческое существо.

Я игнорирую его и продолжаю расчесывать Эстелле волосы.

— Так возьми Эстеллу и поезжай с ней повидаться, — предлагает он, наконец.

— Да, — соглашаюсь я. — Поедешь со мной?

— Не понимаю, зачем...

— Хорошо, отлично. Собирай вещи. Кроме того я хочу, чтобы ты назначил мне встречу с гинекологом. Мне нужны лекарства.

— Я не твой секретарь. Мы это уже обсуждали.

— Постарайся договориться на вторник.

Я выхожу из комнаты.

— Лия, — зовет он меня. — Твой ребенок...

— О, да, — я возвращаюсь за Эстеллой и беру ее на руки.

Она выглядит такой милой.

— Мы поедem в гости к твоей тетушке, — сообщаю ей я.

Мы не едем к Кортни, так как звонит Кэш. Обычно я не отвечаю на ее звонки. Или ее письма... или сообщения на Фэйсбуке. Но так как я решила изменить свою жизнь, я отвечаю на звонок, когда вижу на экране телефона ее имя.

— Чего ты хочешь, Кэш?

— О, ты ответила!

— Ты бы предпочла, чтобы я не отвечала?

Пауза. Полагаю, она пытается подобрать слова. Одному только Богу известно, как она копила их в течение двух лет.

— Лия, мне так жаль, — произносит она. Я слышу, как она всхлипывает и задаюсь вопросом, плачет ли она.

— Кто бы сомневался, — рывкаю я. — Ты обманщица.

— Я лишь делала то, что он просил, — говорит она.

— Кортни — моя сестра, — отвечаю я твердо. — И я сделаю все, чтобы защитить ее.

— Об этом я и хотела с тобой поговорить.

Свободной рукой обхватываю себя за талию. Неожиданно чувствую себя беззащитной. Почему эта женщина считает, что имеет право разговаривать со мной о *моей* сестре?

— Я пыталась увидеться с ней. Они не...

— Держись подальше от Кортни, — отвечаю я.
— Она не желает видеть тебя.

Я слышу рыдание Кэш и ощущаю острый укол жалости. Может быть, я разговаривала с ней слишком резко. Интересно, что бы сказала ей Кортни.

— Я должна сказать ей, что сожалею. Я должна...

Я прервала ее.

— Мне пора идти. Больше никогда не звони мне, Кэш. Я серьезно.

Сбросив звонок, я сразу же иду к гардеробной и вытаскиваю фотографию зонтика Кортни. Прижав ее к груди, я жую нижнюю губу. Как я могла так долго быть вдали от нее? Что со мной не так? Мы были так близки.

Я начинаю смеяться, сначала прикрывая рот ладонью, стараюсь приглушить звуки, напоминающие о гиенах. Но у меня не получается контролировать себя. Смех вырывается из меня и становится все громче. Самое простое, что я делала за весь день. Когда в проеме моей гардеробной появляется Сэм, я резко прекращаю смеяться.

— Ничего.

Я расправляю плечи и прячу картину, пока он ее не увидел.

Глава 32

Прошное...

Он бросил меня после суда. Не сразу же, конечно. Мы прожили три месяца в молчании и я поняла, что значит состоять в браке и при этом быть совершенно одинокой. Кaleb почти сразу вернулся к работе, а я в основном сидела дома в одиночестве. Бродила по дому и смотрела дневные передачи по телевизору, чувствуя депрессию. Мне казалось, что после суда все вернется на круги своя, я не ожидала, что окажусь без работы, а мое на шумевшее дело запятнает мое имя, не смотря на то, что меня признали невиновной. Компанию отца ликвидировали. Оставшиеся деньги использовали на выплату компенсаций семьям пострадавших и на оплату услуг моего адвоката. Настроение Калеба было переменчивым. Он больше не обращал на меня внимание. Я решила, что виной всему стресс,

полученный в суде, и предложила отправиться вместе в отпуск. На что он ответил, что уже итак брал достаточно отгулов на работе из-за суда. Тогда я предложила отправиться к консультанту по вопросам брака, а он предложил пожить раздельно.

В голове звучало только одно имя, снова и снова. Оливия. Все громче и громче, и громче.

Она вбила клин между нами. Снова. Словно какая-то болезнь, которая возвращается из года в год, заражая все на своем пути.

Кaleb сильно похудел в первый месяц после суда. Я переживала, что он заболел. Заставила его пойти к врачу, но анализы крови были в норме. С ним все было в порядке. И тем не менее, что-то определенно было не так. Он почти не улыбался, крайней редко разговаривал. Будучи дома он закрывался у себя в кабине и в одиночестве часами сидел там. Когда я спросила его, что он там делает, он увильнул от ответа.

— Я не всегда могу быть идеальным, Лия. У меня тоже случаются неудачные дни.

Что он имеет в виду? У него бывают неудачные дни, но он мне о них ничего не рассказывает? Я

попыталась вспомнить, когда последний раз у Калеба случился неудачный день и не смогла. Он всегда улыбался, поддразнивал и подбадривал. Разве это не означает, что у него не бывает неудачных дней? Или он просто скрывал их от меня? Не хочу думать об этом. Вообще не хочу думать.

— Почему ты ничего не ешь? —
поинтересовалась я.

— Нет аппетита.

— Ты слишком загружен. Давай уедем на пару дней.

— Не могу, — ответил он, не глядя на меня. —
Может в следующем месяце.

В следующем месяце я спросила снова. Он снова отказался. Это уже не просто парочка «неудачных дней».

В итоге, мне это надоело, и я договорилась пообедать с его матерью. Если кто и знает, как справиться с Калемом, так это Люка.

Или, может быть, Оливия...

Нет, я не отдам ей его. Она обладает какой-то

властью над ним, не спорю, но последние пять лет он принадлежит мне. Это я знаю какой он. Я!

Люка опоздала на обед на десять минут. Когда она изящно присела на стул напротив меня, я уже пила свой второй бокал вина. Крайне редко нам удавалось найти свободное время, чтобы встретиться. Мы сделали заказ и минут десять болтали о пустяках, а затем она посмотрела мне прямо в глаза, словно догадывалась, что что-то произошло.

— Так что случилось? Расскажи мне....

Я избегала взгляда ее пронзительных, голубых глаз и сосредоточенно грызла ноготь.

— Кaleb, — призналась я. — После суда, он ... изменился.

Она сделала глоток своего напитка.

— Изменился?

В ее голосе я уловила резкие нотки. Мне следует быть осторожнее, когда я говорю о нем. Мне нужно добиться ее сочувствия, а не того, чтобы она накинулась на меня за то, что я критикую ее сына.

— Он ведет себя отстраненно, будто больше не хочет быть со мной.

Она барабанила ногтями по столу и изучала меня.

— Ты обсуждала это со своей матерью?

Я отрицательно покачала головой.

— У нас довольно натянутые отношения. К тому же, она дает ужасные советы.

Люка кивнула. Ей всегда было плевать на мою мать. Как-то раз Калев даже рассказал мне, что она считает мою мать холодной и неприступной.

— Ты что-то знаешь, Люка? Он тебе что-нибудь говорил?

Она похлопала меня по руке.

— Нет, милая, не говорил. Но однажды он уже был таким, помнишь?

Я помнила. Это было во время амнезии.

Я медленно кивнула, не совсем понимая, к чему она клонит.

— Ты вернула его, — объяснила она. — Можешь сделать это снова?

У нее такие же глаза, как у Калеба, когда он смотрит на человека: напряженно, внимательно.

Мне хотелось фыркнуть. Она преувеличивает мои возможности. В прошлый раз мне пришлось выгнать Оливию из города, чтобы вернуть его. Но это известно только мне и Оливии. Что потребуется сделать на этот раз?

— Я не знаю, как. Я уже все перепробовала.

— Что мой сын ценит больше всего?

Я откинулась на спинку стула, когда официант принес наши салаты. Я дождалась, пока он уйдет и только потом ответила.

— Семью, — ответила я, ковыряясь вилкой в салате.

— Верно, — согласилась Люка. — Так дай ему ее.

Я замерла. Неужели она действительно имеет в виду то, что только что сказала?

— Ребенок? Думаешь Калеб хочет ребенка? — мы ни разу не говорили о детях после того, как поженились. Я даже не думала о такой возможности. Не уверена, что вообще хочу детей. Мне достаточно Калеба. Это Калеб хочет детей. Всегда хотел.

— Дети сближают людей, — улыбнулась она. — Особенно, когда они отдаляются.

Несколько минут мы ели в тишине, а затем она снова заговорила.

— Тебе не следовало позволять ему нанимать ту женщину.

Я поперхнулась.

— Оливию? — уточнила я.

Люка кивнула.

— Да, Оливию. Она проблема. Всегда была. Прошное должно оставаться в прошлом, Лия. Сделай то, что должна. Я полностью на твоей стороне.

Тогда я впервые задалась вопросом, как много Люка знает о тех месяцах, пока у Калеба была амнезия. Знает ли она что-нибудь о том времени, которое он провел с Оливией? Рассказал ли он ей?

Я отправилась домой, намереваясь поговорить с Каледом о детях, но не успела и рта раскрыть, как он сообщил мне, что переезжает обратно в свою квартиру.

— Ты бросаешь меня? — спросила я, не веря, что это на самом деле происходит. — Мы же были счастливы... до суда. Мы просто прекратили общаться, Калед. Мы можем пойти к психологу.

— Ты была счастлива. Не уверен, что и я был.

— Так ты обманывал меня?

— Ты никогда не спрашивала, Лия. Ты закрывала глаза на то, что не желала замечать.

— Все из-за «Пренавена»? Из-за тех людей, что умерли?

Он поежился.

— Мне правда тяжело понять, почему ты приняла такое решение.

— Ты из-за этого переменял ко мне свое отношение?

Он холодно рассмеялся.

— Еще когда женился на тебе, я знал, что проблемы есть, — он вздохнул и выглядел при этом почти грустным. — Вся эта ситуация заставила меня самого посмотреть на себя другими глазами.

Я не понимаю. Мой отец манипулировал мной. Конечно, он понимал это. Что именно он подразумевал под «проблемами»?

Двадцать четыре часа спустя Калеб ушел.

Депрессия даже рядом не стояла, с тем, через что я прошла. Я потеряла отца, карьеру и мужа в течение года. Свернувшись калачиком, я рыдала несколько дней... недель. Но никто не пришел ко мне. Я пыталась дозвониться сестре, но она почти никогда не брала трубку. У Катин был новый ухажер и она просила не беспокоить ее, а моя мать переехала в наше летний домик в Мичигане сразу же по оглашению приговора.

Я позвонила Сэту. Хоть мне и не следовало делать этого.

Глава 33

Настоящее...

Я мучилась из-за звонка Кэш. Съела еще изюма в шоколаде. Снова смотрела Нэнси Грейс. Поискала в интернете картинки кошек со смешными подписями. Никто не знает, что они мне нравятся; это секрет. Но Сэм застукал меня.

— Серьезно?

Я закрыла ноутбук.

— Попробуй только кому-нибудь рассказать.

— Кому я расскажу? Твоему книжному клубу?

— У меня есть друзья, — настаиваю я. — И никто из них не читает, — я одурела от количества сахара в крови, потому хихикаю. Сэм приподнимает брови.

— И ты гордишься этим?

Я отворачиваюсь, прижимаю колени к груди.
Нянь превращает все забавное в критику.

— Нет, Сэм, — вздыхаю я. А потом, подумав, добавляю, — Я много читала... в старшей школе.

— Космо?

Он складывает белье — он все время складывает белье.

— Ты никогда от этого не устаешь?

— Устаю. Но это моя работа.

О да.

— Я читала романы. Но потом появились занятия поинтереснее.

Я кладу в рот еще несколько изюминок и смотрю на экран телевизора, звук которого выключен. «Но потом появились занятия поинтереснее, а именно *трахаться с мальчиками*», хотела я сказать.

— Сэм?

— Хмम्म?

— Что было в коробке, которую Оливия открыла на вечеринке в честь ее дня рождения?

Он встряхивает одеяльце и умело складывает его в маленький квадрат.

— Тебе какое дело?

— Что если она была от Калеба? — тихо спрашиваю я.

Сэм не смотрит на меня.

— Кэмми так и сказала, — говорит он. — Но я не знаю, что там было, так что не спрашивай.

Я запихнула в рот еще одну пригоршню изюма в шоколаде. Притворилась, что прикусила язык и выкрикнула «Ауч!», чтобы скрыть слезы, подступившие к глазам.

— Лия, — говорит он, — это нормально, если тебе больно. Ты должна сказать ему об этом. И кстати, если ты планируешь сделать карьеру в театре — лучше не делай этого.

— Зачем ему покупать ей подарок на день

рождения?

Сэм не отвечает, и я снова мысленно возвращаюсь к Кэш. В голове как заезженная пластинка крутятся мысли:

Кэш... Калеп... Оливия... Кэш... Калеп... Оливия...

Последний раз я разговаривала с Кэш после суда. Увидев ее в списке свидетелей со стороны обвинения, Оливия провела впечатляющее расследование и выяснила, что Кэш внебрачный ребенок Чарльза Смита. Удивительно, но рассказывая мне об этом, Оливия явно не испытывала удовольствия. Даже сказала, что ей жаль. Целый день у меня кружилась голова, пока я пыталась собрать воедино все части головоломки, чтобы сложилась цельная картина. Не стала ничего рассказывать матери. Я ждала пока Оливия расскажет, кто является отцом Кэш во время перекрестного допроса, тем самым полностью дискредитируя ее показания. Я внимательно наблюдала за лицом матери, когда мой адвокат «бросила бомбу». На нем не отразилось никаких эмоций, и я поняла, что *она знала. Знала, но все равно оставалась с ним.* Обвинение было буквально раздавлено.

Оливии удалось выиграть еще один раунд. Кортни начала всхлипывать еще в здании суда. Со своего места я смотрела на Кэш, и кровь в жилах начала закипать. Она ведь осознанно подставила меня. Ради него. Я должна была бы злиться на него, но весь мой гнев была направлен на безвкусные светлые волосы и розовую помаду.

После фиаско в зале суда, она позвонила мне, умоляя встретиться с ней. Но она позволила моему отцу использовать ее, чтобы разрушить мою жизнь. Я не ответила на ее мольбы и она прислала мне по почте письмо, написанное вручную аж на десяти листах, на которых описывала всю свою жизнь, начиная с момента рождения и заканчивая тем днем, когда мой отец попросил ее работать на него. Я съела целую упаковку замороженного горошка и выкурила три сигареты, пока читала это чертово письмо.

В 1981 году ее мать работала секретаршей у моего отца и, по словам Кэша, она была зачата на его рабочем столе. Отцу не удалось убедить ее мать сделать аборт и он крайне неохотно согласился выплатить ей кругленькую сумму, лишь бы она и ее еще не рождённый ребенок исчезли. Но, не смотря на свои первоначальные чувства, он ежегодно ездил повидаться с Кэшем и оплачивал ее учебу в колледже. Когда она была маленькой, он рассказал ей обо мне и

о Кортни. Она росла, зная, что у ее папочки есть еще две маленькие дочки, и когда он уезжал, он был с ними. Кэш призналась, что в детстве была очарована нами. Она мечтала иметь сестер. Отец даже показывал ей наши фотографии, которые она прикрепила к стене. Больше всего меня удивил как раз тот факт, что у отца были наши фотографии. С каких пор у Чарльза Смита появилось стремление к отцовству? Дочитав до конца письма, я сожгла его. Нельзя было, чтобы Кортни увидела его. Она тяжело переносит удары. Сестра очень похожа на мать. Она очень привязчивая, но в случае стрессовых ситуаций сразу ломается.

— Лия... Лия?

Я поворачиваюсь к Сэму, который все еще продолжает складывать чертово белье.

— Что? — шиплю я. Мне хочется, чтобы он занимался этим в какой-нибудь другой комнате и прекратил выводить меня из себя.

— У тебя телефон звонит — подсказывает он.

Я смотрю на телефон и вижу имя Калеба на экране. Я резко хватаю его и роняю на пол. Поднимаю телефон с пола и, задыхаясь, отвечаю.

— Алло?

— Привет, — здоровается он. — Звоню узнать как Эстелла.

— Она сейчас спит. Она улыбнулась мне!

В телефоне секунд десять висит тишина, а затем он говорит:

— Она похожа на тебя, когда улыбается.

Я мгновенно ощущаю тепло. Мне хочется знать, правлюсь ли я ему от этого сильнее.

— Я скучаю по ней, — вздыхает он.

— Ну, ты можешь прийти, если хочешь. Но я ее тебе не отдам до выходных.

— Я понимаю. На следующей неделе у нее запись к врачу. Я надеялся свозить ее туда. Хочу быть там, когда ей будут делать прививки.

Я вздыхаю.

— Ладно, можешь отвезти ее, — я подумала пару секунд и добавила. — Но я тоже хочу быть там.

Он вздыхает в ответ.

— Я подумываю съездить с ней к Кортни.

Кaleb прочищает горло.

— Думаю, ты должна это сделать. Ты не против съездить к ней одна?

— Я поеду с Сэмом, — быстро отвечаю я. — Просто пришло... время.

— Ты все еще злишься на нее? — спрашивает он.

— Нет, — отвечаю я, но на самом деле, киваю головой.

Глава 34

Прошлое...

Старший брат Калеба — Сэт — старше его на четыре года и два дня. Они совсем не похожи. Я бы сказала, они как Каин и Авель. Я была в шоке, когда впервые встретила с темноволосым и темноглазым

детективом полиции.

— Ты брат Калеба? — выпалила я. В ответ на мое удивление, он выдавил слабую улыбку.

— В последний раз, когда проверял, вроде как был им, — он задержал мою ладонь в своей руке чуть дольше положенного и при этом буравил меня взглядом. — Смею предположить, что мы ни капли не похожи, верно?

Я покачала головой. Сэт не обладал ни одной из черт Калеба. Скорее он был его полной противоположностью — маленький курносый нос, тонкие губы и глаза, настолько темные, что они казались почти черными.

Помню, что считала его *странным*. По натуре Сэт скорее отшельник. Когда вся семья собиралась вместе, в центре внимания всегда оказывался Калеб. Его вечно окружали люди, которые ловили каждое его слово. И наоборот, можно считать, что повезло, если удавалось найти Сэта. На большинство барбекю и ужинов он вообще не являлся, а если и приходил, то прятался в саду или бродил в гордом одиночестве. Если удавалось застать его в одиночестве, он оказывался невероятно общительным и умным. Он напоминал мне Холдена Колфилда. (*Примеч. Холден*

Колфилд — главное действующее лицо романа Джерома Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», ставшее символом юношеского бунта и нонконформизма.) В старшей школе я читала книгу и от Холдена у меня мурашки по коже бежали. Иногда Сэт смотрел на меня совершенно неподобающим образом, и уголки его губ слегка изгибались, от чего я вся покрывалась мурашками.

Как-то раз, еще до того, как мы с Калепом поженились, мы были в гостях у матери Калеба, когда Сэт вдруг повернулся ко мне и сказал:

— Ты напоминаешь мне дешевые реалити-шоу, Лия. Ты пустышка, и притворяешься глупой, одному Богу ведомо зачем.

Я смотрела на него, чувствуя себя полностью униженной, и надеялась, что кроме меня его никто не слышал. Я осмотрела комнату. Калеп был увлечен игрой по телевизору, а его мать заканчивала приготовления к ужину на кухне.

— Какого черта, Сэт?

Он пожал плечами.

— Я знаю, что ты не настолько глупа, как хочешь

казаться. Пустышка, пожалуй. Но у тебя цепкий взгляд.

Я долго смотрела на него, гадая, все ли видят меня такой. Считает ли Кaleb меня такой же.

— Это сексуально, — добавил он. — Не думаю, что мой брат ценит это.

Я покраснела и отвела взгляд. Это была самая длинная речь, которую он адресовал мне. Не знаю, поощрял он меня или оскорблял. Вполне вероятно, и то, и другое. Я никогда не видела его с женщиной. Полагаю, он относится к типу людей, равнодушных к сексу, которые больше озабочены своей карьерой, нежели, тем, кто согреет им постель.

— Почему ты ни с кем не встречаешься?

— Кто сказал, что я не встречаюсь ни с кем?

— Ты никого не приводишь... ни о ком не рассказываешь.

Он фыркнул.

— Ты видела, как мама приветствует женщин, которых мы приводим домой? — в чем-то он был прав. Я слышала, какой прием Люка оказала Оливии.

Она презирает эту женщину так же сильно, как и я. Но Оливию легко ненавидеть, а Люка на самом деле очень приятная женщина, когда узнаешь ее поближе.

Я махнула рукой, отмечая его комментарий.

— Со мной она всегда мила.

Он рассмеялся.

— Потому что вы похожи. Вероятно, в ней живет страх перед соперницей-сучкой.

У меня отвисла челюсть.

— Что не так с членами вашей семьи, если вы говорите то, что думаете. Это так грубо.

Он перегнулся через подлокотник дивана и заговорщически подмигнул мне.

— Ты должна попробовать. Хотя, признаюсь, довольно захватывающе сидеть и наблюдать, как в твоём взгляде отражаются твои мысли, но ты не можешь озвучить ни одну из них.

Я не знала, что сказать. Сэт, заметив выражение моего лица, рассмеялся.

— Не переживай, Лия. Твои секреты в безопасности. Всем не обязательно знать, что под этой симпатичной копной волос скрывается мозг.

Я уставилась на него, вцепившись в ручки кресла. Я была зла... и невероятно возбуждена. Калекб всегда говорит ровно столько, чтобы очаровать своего собеседника и заставить его впоследствии гадать, что он имел в виду. Сэт же извергает правду, как «Старый Служака»: слишком много, слишком быстро, слишком напористо. *(Примеч. Старый служака — один из самых знаменитых гейзеров на Земле. Он расположен в Йеллоустонском национальном парке в штате Вайоминг, США. Во время одного извержения гейзера выбрасывается от 14 000 до 32 000 л кипящей воды на высоту от 32 до 56 м продолжительностью от 1,5 до 5 минут. Это самый предсказуемый гейзер на планете, он извергается каждые 35—120 минут.)*

Неудивительно, что с ним мало кто разговаривает.

— Ты мудака, и тебе это прекрасно известно.

Он пожал плечами и отвернулся к телевизору.

— Мне говорили. Но я, по крайней мере, вижу тебя насквозь. Мой брат замечает лишь твои волосы.

Я встала, но его следующие слова заставили меня снова сесть.

— Я ждал, что ты вспомнишь, — сказал он.

— Вспомню что?

Он неотрывно смотрел мне в глаза, и я вздрогнула.

— Что мы с тобой переспали.

Если бы в руках у меня был бокал, я бы скорее всего выронила его. Я перевела взгляд на Калеба. К счастью, он был поглощен беседой.

— Что ты несешь? — зашипела я.

— Расслабься, — беззаботно ответил он. — Это было давно.

Я пыталась вспомнить его лицо. Я ведь должна была бы мгновенно его вспомнить, если бы мы переспали? Вероятно, нет. Я часто прыгала в койку к малознакомым мужчинам. Но если мы пере... почему он так долго тянул и не говорил мне?

— Ты издеваешься надо мной, — предположила я.

— Неа, — он так беззаботно помотал головой из стороны в сторону, что я задалась вопросом, говорим мы о сексе или о том, что он съел на ланч.

— Ты определенно приходила в мой номер в отеле. Это было на выходные после четвертого июля, шесть лет тому назад. Мы встретились в маленьком баре в Киз.

Я чуть не упала в обморок. Шесть лет назад, я действительно ездила в Киз с сестрой и несколькими друзьями. Мы собирались отпраздновать сразу день рождения и день независимости.

— Как это ты помнишь, а я нет?

— Настолько я помню, ты была очень пьяна.

О Боже. Я вспомнила, что познакомилась там с парнем в баре. Он танцевал со мной, а затем мы пошли в его отель на противоположной стороне улицы. Неужели ли это действительно был Сэт? Насколько это реально?

— Не...

— Говори моему брату, — закончил он за меня.
— Ага, я понимаю, что ты не хочешь, чтобы он узнал.

Я — могила, — он сделал вид, что закрывает рот на ключ и выбрасывает его.

Как такое возможно? Если Калев узнает...

Он не узнает. Нам с Сэтом обоим есть что терять. Я кивнула ему.

— Спасибо.

После того дня, я пыталась как можно реже общаться с Сэтом. Он искал меня, если мы оба оказывались на какой-то вечеринке. Это огорчало меня, но в тоже время я была польщена. У него всегда были наготове колкие замечания о моем цепком взгляде или неприличных мыслях. Иногда, он обращался ко мне, когда мы находились в одной компании: «Что ты думаешь об этом, Лия?» или «Я бы хотел услышать мысли Лии по этому поводу». И я была вынуждена отвечать. Он всегда отпускал неуместные замечания, пока никто не слышал. Иногда я так сильно краснела от того, что он говорил мне, что Калев обеспокоенно смотрел на меня и спрашивал, все ли в порядке. Только Сэту удавалось заставить меня краснеть. Мне даже казалось, будто у нас какое-то тайное братство. И я часто гадала, прав ли он — видит ли Калев настоящую меня — видит ли настоящую меня хоть кто-нибудь.

Во время суда надо мной, Сэт приходил почти на каждое слушание. Мне льстила неожиданная поддержка с его стороны, но я все же была смущена. Это была молчаливая поддержка, но тем не менее она была... в левом углу на заднем ряду. Кaleb был рад, что он приходил. Отношения между ними всегда были натянутыми. Я всегда считала, что пропасть между ними была вызвана тем, что Лука предпочитала младшего сына.

— Наверное, ты, правда, ему нравишься, Рыжая, — отметил Кaleb, после изнурительного дня, когда обвинение допрашивало своих свидетелей. — Его никто не может убедить прийти куда-нибудь, но он приходит сюда ради тебя.

— Он сержант полиции, Кaleb. Уверена, ему все это интересно.

Мне всегда было интересно, представляет ли он себя в роли судьи, пытаюсь решить, испорчена ли я настолько, как всегда утверждает. Так утомительно, когда приходится скрывать настоящую себя ото всех. Наблюдать за ними, пока они наблюдают за тобой. Жалеть узнать мысли окружающих тебя людей, и до смерти бояться, что в этих самых мыслях люди осуждают тебя. Я была жутко зла на человека, которого называла отцом всю свою жизнь. Я

постоянно ловила себя на мысли, а что бы было, если бы отец не умер? Хватило бы у него порядочности защитить меня от всего этого? Или он попросил бы меня взять вину на себя? И самое главное: согласилась бы ли я на это предложение?

Именно этот вопрос озвучил Сэт в тот день, когда я позвонила ему, после того, как Калев бросил меня. Сэт заехал после работы и принес коробку пирожных с заварным кремом. Он знал, что я люблю их. Я улыбнулась, когда забирала у него коробку, а затем он прошел за мной на кухню.

— И куда переехал мой брат?

— В свою квартиру, — я открыла коробку и вытащила миндальный круасан. Сэт молча наблюдал, как я надкусываю его и только потом заговорил.

— Твой отец был тот еще тип.

Я прекратила жевать.

— Как сказала твоя горячая миниатюрная адвокатша, он подставил тебя. Это правда?

Не знаю, на что я обиделась больше, на то, что он назвал Оливию «горячей» или что сомневался в

моей невинности.

Я заставила себя проглотить то, что было во рту, и посмотрела на него.

— Он сделал это ненамеренно, — ответила я. — Не думаю, что он собирался умирать.

— Значит, если бы с ним не случился сердечный приступ и он так удобно не повесил все это на тебя, то, по-твоему, он принял бы ответственность за все на себя?

— Да, я уверена в этом.

Но я солгала.

— Кaleb сказал, что ни на одном из документов, которые ты подписала, не было его подписи.

— К чему ты клонишь, Сэт? — рявкнула я. — Ты пришел, чтобы бесить меня?

Он поджал губы и покачал головой.

— Нет, Лия. Я пришел, чтобы проверить, в порядке ли ты. Правда.

— Я в порядке, — хлопнув крышку коробки с

пирожными, я пошла к холодильнику. Я почувствовала, что он идет следом и обернулась. Я развернулась так внезапно, что он врезался в меня, но Сэт не отстранился. Он поцеловал меня. Прямо в губы.

— Сэт! — я оттолкнула его. Он отступил на шаг.
— Что, черт возьми, по-твоему, ты делаешь?

— Ты позвонила мне, — ответил он. — Я думал...

— Что ты подумал? Что я хотела, чтобы ты поцеловал меня? Я позвонила тебе, потому что Калев бросил меня, и я не знаю, что делать! Тебе не нужно приходить сюда и соблазнять меня.

Он снова поцеловал меня. В этот раз крепче. Я вяло ответила на поцелуй, а затем оттолкнула его.

— Убирайся, — потребовала я, указывая на дверь.

Он ушел и я расплакалась. Как давно Калев не целовал меня? Я попыталась вспомнить. Неужели последний раз был еще до того, как начался суд? Я перебирала в памяти события всех этих месяцев долгой подготовки и не смогла вспомнить ни одного

раза, когда Калёб поцеловал бы меня. Как же я не заметила этого? И почему грубый поцелуй Сэта помог мне вспомнить об этом?

Глава 35

Настоящее...

Спустя несколько дней после звонка Кэш, около часу дня мы подъехали к желтовато-коричневому зданию. Не успела я проверить в порядке ли мой макияж, как Сэм уже выпрыгнул из машины и вытащил из машины Эстеллу. Пока я открывала дверцу, заметила, что руки у меня дрожат. Мы встретились перед машиной.

— Ты в порядке? — спрашивает Сэм.

Я, не глядя, киваю. Глаз от здания не могу отвести. Жаль, что я нацепила туфли на каблуках. Порой они придают мне уверенности, но сегодня из-

за них я чувствую себя напыщенной. Мы молча идем к зданию, и тишину нарушает только стук моих каблуков.

У стойки регистрации я называю свое имя: Джоанна Смит. Вижу, как Сэм вопросительно приподнимает бровь. Я не смотрю на него. Боже, я ненавижу это имя. Я сказала Сэму, что мы едем навестить мою сестру, но не говорила, где она находится. Мы идем по длинному коридору, в котором сильно пахнет антисептиком. Я смотрю на ребенка и гадаю, не побеспокоит ли ее этот запах, но она спит. *Она всегда крепко спит.* Я улыбаюсь.

Мы проходим к самой дальней комнате. Я замираю на пороге и Сэм кладет руку мне на плечо. Внезапно мне становится нехорошо. Он подталкивает меня вперед. Он так чертовски настойчив.

Я захожу. Она сидит в инвалидной коляске лицом к окну. Яркий солнечный свет льется ей на лицо. Она, видимо, не замечает этого и смотрит прямо перед собой, на самом деле ничего не видя. Я медленно подхожу к ней и опускаюсь перед ней на колени.

— Корт, — я беру ее руки в свои. Они

безжизненные и холодные. — Корт, это я, — она смотрит мимо меня. Я осматриваю комнату — кровать, телевизор, два стула. Никаких личных вещей; ни цветов, ни картин на стенах, как в комнатах, мимо которых мы прошли. Я перевожу взгляд обратно на Кортни.

— Прости, что не приезжала до этого, — извиняюсь я. — Я привезла Эстеллу, чтобы повидаться с тобой.

Сэм уже успел вытащить ее из автомобильного кресла и теперь протягивает ее мне. Она уверенно держит шейку, когда я беру ее на руки, и взглядом огромных голубых глаз с невинным любопытством смотрит по сторонам. Я кладу ее на колени Кортни и придерживаю рукой. Но сестра не шевелится, не моргает и никак не реагирует на то, что к ней прижимается крошечное живое существо. Несколько секунд спустя Эстелла начинает ерзать и я беру ее на руки.

Волосы у сестры сальные и тусклые, и слишком короткие, чтобы собрать их в хвост, поэтому пряди волос облепляют ее лицо. Я протягиваю руку и убираю их ей за уши. Ненавижу это. Ненавижу это место и ненавижу то, что моя сестра находится здесь. И себя ненавижу за то, что не приезжала раньше. Ей

не место здесь. И я принимаю решение прямо здесь и сейчас.

— Сэм, — говорю я и встаю, — Я хочу забрать ее домой... к себе домой. Я найму кого-нибудь, чтобы приходили и помогали.

— Окей, — отвечает он. — Ты решаешь этот вопрос со мной или... — он качает головой, и мне хочется стукнуть его десятый раз за сегодня.

— Я просто говорю тебе, идиот.

Он ухмыляется.

— Кортни, я собираюсь забрать тебя домой. Просто мне нужно пару дней, хорошо... чтобы все подготовить.

Я легонько касаюсь ее лица. Красивая энергичная Кортни, я вижу ее черты в этом человеке, высокий лоб, нос с горбинкой, но в глазах пустота. Я обнимаю ее за шею и целую ее в лоб. Кончиками пальцев ощущаю толстый и твердый шрам. Подавив всхлипывание, я выпрямляюсь. Эстелла цепляется за мою блузку, кулачками крепко сжимая ткань. Я выхожу, не оглядываясь, в стук моих каблуков слышится новая цель.

Сэм и Эстелла ждут, пока я разговариваю с директором этого заведения. Когда мы уходим, в руках у меня стопка рекламных брошюр по уходу на дому.

Мы возвращаемся в машину, и только тогда Сэм впервые после выхода из палаты Кортни подает голос.

— Значит... Джоанна?

— Заткнись, Сэм.

— Это вполне уместный вопрос, ваша светлость. Если ты не скажешь мне, почему ненавидишь свое имя, впредь я буду называть тебя только Джоанной.

Я вздыхаю. Что можно рассказать ему? Кaleb единственный, кто знает правду. Какого черта? Теперь уже и не знаю, почему это было такой огромной тайной. Отца больше нет, его империя рухнула, а моя мать — алкоголичка. Поооочему бы не открыть правду и няньке?

— Меня удочерили. Никто не знает. Это была огромная тайна, — я качаю головой, кривя губы, как будто это все ничего не значит для меня. Сэм громко присвистывает.

— Так что, я родилась в Киеве. Моя родная мать работала в борделе — бла-бла.

— Бла. Бла, — повторяет Сэм. — Кажется, здесь кроется нечто большее, чем бла-бла.

Я бросаю на него суровый взгляд, а затем продолжаю.

— Моя родная мать не хотела отдавать меня. Она была молода. Ей тогда было шестнадцать. Когда она была маленькая, ее мать читала ей американскую книгу, которая называлась «Сказки Джоанны». Она согласилась отдать меня, только при условии, что мои родители назовут меня Джоанной. Они так сильно хотели ребенка, что согласились на это условие.

— Ну, в некотором роде это же здорово, — высказывается Сэм. — Как будто она подарила тебе частичку себя.

Я фыркаю.

— Ага, так вот... только когда мне исполнилось восемь, родители рассказали мне, что они меня удочерили. Представь себе, насколько я была шокирована. Они усадили меня на стул в столовой

для официальных приемов — только крошечная маленькая я и они — в этой грандиозной комнате. Я так боялась, что что-то натворила, что все время дрожала. Как только я узнала о происхождении своего имени, я больше не хотела, чтобы меня так звали.

Сэм тянется и утешающе сжимает мое плечо.

— Боже, а я-то думал, что мои родители отстой.

Я корчу рожицу.

— Вот поэтому я и пользуюсь вторым именем.
Конец.

— Кортни их родная дочь?

Я киваю.

— Что с ней случилось?

— Когда отец умер, она заболела.

Он прерывает меня.

— Заболела?

— Что-то с головой, — объясняю я. — Она

всегда такая была. У нее диагностировали биполярное расстройство. Она погружалась в депрессии и от нее месяцами бывало ни слуху, ни духу. Но в тот раз она никому ничего не сказала. А мы все так зациклились на себе, что о ней и не вспоминали. Полагаю, смерть отца и все события, касавшиеся суда надо мной, довели ее до крайности.

— Так значит, она —

Я слишком резко тормозу на светофоре, когда загорается красный и Сэма бросает вперед.

— Она пыталась застрелиться. Пуля задела мозг, но им удалось вовремя спасти ее. Но мозг слишком сильно пострадал.

— Боже, — говорит он. — И сегодня ты навещала ее впервые после...

— После больницы, после того как это все произошло.

Он округляет глаза.

— Не суди меня, — рывкаю я. — Я была беременна. У меня был постельный режим.

— Ты была эгоистичной, самовлюбленной

сухой.

Я смотрю на него.

— Мне было страшно.

— Чего ты боялась, Лия? Она же твоя сестра. Боже, поверить не могу, что работаю на тебя. Мне плохо.

Я смотрю на него. Он выглядит так, будто и правда испытывает отвращение.

— Я все исправлю, — обещаю я.

Следующие несколько минут мы едем в полной тишине.

— Ооо! «Джамбо джус». Хочешь сок? — я сворачиваю на парковку, и к моему удовлетворению, Сэм с громким стуком ударяется головой об окно пассажирской двери.

— Извини, — улыбаюсь я.

Он потирает голову, кажется, забыв о своем вопросе.

— Я собираюсь попросить Калеба вернуться

домой, — сообщаю я, когда нахожу, где припарковаться, и смотрю ему в глаза, чтобы видеть его реакцию.

— Я не хочу фруктовый сок, — отвечает он.

— Ну же, Сэм.

Он качает головой.

— Плохая идея. Тебе будет больно.

— Почему?

Сэм вздыхает.

— Не думаю, что он готов. Кaleb из тех парней, у которых есть четкий план.

— Что это означает?

Сэм почесывает затылок, будто ему неудобно.

— Что тебе известно? — прищурившись, спрашиваю я.

— Я парень. Я просто знаю.

— Ты гей! Тебе не дано понимать мужчин по-

настоящему.

Он качает головой.

— Ты самая неприятная женщина, которую я когда-либо встречал, знаешь это? И я вовсе не гей.

У меня отвисает челюсть.

— Что ты имеешь в виду?

Он смущенно пожимает плечами.

— Я сказал тебе, что я гей, чтобы ты не клеилась ко мне.

Я моргаю. Он же не серьезно?

— С чего ты взял, что я захочу клеиться к тебе?
Фу, Сэм! Поверить в это не могу!

Он вздыхает.

— Мы сок сегодня получим или нет?

Я выпрыгиваю из машины.

— Я ничего тебе не куплю. Оставайся здесь с ребенком.

Я так зла, что прохожу мимо «Джамбо Джус» и мне приходится возвращаться. Все мужчины — ничемные лжецы. Мне следовало догадаться, что он не гей. В его одежде слишком много полиэстера, как для гея. И я ни разу не видела, чтобы он заглядывался на Калеба, а ведь Калек чертовски хорош.

Потягивая сок, я нахожусь уже на полпути к машине, когда вдруг меня разбирает смех.

Добравшись домой, я звоню Калебу, но мне приходится трижды набрать его, прежде, чем он отвечает.

— Сегодня вечером, когда ты приедешь забирать Эстеллу, надеюсь, ты ненадолго удержишься, чтобы мы могли поговорить.

Он долго молчит, а затем выдает:

— Да, мне тоже надо с тобой поговорить, — я чувствую, как во мне вспыхивает надежда.

— Хорошо, договорились. Попрошу Сэма сегодня немного задержаться.

Я слышу, как он вздыхает.

— Хорошо, Лия. Увидимся вечером.

И он отключается. Только несколько минут спустя я понимаю, что Калеб никогда не сбрасывает звонок, не попрощавшись.

Прошлое...

Спустя четыре месяца после того, как Лию оправдали, я подал на развод.

Оливия.

— Это была моя первая мысль.

Тёрнер.

— Это была моя вторая мысль.

Мудак.

— Это была моя третья мысль. Затем я собрал их все в месте в одно предложение: *Этот мудак Тёрнер собирается жениться на Оливии.*

Сколько времени у меня осталось? Она все еще

любит меня? Если у меня получится отбить ее у этого
чертового придурка, сможем ли мы построить что-то
вместе на том хаосе, который создали? Мысли об
этом не покидала меня, она злила меня. Мы оба так
много лгали друг другу, так грешили, как против друг
друга, так и против тех, кто вставал на нашем пути.
Как-то раз я пытался объяснить с ней. Это было во
время суда. Я пришел в здание суда пораньше, чтобы
застать ее одну. Она была одета в мой любимый
оттенок синего — аэропортно-синий. Это был ее
день рождения.

— С днем рождения.

Она подняла голову. Сердце разрывалось от
чувств, как и всегда, когда она смотрела на меня.

— Удивлена, что ты помнишь.

— Почему это?

— Ну, за последние пару лет ты успел забыть
чертовски много.

Я ответил улыбкой на ее сарказм.

— Я никогда не забывал тебя...

Я ощутил прилив адреналина. Вот этот момент

— сейчас я ей все объясню. Но тут зашел прокурор. Объяснение пришлось отложить.

Я переехал из нашего с Лией дома обратно в свою квартиру. Бродил по коридорам,пил скотч и ждал.

Чего я ждал? Что она придет ко мне? Или что я отправлюсь к ней?

Я подошел к комоду, в котором храню носки — бесславный хранитель колец для помолвки и прочих моментов — и провел рукой по дну. В ту минуту, когда пальцы коснулись его, я испытал небывалый прилив чувств. Подушечкой большого пальца я потер слегка зеленоватую поверхность «пенни для поцелуев». Целую минуту я смотрел на него, перебирая в памяти те случаи, когда я выменивал на него поцелуи. Это был пустяк, дешевый трюк, который однажды сработал, но в итоге он принес в мою жизнь нечто столько важное.

Я надел спортивные штаны и отправился на пробежку. Бег помогает мне думать. В голове крутилось море мыслей, когда я сворачивал к пляжу, по пути оббегая маленькую девочку с мамой, которые, держась за руки, шли по дорожке. Я улыбнулся. У маленькой девочки был длинные,

черные волосы и поразительные голубые глаза — она здорово напоминала Оливию. Наша дочь могла бы выглядеть так же? Я остановился и нагнулся, опираясь руками о колени. Это не должна быть гипотетическая ситуация. У нас все еще может быть дочь. Я засунул руку в карман и вытащил «пенни для поцелуев», а затем рванул к машине.

Сейчас самое время. Если Тёрнер встанет на пути, я просто сброшу его с балкона.

Я был в нескольких километрах от квартиры Оливии, когда зазвонил телефон.

Высветился незнакомый номер и я *ответил* на звонок.

— Кaleb Дрэйк?

— Да? — резко ответил я, и, свернув влево к океану, нажал на педаль газа.

— Кое-что случилось... с вашей женой.

— Моей женой? — *Боже, что она натворила на этот раз?* Я вспомнило о ее «войне» с нашими соседями из-за их собаки и подумал уж не сделали ли она какую-нибудь глупость.

— Меня зовут доктор Летч, я звоню вам из Медицинского Центра Уэст-Бока. Мистер Дрэйк, вашу жену доставили к нам несколько часов назад.

Я ударил по тормозам, и так резко вывернул руль, что завизжали колеса, и развернулся в обратном направлении. Громко сигналя, меня объехал внедорожник.

— Она в порядке?

Доктор прочистил горло.

— Она выпила целый пузырек снотворного. Ее обнаружила ваша домработница и позвонила в 911. Сейчас состояние вашей жены стабильно, но мы бы хотели, чтобы вы приехали.

Я остановился на светофоре и провел рукой по волосам. Это моя вина. Я знал, что она очень тяжело переносит разрыв, но не думал, что дело дойдет до суицида. Это не в ее стиле.

— Конечно, я уже еду.

Я отключился. Сбросив звонок, я ударил кулаком по рулю. Некоторым вещам, видимо, не суждено быть.

Когда я приехал в больницу, Лия уже проснулась и спрашивала обо мне. Я зашел в ее палату, и мое сердце остановилось. Она полусидела, опираясь на подушки, ее волосы напоминали воронье гнездо, а кожа была такая бледная, что казалась прозрачной. Ее глаза были закрыты, так что у меня было время придать лицу соответствующее выражение, прежде чем она заметит меня.

Я сделал несколько шагов в ее сторону, и она открыла глаза. Увидев меня, она сразу же расплакалась. Я присел на край кровати и она вцепилась в меня, рыдая так неистово, что намочила мою рубашку. Мы сидели так очень долго.

— Лия, — наконец, сказал я, отрывая ее от своей груди и усаживая обратно на подушки. — Зачем?

Ее лицо блестело и было красным, под глазами залегли темные круги. Она отвела взгляд.

— Ты бросил меня.

Три слова. Я испытал такое огромное чувство вины, что с трудом сглотнул.

— Калев, пожалуйста, возвращайся домой. Я беременна.

Я закрыл глаза.

Нет!

Нет!

нет...

Глава 36

Настоящее...

Я отправляю Сэма наверх и жду Калеба.

Щелчок.

Щелчок.

Щелчок.

Сегодня все должно пойти по-моему. Он стучит, вместо того, чтобы воспользоваться ключами. Это плохой знак. Я открываю дверь и вижу его мрачное

лицо. Он не смотрит на меня.

— Привет, Кaleb, — здороваюсь я.

Он ждет, когда я приглашу его войти, а затем поднимается вверх, чтобы поздороваться с Эстеллой. Я слеую за ним в детскую. Сэм здоровается с ним кивком головы, и Кaleb забирает у него малышку. Она улыбается, как только видит его, и размахивает кулачками. Я даже немного ревную к тому, как быстро он вызвал у нее улыбку.

Кaleb целует ее в обе щеки и затем под подбородком, что заставляет ее хихикать. Он повторяет это снова и снова, пока она не начинает смеяться так сильно, что даже мы с Сэмом улыбаемся.

— Мы должны поговорить, — говорю я, стоя в дверях. Я чувствую себя посторонней, когда он в комнате с Эстеллой.

Он кивает, не глядя на меня, поцелуями заставляет ее хихикнуть еще несколько раз и передает обратно Сэму. Она сразу же начинает плакать.

Я слышу, как Сэм произносит «Предательница»,

когда мы выходим из комнаты и спускаемся вниз. Калеб оглядывается через плечо, как будто хочет вернуться назад.

— Ты можешь увидеть ее после... — говорю я.

Еще до того, как он пришел, я поставила чайник на плиту; когда мы входим в кухню, он как раз начинает свистеть. Я готовлю ему чай, а он сидит на стуле, сложив ладони напротив рта. Также я замечаю, что он подергивает ногой. Я опускаю пакетик с чаем в кружку с кипятком и стараюсь избегать его взгляда. Несу пакетик к мусорному ведру, когда он говорит:

— Ты ездила увидеться с Оливией?

Мои руки замирают, чай капает на кафель и на мои штаны.

— Да.

Теперь я знаю, почему он дергает ногой.

— Ты вынудил меня сделать это, — я нажимаю ногой на рычаг, чтобы открыть мусорное ведро и бросаю в него пакетик. Чувствую, как Калеб на меня смотрит.

Он склоняет голову на бок.

— Ты, правда, в это веришь, не так ли?

Я не знаю, о чем он говорит. Я потираю ноготь на большом пальце.

— Она звонила тебе? — вот ведь *болтливая сучка*, с горечью думаю я. А затем с ужасом думаю, *что еще она могла ему рассказать?*

— Ты не имела никакого права, Лия.

— Я имела право. Ты купил ей дом!

— Это было до тебя, — спокойно возражает он.

— И ты даже не собирался сказать мне? Правда? Я твоя жена! Она вернулась, когда у тебя была амнезия, и лгала тебе! Ты не мог рассказать мне, что купил этой женщине дом?

Он отводит взгляд.

— Все намного сложнее, — объясняет он. — У нас с ней были планы.

Сложнее? Сложнее, кажется, слишком хорошее слово для Оливии. Я, определенно, не хочу знать о

планах, которые он с ней строил. Он должен увидеть правду. Я должна заставить его увидеть правду.

— Я сама выяснила, Кaleb, как она лгала тебе, пока у тебя была амнезия.

Он приподнимает бровь, глядя на меня. Может быть, если я скажу ему правду, он, наконец, увидит, какая я верная, как сильно я его люблю.

— Я заплатила ей, чтобы она уехала из города. Она рассказывала тебе об этом во время суда надо мной? Она с радостью променяла тебя на пару сотен баксов.

Как-то по телевизору я видела, как прорывает плотину, сотворенную природой. Помню, живописную картину реки, окруженной деревьями. Внезапно все деревья исчезли, их смыло, когда исчез берег реки. Поток разгневанной воды, понесся вперед, уничтожая все на своем пути. Все случилось так быстро и происходило так яростно.

По глазам Калеба я вижу, что плотину прорвало.

Глаза человека отражают все его мысли. Если внимательно наблюдать за глазами, можно увидеть, как в них отражается грубая, неприкрытая правда.

Если внебрачному ребенку проститутки нужно узнать, о чем думают ее приемные родители, приходится учиться читать по глазам. Можно различить, как из лжи рождается правда, как боль проникает в черепную коробку, можно даже различить счастье, напоминающее широкий сверкающий луч света. Можно увидеть, как от ужасной потери умирает душа. В глазах Калеба я вижу непроходящую боль — боль, покрытую плесенью. Она настолько глубока, что кровь, слезы и сожаление, скорее всего не в состоянии вершить свой суд.

Что такого есть у нее, чего нет у меня? Она владеет купчей на дом и управляет его болью. Я так завидую его боли, что откидываю назад голову и открываю рот, готовая зарычать от ярости. Он все равно не услышит меня. Как бы громко я не кричала его имя, он не услышит меня. Он слышит только ее.

— Она бы на это никогда не пошла, — не верит он.

— Но она согласилась. Она обманщица. Она не такая, какой ты ее себе представляешь.

— Это ты разгромила ее квартиру, — догадывается он. Он широко распахнул глаза, но

Взгляд словно затуманенный.

Я стыдливо отвожу взгляд. Но нет, я не стыжусь. Я боролась за то, чего хотела.

— Почему она, Калев?

Он мягко смотрит на меня. Я не ожидала, что он ответит. Когда его голос разрывает напряженную тишину между нами, я, не дыша, слушаю его.

— Я не выбирал ее, — его голос надламывается. — Любовь не поддается логике. Человек проваливается в нее, как в колодец. А потом просто застревает и дольше умирает от любви, нежели наслаждается ею.

Я не хочу слушать его поэтические сравнения. Я хочу знать, почему он любит ее. Я тереблю кольца золотых сережек, которые ношу. Я купила их после нашей с ней встречи за обедом. Но я в них выгляжу совершенно иначе. Если она смотрится в них экзотично, то я смотрюсь нелепо. Выдернув серьги из ушей, я отбрасываю их в сторону.

Но, я могу стать той, в ком он нуждается. Он просто должен дать мне шанс, чтобы доказать это.

— Ты должен вернуться домой.

Он опускает голову. Мне хочется крикнуть —
ПОСМОТРИ ЖЕ НА МЕНЯ!

Он смотрит и его взгляд непреклонен.

— Я подписал бумаги на развод, Лия. Все
кончено.

Бумаги?

Я произношу слово вслух. Оно шепотом слетает с
моих губ и обжигает их.

— Бумаги?

Мой брак гораздо нечто большее, чем какие-то
тонкие несущественные бумажки. Нельзя закончить
что-то с помощью этого мерзкого слова. Кaleb,
мужчина привыкший действовать согласно своим
собственным решениям. Но не сейчас. Я буду
бороться за него.

— Мы можем пойти к консультанту. Ради
Эстеллы.

Кaleb качает головой.

— Тебе нужен кто-то, кто сможет любить тебя так, как ты того заслуживаешь. Мне жаль — он сжимает челюсть и смотрит на меня почти умоляюще, как будто ему нужно, чтобы я поняла. — Я не в состоянии дать тебе такую любовь. Боже, я бы хотел, чтобы я мог, Лия. Я пытался.

Я обдумываю его слова, правда, обдумываю. Вспоминаю тот раз, когда заметила, как он смотрит на Оливию так, словно она, черт возьми, единственный человек, который имеет значение на всей этой чертовой планете. Думаю о том, как он хранил ее мороженое в холодильнике целых два года. Что же это за любовь? Одержимость? Что она такого сделала, чтобы его мозг заиклился на ней. Обдумав все это, я начинаю задыхаться, несусь к дверям, ведущим с кухни во внутренний двор, и распахиываю их настежь. На улице душно, ни дуновения ветерка. Воздух напоминает желе и мне кажется, что все косточки моего сердца ломаются. Я выхожу во внутренний двор и почти сразу же чувствую, как ткань блузки прилипает к спине. Краем глаза замечаю, что Калев вышел за мной следом. Он стоит, держа руки в карманах, и жуёт нижнюю губу.

Мысленно пытаюсь придумать какую-нибудь новую хитрость. Смотрю на его лицо: на нем отражается напряжение, решительность, сожаление.

Мне не нужно его сожаление. Я хочу то, что есть у Оливии. Хочу, чтобы ему было достаточно одной меня.

Честность опасна и я ненавижу ее. Она способна разрушить жизнь человека... Боже, я бы лучше ходила вокруг правды и придумала ложь, с которой смогла бы жить. Вот что я называю компромиссом. Знать, что мой муж любит другую женщину и жить с этим знанием... такой правде не хочется смотреть в глаза, но сейчас он вынуждает меня сделать это.

Я прекращаю ходить из стороны в сторону и останавливаюсь перед ним, положив руки на бедра.

— Я не подпишу документы на развод. Я буду бороться за тебя.

Мне хочется ударить его, когда он щурит глаза и отрицательно качает головой.

— Зачем тебе это, Лия?

Затем, что я хочу семью, которую я создам своим трудом, своим потом и кровью. Мне хочется, чтобы это что-то значило. Я честно и справедливо выиграла. Сучка держала его в своем кулачке, а мне удалось вернуть его. Почему же, черт возьми, мой

приз желает развестись со мной? Я пытаюсь взять себя в руки, собрать воедино все озлобленные частички, на которые разлетелась моя душа и связать их воедино, чтобы вновь обрести контроль над ситуацией. С Каледом злоба не пройдет. Его можно только вразумить. В нем сочетаются честь британца и практичность американца.

— Я хочу то, что ты поклялся дать мне. Ты обещал, что никогда не сделаешь мне больно! Ты клялся любить меня в горе и в радости!

— Обещал, но я не знал... — он накрывает лицо ладонями. Не знаю, хочется ли мне, чтобы он продолжал. Его акцент, его чертов акцент.

— Ты не знал чего, Калед? Что ты все еще одержим своей первой любовью?

Он поднимает голову. Мне удалось привлечь его внимание.

— Я нашла то кольцо. После аварии. Зачем ты купил мне кольцо, если по-прежнему любил ее?

Его лицо сереет, но я продолжаю.

— Они не настоящие. Чувства, которые ты

испытываешь к кому-то или к чему-то, чего больше не существует. А я настоящая. Эстелла настоящая. Будь с нами.

Он и дальше молчит.

С минуту я рыдаю. С чего он взял, что ему известен ключ к счастью? Я думала у меня есть этот ключ и, посмотрите, куда это привело меня. Однажды Калевб сказал мне, что любовь это желание, а желание ничтожно. Я напоминаю ему об этом. Он кажется шокированным, словно поверить не может, что я оказалась способна понять эти слова. Возможно, я слишком долго притворялась дурочкой перед ним.

— Все не так просто, Лия.

— Делай то, что у тебя получается лучше всего, пользуясь тем, что имеешь. Ты не можешь бросить нас. Мы твое настоящее, — я ударяю себя кулаком по ладони.

Он матерится, сцепляет руки за шеей и смотрит в небо. Я не чувствую раскаяния из-за того, что направила на его чувство вины. Это всегда срабатывает. Когда он переводит взгляд на меня, его лицо не выражает раскаяние, как я надеялась.

— Мы с тобой не знаем как играть честно, — он выдыхает воздух через нос.

Лучше бы мне оставить этот комментарий без внимания, но я чувствую, что между строк скрыт какой-то смысл и вынуждена докапываться до него.

— Что ты имеешь в виду??

Кaleb переводит взгляд на мое лицо. Меня передергивает.

— Зачем ты сделала все это? Шантажировала Оливию... разгромила ее квартиру?

Я не колеблюсь с ответом.

— Потому что люблю тебя.

Он кивает, словно, соглашается с таким объяснением. Во мне вспыхивает надежда. Может быть, он увидит, что я сделала, пока боролась за любовь.

— А мы не такие уж и разные, — он потирает носком ботинка плитку и улыбается так, словно только что съел дольку грейпфрута. Его глаза широко раскрыты, а взгляд ясный, когда он смотрит на меня: несладкий кленовый сироп.

— Лия... — он вздыхает и закрывает глаза. Я готовлюсь услышать, что он собирается сказать, но ничто не в силах подготовить меня к тому, что слетает с его губ.

— Кольцо было для нее, Лия.

Я ощущаю, как по венам струится ужас, словно он нечто существующее реально, например кровь. Он несется вперед, тянет и рвет на части. А затем Кaleb говорит слова, которые переворачивают весь мой мир.

— Я только делал вид, что у меня амнезия.

Я воспринимаю каждое слово по отдельности. Мысленно я вынуждена собрать их и объединить в одно целое, чтобы понять. Но я не понимаю. Зачем ему нужно было это делать?

— Зачем? Твоя семья... я... зачем ты так с нами поступил?

— Оливия, — вот и весь его ответ.

Ему больше нет нужды говорить мне что-то еще, чтобы я могла собрать все кусочки мозаики воедино.

Я прихожу к выводу, что ненавижу цвет кленового сиропа. Лучше я подавлюсь и умру, давясь сухими блинчиками, нежели еще хоть раз съем хоть ложку кленового сиропа.

— Да пошел ты, — цежу сквозь зубы я. Затем, я произношу это снова. И снова. И снова. Я повторяю эти слова, пока не оказываюсь на полу, свернувшись калачиком, но я в состоянии думать только о том, как я выброшу бутылку черного кленового сиропа из своего холодильника и из своей жизни навсегда.

У меня кружится голова. Еще никогда в жизни мне не было так больно. Сердце сокращается и сжимается. Сначала я ощущаю тяжесть, а затем мне уже кажется, что его там и вовсе нет, словно Калев просунул руку в мою грудную клетку и сжимал мое сердце пока то не лопнуло. На груди будто поселился слон весом в несколько тонн. Я слабо пытаюсь найти в себе силы, но из меня будто все соки выкачали. Затем во мне что-то вспыхивает, и, неловко дернув головой, я смотрю на него со всей ненавистью, которую ощущаю в данную минуту.

Он стоит спиной ко мне, пока я не прекращаю плакать, а когда я встаю, он поворачивается лицом ко мне.

— Знаю, просто сказать «извини» было бы оскорблением. Я больше, чем просто сожалею обо всем, что сделал. Я женился на тебе, хотя мое сердце целиком и полностью принадлежало другой. Я лгал всем. Я сам себя больше не узнаю.

Эмоции переполняют меня. Даже не знаю, чего хочу больше, чтобы он смотрел, как я перерезаю себе вены или перерезать вены ему и тем самым положить конец моим страданиям. Мое лицо залито слезами, тушь размазалась, из носа потекло. Мне хочется сделать ему больно.

— Думаешь, что можешь бросить нас и станешь счастлив? Она вне досягаемости, Кaleb, — издеваюсь я. — Замужем... в постели с мужем, — я замечаю, как его передергивает, но моя ярость только усиливается.

Облизываю губы и чувствую вкус вина. Я так много выпила, что мой язык, готов раскрыть каждую некрасивую тайну, которую я скрываю и выплеснуть их всего на него, одну за другой, пока он не задохнется под их тяжестью. Мне хочется, чтобы ему стало нечем дышать, хочется сдавить его трахею, и с помощью того, что я знаю, у меня это несомненно получится.

С чего начать? Я раздумываю, не сказать ли ему, что встретила Ной, и что он чертовски сексуальный Ганди, и что я понимаю, почему Оливия решила двигаться дальше.

Я качаю головой. Слезы, как лимонный сок, обжигают глаза. Я должна узнать все. Чем он занимался в те несколько недель, когда я думала, что она заполучила его.

— Ты спал с ней — пока притворялся, что у тебя чертова амнезия?

Наступает неприятная длинная пауза, которую я, видимо, могу воспринимать, как положительный ответ.

— Да, — его голос звучит неожиданно хрипло.

— Ты когда-нибудь любил меня?

Он опускает голову, пока думает.

— Я люблю тебя, — признается он, — но не так, как нужно.

Мое сердце разрывается на части, когда до меня доходит. Он любит меня — но он никогда не был влюблен в меня.

— Ты не любишь меня так, как любишь Оливию.

Он вздрагивает, словно я ударила его. На какую-то долю секунды, его бесстрастность исчезает, и я вижу столько боли в его лице, что это захватывает меня врасплох. Но его лицо быстро принимает бесстрастное выражение снова.

Кажется, ему жаль, правда жаль, а может быть, просто мое зрение помутилось от слез. Я снова опускаюсь на пол и прижимаю колени к груди. Слышу, как он опускается на пол рядом со мной. Долго время никто из нас не произносит ни слова. Я прокручиваю в мыслях весь тот год, когда он притворялся, что у него амнезия, вспоминаю все разговоры и визиты врача. И не нахожу ни единой зацепки в его истории. Я ищу и ищу, пытаюсь найти хоть один раз, когда в тот год, я бы почувствовала, что он был нечестен со мной, но ничего не нахожу. Чувствую себя такой идиоткой. И использованной. Как я могла быть так влюблена в человека, который так хотел обмануть меня? Чувствую себя выброшенной вещью, нежеланной и бесполезной. Знаю, что выгляжу ужасно; влажные от слез пряди волос облепили лицо — лицо, которое всегда краснеет и покрывается пятнами, когда я плачу. Я никогда не позволяла ему увидеть меня в таком состоянии, даже

когда умер мой отец.

У меня так много вопросов, ответы на которые я просто обязана узнать, но язык намертво прилип к гортани. Кaleb пытался вернуть Оливию. И не один раз, а дважды: сначала, когда притворился, что у него амнезия и второй раз, когда нанял ее в качестве адвоката для меня. Если он так отчаянно ее хотел, почему не бросил меня, когда у него был такой шанс? Не в его характере медлить.

Его честность повергает меня в шок. В голове вспыхивает жгущая правда о том, как я заставила его сделать мне предложение, после того, как вынудила Оливию уехать из города. Но это не моя вина. Он не должен был жениться на мне. Возможно, я отчаянно старалась удержать его, но я полагала, что он любит меня, что хочет прожить со мной всю свою жизнь. Он ни разу не дал мне повода усомниться в этом. Затем я осознаю еще кое-что: Кaleb не такой хороший, каким я привыкла его считать. Его прямота, честность, то, как он открыто и бескорыстно заботится о людях, которых любит... все эти качества испаряются в свете этого нового лживого Калеба. Бог мой, он сделал всего, что было в его силах, чтобы получить ее, а я сделала все, что было в моих, чтобы держать ее подальше от него.

Всегда ли в дальних уголках сознания жила догадка, что я запасной вариант? У многих людей есть первая любовь, которую они не в силах забыть, но откуда мне было знать, что он до такой степени одержим Оливией? Что же я за женщина, если осознанно вышла замуж за мужчину, который меня никогда не любил? Он вор. Он украл мою жизнь; ее жизнь он тоже украл. Черт возьми, почему я вообще думаю о ее жизни?

Первая ясная мысль, которая у меня появляется — я заставлю его заплатить. В голове мелькает сумасшедшая мысль, в которой я вижу, как я связываю Оливию по рукам и ногам и бросаю ее на съедение аллигаторам в Эверглейдс. (*Примеч. Эверглейдс — национальный парк США*) Конечно же, я никогда этого не сделаю — я найму кого-нибудь, чтобы этот человек сделал это за меня. Я перебираю все эмоциональные потрясения, которые могу обрушить на него. Я так много лгала, что у меня в запасе целый букет секретов, из которых я могу выбрать что-нибудь подходящее. Выбираю самый ужасный и трусь подбородком о плечо. Этот секрет причинит ему боль, скорее всего гораздо более сильную, чем все, что я могла бы сделать или сказать об Оливии. На старт... Внимание...

— Эстелла не от тебя.

Эпилог

Ненависть — удивительное чувство. Она такая же обжигающая и жестокая, как огонь. Она огнем прокладывает себе путь сквозь непосланные свыше причины, пока от них не остается ничего, кроме кучки пепла. Затем она принимается за человечность, языки пламени касаются оставшихся нитей невинности и те тают и сливаются воедино, превращаясь в нечто ужасное. А затем на развалинах того, кем ты был раньше, ненависть сеет семена горечи. Семена прорастают в лозу, которая душит все, к чему прикасается. Вот так и я, лоза так крепко обвилась вокруг моей шеи, что я едва способна дышать. Одной рукой я вцепилась в лозу, а вторую прижала к груди, чтобы удержать внутри осколки былой себя.

Он сказал, что любил меня. Он должен был защищать меня от боли, а не причинять ее мне столь жестокими способами. Он предал меня. Я умираю. Я уже мертва. Тогда почему я все еще дышу? Боже, я не

знаю, как унять эту боль.

Но моя сила воли все еще при мне. Может я и калека в других отношениях, но силу воли не утратила. Его руки были теплыми. Сейчас же, единственное тепло, которое я ощущаю, исходит от крови, несущейся по моим венам. Вот откуда я знаю, что жива. Я имитировала оргазмы, изображала улыбки, притворялась счастливой. Кaleb делал вид, что у него амнезия, а затем сделала вид, что между нами были какие-то отношения. За это я «ударила его молотком по коленям». Он думал, что Оливия может причинить ему боль, но я причиню ему гораздо больше боли. Я и дальше буду причинять ему боль. А если он снова отправится за ней, я воспряну и сделаю все, что в моих силах, чтобы не дать им быть вместе. Некоторые люди никогда не меняются. Полагаю, я одна из таких.